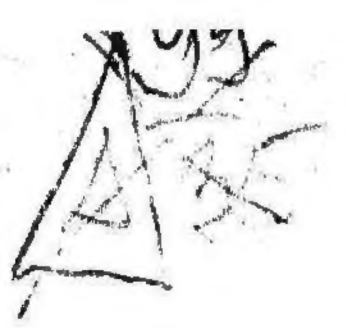

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

по

КАМЕННОМУ ВѢКУ

въ Олонецкой губерніи, въ долинѣ Оки
и на верховьяхъ Волги.

И. Полякова,

члена-сотрудника Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

С. Петербургъ.
Типографія В. Киршбаума, въ д. М-ва Финан., на Дворц. площ.
1881.

Отдѣльные оттиски изъ IX тома Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПО КАМЕННОМУ ВѢКУ ВЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНІИ, ВЪ ДОЛИНѢ ОКИ И НА ВЕРХОВЬЯХЪ ВОЛГИ.

I.

Южная часть Олонецкой губерніи.

1.

Юго-восточное прибрежье Онежскаго озера и сѣверо-западное прибрежье озера Лача.

Дюны Онежскаго озера и дюнныя озера.—Путь въ Каргополь.—Остатки каменнаго вѣка на Тудозерѣ и на берегахъ озера Лача, при устьѣ рѣки Тихманги и при истокѣ рѣки Онеги. — Остатки каменныхъ и костяныхъ орудій около ручья Поляностнаго. — Кости и орудія при устьѣ Тихманги и предполагаемыя физико-географическія измѣненія на сѣверо-западномъ побережьи озера Лача со временъ каменнаго вѣка.

Я оставилъ С.-Петербургъ 22-го мая 1873 года, а 23-го обыкновеннымъ водянымъ путемъ, на пассажирскомъ пароходѣ, прибылъ къ Вознесенскому посаду при истокѣ р. Свири. Отсюда сухимъ путемъ я направился на Оштинскій погостъ, гдѣ въ теченіе трехъ дней осмотрѣлъ выходы горнаго известняка около деревни Карданги и новѣйшія наслоенія по р. Челексѣ, съ ледниковыми образованіями около самой Ошты. Затѣмъ, спустившись на протяженіи 8 верстъ по теченію р. Ошты, я отправился на трешкотѣ по Онежскому каналу до селенія Палтаги, а изъ Палтаги съ однимъ изъ здѣшнихъ рыбаковъ — къ устью Вытегры. Путь мой лежалъ черезъ болотистую мѣстность, среди которой разстилаются 15 озеръ различной величины. Они отдѣлены отъ Онежскаго озера песчанымъ береговымъ валомъ. Исторія происхожденія какъ этого вала,

такъ и самихъ болотъ съ озерами, соотвѣтствуетъ исторіи происхожденія морскихъ дюнъ. Кромѣ упомянутыхъ выше озеръ, а также Котечнаго и Великаго, укажу еще на Вигкозеро, имѣющее и въ длину, и въ ширину по 2 версты. Всѣ озера сообщаются между собою, а также съ рѣками, впадающими въ Онежское озеро, и съ каналомъ; поэтому уровень всѣхъ ихъ остается болѣе или менѣе одинаковъ, и теченіе воды изъ озеръ въ рѣки, въ каналъ или обратно чередуется въ связи съ условіями мѣстными, съ направленіемъ вѣтровъ и т. д. Однакоже въ большинствѣ случаевъ вода изъ мѣстныхъ болотъ стекаетъ не въ озеро, а въ Онежскій каналъ, такъ что здѣшніе рыбаки говорятъ, что вода въ озерахъ значительно понизилась со времени прорытія канала, и что это оказало вліяніе на уменьшеніе рыбы. Напротивъ того, лежащее въ сторонѣ отъ канала Лужандозеро [1]) имѣетъ видимо высшій уровень стоянія воды, чѣмъ въ Онежскомъ озерѣ: оно даетъ въ Онегу постоянный источникъ, Гуртницкій ручей.

Отъ Вытегорскаго устья я совершилъ пѣшеходную экскурсію на разстояніи болѣе чѣмъ 10 верстъ къ Тудозеру; осмотрѣвъ здѣсь уже описанные мною прежде остатки обитанія доисторическаго человѣка [2]), на другой день я возвратился снова къ Вытегорскому устью, а отсюда на третій день—въ самый городъ Вытегру. 1-го іюня изъ Вытегры я отправился по почтовому тракту на Каргополь. Дорога идетъ здѣсь сначала по довольно широкой котловинѣ, прилегающей съ одной стороны къ Онежскому озеру съ его новѣйшими образованіями, съ другихъ же сторонъ ограниченной высотами, въ основаніи которыхъ лежатъ каменноугольные осадки. Здѣсь, верстахъ въ 10 отъ г. Вытегры, гдѣ р. Вытегра промыла себѣ въ осадкахъ глубокую впадину, на крутыхъ скатахъ холмовъ часто грудами виднѣются ледниковые валуны среди глинъ и песковъ. Отъ селенія Бѣлый Ручей до слѣдующей Бадожско-Конецкой станціи дорога идетъ среди обширной площади чистыхъ песковъ, въ которыхъ не видно валуновъ. Отъ Конецкой станціи до ст. Бурковой, около Ковжскаго озера, а затѣмъ до ст. Кузнецовой

---

[1]) См. о немъ въ описаніи первой моей поѣздки въ Олонецкую губернію: Зап. по Отдѣл. Этногр., т. III, стр. 341, 355—366.

[2]) Тамъ же, стр. 342—346, 369—370.

ледниковыя образованія принимаютъ все большее и большее развитіе; щебень, состоящій изъ мелкаго песку и пыли, съ мелкою галькой отъ величины горошины и болѣе, съ валунами нерѣдко до 2½ метровъ въ поперечникѣ, съ боками отполированными и изборожденными, а также пески и глины—тянутся здѣсь около дороги почти безпрерывными пластами. Часто ручьи и рѣчки размываютъ этотъ наносъ, и тогда становится очевиднымъ его залеганіе на каменноугольныхъ образованіяхъ, что̀ съ большимъ удобствомъ можно наблюдать около погоста Чернослободскаго, въ долинѣ р. Кеми. Отсюда по направленію къ Лачозеру ледниковый наносъ является съ меньшею ясностью; большіе валуны рѣдко торчатъ на поверхности почвы; меньше встрѣчается ихъ и на пашняхъ, хотя въ долинахъ и руслахъ рѣкъ они являются въ такихъ огромныхъ количествахъ, что рѣки становятся какъ бы порожистыми и поэтому теряютъ значеніе путей сообщенія. Таковы, напримѣръ, рѣки Ухта и Тихманга, впадающія въ Лачозеро. Каменистыя, широко разлитыя и мелководныя до тѣхъ поръ, пока текутъ въ области ледниковаго наноса, онѣ становятся глубокими, съ ровнымъ теченіемъ тогда, когда вступаютъ въ область новѣйшихъ, часто торфяныхъ образованій около своихъ устій.

Въ селахъ, лежащихъ на Ухтѣ и Тихмангѣ, мнѣ пришлось останавливаться для ознакомленія, хотя бы бѣглаго, съ Лачозеромъ. Берега этого озера почти повсемѣстно низменны; оно на всемъ своемъ протяженіи, со всѣхъ сторонъ, окаймлено болотистою полосой отъ 4-хъ и болѣе верстъ до 2-хъ въ ширину. Поэтому всѣ села, окружающія озеро, лежатъ отъ него въ нѣсколькихъ верстахъ, и только погостъ Ноккольскій [1]) расположенъ на самомъ берегу; но за то во время половодья онъ часто подвергается наводненіямъ. Низменности, преимущественно около береговъ рѣкъ, оказались весьма интересными по отношенію къ остаткамъ каменнаго вѣка. Ознакомившись съ послѣдними на р. Тихмангѣ, я пріѣхалъ 5-го іюня въ Каргополь и отсюда въ слѣдующіе же три дня совершилъ двѣ экскурсіи: одну—къ истокамъ р. Онеги, и другую—внизъ по теченію этой рѣки до селенія Надпорожскаго.

[1]) Этотъ погостъ неправильно названъ *Никольскимъ* на 10-ти-верстной картѣ Главнаго Штаба и въ изданномъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ Спискѣ населенныхъ мѣстъ Олонецкой губерніи (№ 1603).

Находки, сдѣланныя мною въ теченіе всего переѣзда, даютъ нѣкоторый матеріалъ для рѣшенія одного изъ весьма важныхъ вопросовъ изъ быта до-историческихъ обитателей. Это вопросъ о *животныхъ*, съ которыми люди сталкивались, и которыя доставляли имъ насущное пропитаніе. Съ цѣлью найдти какія-либо данныя для рѣшенія этого вопроса, я заходилъ на Тудозеро еще въ 1871 году. Тогда вода была весьма высока въ здѣшней мѣстности; на тѣхъ болотахъ, гдѣ въ 1873 году было почти сухо или только сыро, въ лѣто 1871 года крестьяне плавали на лодкахъ и ставили мережки. То же было и въ окрестностяхъ Щучьей тони на Тудозерѣ. Но въ 1873 году я нашелъ здѣсь сильную перемѣну. Песчаный валъ, кончавшійся прежде около залива крутымъ обрывомъ, подъ которымъ, по разказамъ одного изъ крестьянъ, было весьма много кремневыхъ и горшечныхъ обломковъ, оказался сглаженнымъ, обрывъ былъ смытъ, и вмѣстѣ съ этимъ всѣ остатки, хранившіеся подъ обрывомъ, замылись глубоко въ песокъ. Удачнѣе было мое пребываніе на торфяномъ валу, уже осмотрѣнномъ мною въ 1871 году [1]). Валъ все болѣе и болѣе подмывался въ своемъ основаніи, однакоже весьма мало видоизмѣнилъ свою форму и величину; вмѣстѣ съ подмываніемъ изъ него извлекается водою все его содержимое, относящееся до первобытныхъ обитателей. Здѣсь я снова нашелъ такимъ образомъ весьма разнообразныя принадлежности и каменныя орудія. Въ собранной мною коллекціи оказалось нѣсколько камней, аналогичныхъ представленнымъ у Нильсона [2]); это камни, служившіе для околачиванія орудій. Вмѣстѣ съ ними найдено много обломковъ, принадлежащихъ плитамъ для обтачиванія орудій; затѣмъ слѣдуютъ сланцевые топоры. Обломки глиняной посуды снова поразили меня своею многочисленностью: нужно было весьма продолжительное пребываніе на валу, чтобы накопить ихъ въ такомъ изобиліи; въ числѣ обломковъ найденъ мною одинъ особенно характерный и своеобразный по своему составу: вмѣсто обыкновенной примѣси къ глинѣ—песку, въ немъ находятся мелкія частицы твердаго и весьма крѣпкаго волокнистаго минерала. Такого рода горшокъ отличается чрезвычайною

---

[1]) См. Записки по Отдѣл. Этногр., III, стр. 342, и тамъ же табл. I, ф. 2.

[2]) *Nilsson*, Les habitants primitifs de la Scandinavie, табл. I.

прочностью; украшенія въ видѣ различныхъ узоровъ, выступающія на обыкновенной глиняной посудѣ, на немъ едва замѣтны, хотя житель, по видимому, и старался украсить его такъ или иначе. Образчиковъ подобнаго рода домашней утвари, на сколько мнѣ извѣстно, не встрѣчалось до сихъ поръ среди до-историческихъ жителей ни у насъ въ Россіи, ни на западѣ Европы. Кромѣ того, моя коллекція обогатилась находкой многихъ мелкихъ и оригинальныхъ принадлежностей изъ глинистаго сланца; это—частію украшенія, частію, можетъ быть, принадлежности при рыболовствѣ: онѣ являются въ видѣ кружковъ съ отверстіями на краяхъ, въ видѣ цилиндриковъ, прямыхъ, къ одному краю пріостренныхъ и окаймленныхъ нѣсколькими кольцеобразными нарѣзками, или же они изогнуты, съ такими же нарѣзкаами и поперечными желобками на концахъ. Иногда принадлежность является въ видѣ двухъ колецъ, выдѣланныхъ изъ одного кусочка глинистаго сланца и поэтому какъ бы спаянныхъ. Нѣкоторыя изъ описанныхъ здѣсь орудій изображены на таблицѣ X, фф. 3—7. Но всѣ мои попытки найдти въ указанной мѣстности хотя какіе-либо остатки пищи остались напрасными. Въ этомъ отношеніи оказалась болѣе интересною мѣстность, лежащая къ востоку отсюда.

Уже въ долинѣ р. Кеми я нападалъ, при экскурсіяхъ по берегамъ, на нѣкоторые слѣды до-историческаго человѣка; здѣсь же я нѣсколько разъ встрѣчался въ береговой обмытой и закругленной галькѣ съ камнями, пережженными и обитыми точно такъ, какъ это было замѣчено мною на многочисленныхъ подобныхъ же камняхъ изъ Тудозерскаго вала [1]). Еще болѣе интересною по отношенію къ до-историческимъ обитателямъ оказалась долина р. Тихманги, впадающей въ озеро Лача съ западной стороны. Недалеко отъ устья этой рѣки, противъ такъ-называемаго Поповскаго острова, я нашелъ вымытыми изъ береговаго обрыва нѣсколько древнихъ горшечныхъ обломковъ, по характеру совершенно сходныхъ съ относящимися къ каменному вѣку. Они лежали около валуна довольно плоскаго, плитообразнаго, значительныхъ размѣровъ. Еще нѣсколько ближе къ озеру я встрѣтилъ остатки, относящіеся уже, безъ всякаго сомнѣнія, къ каменному вѣку; здѣсь вмѣстѣ съ гро-

---

[1]) Записки по Отд. Этногр., III, стр. 343.

маднымъ количествомъ кремневыхъ обломковъ и скребковъ, а также горшечныхъ черепковъ, были добыты мною и кости различныхъ животныхъ. Именно въ черной растительной землѣ, лежащей на рѣчномъ пескѣ, слоемъ до 1/2 аршина толщиною, мною найдено было много раздробленныхъ костей, разбитыхъ часто на весьма мелкія части; въ числѣ этихъ костей преобладали принадлежащія большимъ млекопитающимъ. Особенно интересенъ фактъ встрѣчи рѣзцовъ большаго грызуна: рѣзцы несравненно больше заячьихъ, такъ что трудно сомнѣваться, чтобъ это не были зубы бобра, на широкое распространеніе и на послѣдовавшее затѣмъ вымираніе котораго я уже указалъ прежде [1]). Кромѣ костей млекопитающихъ и частію птицъ, здѣсь встрѣчаются позвонки рыбъ, въ особенности челюсти и зубы весьма большихъ щукъ. Въ числѣ костей находятся отчасти и такія, которыя были приноровлены обитателями къ тѣмъ или другимъ потребностямъ. Изъ рыбьихъ позвонковъ жители стремились, по видимому, создать украшенія; изъ обломковъ трубчатыхъ костей они старались сдѣлать рѣжущія или колющія орудія; въ этомъ отношеніи особенно интересенъ гарпунъ съ обломленнымъ острымъ концомъ; у него осталось пріостренное основаніе, которымъ онъ вставлялся въ древко, а выше два ушка съ впадинами надъ ними, куда прикрѣплялась веревка. Эта послѣдняя находка не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно существованія у первобытныхъ обитателей сѣвера Россіи орудій изъ кости, что̀, впрочемъ, и безъ того можно было предвидѣть.

Совершенно въ такомъ же видѣ, какъ на р. Тихмангѣ, встрѣчаются остатки каменнаго вѣка на р. Онегѣ. Начиная отъ озера Лача, на протяженіи верстъ 4-хъ до Каргополя, затѣмъ далѣе, верстъ на 5 ниже, до села Надпорожскаго, Онега представляется широкою рѣкой съ низменными берегами и весьма медленнымъ теченіемъ; только далѣе она становится порожистою и суживается, быстро неся свои воды между сухими и возвышенными берегами. Итакъ, при истокѣ своемъ, на протяженіи около десятка верстъ, она сохраняетъ какъ бы озерный характеръ; не смотря на то, она въ общей сложности отступаетъ здѣсь отъ своего лѣваго бе-

---

[1]) Тамъ же, стр. 385—385.

рега, гдѣ, благодаря этому, образуются болотистые луга; мѣстами она подмываетъ правый берегъ. Въ одномъ изъ такихъ подмытыхъ береговъ, весьма недалеко отъ истока рѣки, я нашелъ множество костей млекопитающихъ, но всѣ онѣ были также разбиты на весьма мелкія части, видимо съ цѣлью добыть изъ нихъ костный мозгъ,— какъ это обыкновенно бывало въ подобныхъ же случаяхъ и на западѣ Европы. Вмѣстѣ съ обломками большихъ костей встрѣчались тѣ же рѣзцы бобра, нерѣдко позвонки рыбъ и зубы большихъ щукъ. Положеніе остатковъ то же самое, какъ и на Тихмангѣ: они лежатъ въ довольно толстомъ, около ½ аршина, растительномъ слоѣ, на рѣчной галькѣ, пескѣ и щебнѣ. Среди множества кремневыхъ обломковъ найдены частію въ самомъ слоѣ, частію вымытыми изъ него обломокъ большаго кремневаго копья и два кремневые наконечника стрѣлъ, прекрасно выдѣланные. Горшечные обломки не менѣе многочисленны, чѣмъ гдѣ-либо, и встрѣчаются въ почвѣ довольно далеко отъ берега.

Къ этимъ замѣткамъ, которыя написаны на мѣстѣ самыхъ наблюденій, нахожу нужнымъ сдѣлать еще нѣкоторыя добавленія.

На правомъ берегу р. Онеги, также недалеко отъ ея истока, течетъ ручей, называемый Поляностнымъ; названіе ручья произошло, очевидно, отъ того, что онъ протекаетъ черезъ довольно ровную мѣстность, лежащую весьма невысоко надъ уровнемъ какъ р. Онеги, такъ и озера Лача; мѣстность, очищенная отъ лѣса, кое-гдѣ покрыта кустарниками, но по большей части является въ видѣ полянъ или луговъ, покрытыхъ сочною, густою травой. Почва этихъ луговъ или полянъ весьма тучная, жирная, имѣющая отъ ¼ до ½ аршина толщины; по характеру она напоминаетъ даже черноземъ. Раскапывая эту почву недалеко отъ устьевъ ручья, я нашелъ въ ней массу остатковъ каменнаго вѣка: то были обломки кремней и орудій изъ кремня же и вмѣстѣ съ ними множество разбитыхъ костей. Я дѣлалъ пробы въ разныхъ мѣстахъ, и остатки встрѣчались въ почвѣ недалеко отъ р. Онеги, на весьма обширной площади, такъ что даже удивительно, какъ густо была нѣкогда заселена здѣшняя мѣстность, или же, чтобы скопить на такой площади подобную массу остатковъ, нужно было много времени. Между костями встрѣчались принадлежащія бобру, лосю, сѣверному оленю, при чемъ послѣдній, судя по костямъ, встрѣ-

чался рѣже, чѣмъ лось. Нашелъ я также при раскопкахъ зубъ небольшаго хищника, по всему вѣроятію—куницы (Mustela Martes); это былъ клыкъ; на его корню было сдѣлано искусственно, острымъ орудіемъ, два надрѣза, съ двухъ противоположныхъ боковъ, почему и было возможно этотъ зубъ *привязать къ тонкому ремню и* носить, какъ амулетъ или же украшеніе. Зубъ этотъ изображенъ на таблицѣ X, ф. 8. Между тѣми же остатками, вмѣстѣ съ обломками глиняной посуды и углями, попадались весьма часто куски рыхлой, охристой краски, происходящей, вѣроятно, изъ отложеній девонской формаціи. Куски этой краски были навѣрное занесены сюда человѣкомъ и служили ему для разрисовыванія или его лица, или тѣла, какъ то встрѣчается еще и до сихъ поръ у Краснокожихъ Индѣйцевъ и другихъ мало-цивилизованныхъ народовъ. Между кремневыми осколками можно было находить скребки и даже весьма красивые наконечники стрѣлъ.

Въ вышеупомянутомъ пунктѣ при устьѣ Тихманги, кромѣ костей бобра, лося и сѣвернаго оленя, костей рыбьихъ и частію птичьихъ, были найдены остатки, принадлежавшіе тюленю. Судя по плечевой кости, вполнѣ сохранившейся, можно думать, что жившій во время каменнаго вѣка въ Лачозерѣ тюлень значительно превосходилъ нынѣшнихъ Phoca annelata et Phoca vitulina: по размѣрамъ эта кость вполнѣ подходитъ къ соотвѣтственной кости тюленя, живущаго въ Каспійскомъ морѣ. Можетъ быть, тюлень, жившій въ Лачозерѣ, принадлежалъ къ сѣвернымъ морскимъ видамъ тюленей, напримѣръ, къ Phoca graenlandica; по крайней мѣрѣ остатки тюленей, найденные съ каменными и костяными орудіями въ небольшомъ озерѣ Буртнекъ въ Лифляндіи, относятся къ послѣднему виду. Обломокъ костянаго гарпуна, найденный вмѣстѣ съ костями, изображенъ на таблицѣ VIII, фиг. 2, въ настоящую величину. Къ сожалѣнію, мѣстонахожденіе орудій при устьѣ Тихманги было осмотрѣно мною бѣгло, а раскопка была сдѣлана только пробная. Торопясь въ Каргополь, изъ котораго я долженъ былъ начать правильные экскурсіи, я оставилъ устье Тихманги съ надеждой возвратиться сюда для продолженія раскопокъ. Но надежда моя не сбылась; мнѣ уже не пришлось здѣсь побывать, хотя рядомъ экскурсій около озера Лача я убѣдился, что устье Тихманги должно быть наиболѣе интереснымъ пунктомъ

по отношенію къ остаткамъ каменнаго вѣка. Судя по тюленю, обитавшему въ Лачѣ во время каменнаго вѣка, нужно думать, что оно было болѣе глубоко. Между тѣмъ, принимая въ соображеніе характеръ его береговъ, хотя бы при самомъ устьѣ Тихманги, едва ли возможно допустить въ озерѣ особенно замѣтное пониженіе уровня Вся мѣстность при устьѣ Тихманги плоская и низменная; остатки каменнаго вѣка лежатъ, можетъ быть, только на ничтожную величину выше уровня озера. При самомъ устьѣ р. Тихманги можно замѣтить только нѣкоторое измѣненіе въ направленіи ея русла, которое отступило со времени каменнаго вѣка сажень на 50 къ югу, образовавъ значительный изгибъ; остатки орудій и костей находятся именно на бывшемъ старомъ берегу. Вообще, физико-географическія измѣненія со временъ каменнаго періода мало замѣтны, какъ въ мѣстности, лежащей при устьѣ Тихманги, такъ и при истокахъ р. Онеги.

2.

Восточное прибрежье озера Лача.

Характеръ озеръ въ зависимости отъ топографіи ихъ окрестностей.—Озеро Лача: его размѣры, глубина, вода и характеръ береговъ. — Остатки каменнаго вѣка на восточномъ берегу озера и происходящее здѣсь подмываніе берега. — Дельта р. Ковжи. — Залеганіе орудій каменнаго вѣка въ почвѣ и вѣроятное распредѣленіе жителей этого періода; заселеніе мѣстности Славянами.—Характеръ современныхъ жителей и рыболовство на озерѣ Лачѣ. — Бѣличій промыселъ. — Артели на сплавахъ.—Компанія Онежскаго лѣснаго торга.—Очеркъ найденныхъ каменныхъ орудій: кремневые топоры, наконечники копій и стрѣлъ; ножи и скребки; точеныя орудія: топоры, тесла, молотки и костяныя издѣлія.

Изслѣдованное мною пространство сравнительно не велико; оно ограничивается окрестностями Лачозера, главнымъ образомъ — восточнымъ его берегомъ. Общій рельефъ мѣстности отражается и здѣсь на видѣ озера и на характерѣ его дна. Большая часть озеръ Олонецкой губерніи, заполняя обыкновенно долины между холмами и возвышенностями, представляетъ часто большую глубину, или же, покрывая въ той или другой степени холмы, образуетъ мели и луды; холмы и возвышенности, выходя изъ-подъ воды, являются въ видѣ многочисленныхъ и болѣе или менѣе обширныхъ острововъ, изрѣзанныхъ заливами. Таково, напримѣръ,

Выгозеро, на которомъ, какъ говорятъ мѣстные жители, столько же островомъ, сколько дней въ году; почти то же можно сказать о Водлозерѣ и Кенозерѣ, изъ которыхъ послѣднее, отличаясь холмистымъ характеромъ своихъ береговъ, составлено какъ бы изъ отдѣльныхъ заливовъ, часто съ глубиною до 30—40 маховыхъ саженъ. Не то находимъ мы на Лачозерѣ. Его окрестности представляются въ видѣ равнины, поднимающейся весьма полого на югъ, къ озеру Воже или Чарондскому, также на востокъ и на западъ. Большая часть равнины застлана обширными болотами и перерѣзана многочисленными ручьями и рѣчками, медленно несущими свои воды въ Лачозеро. Здѣсь нѣтъ высокихъ холмовъ, которые нарушали бы однообразіе вида на мѣстность; но мѣстами, среди болотъ, выдаются пологія возвышенія; мѣстные жители называютъ ихъ *горбышами*; въ противоположность сырымъ, часто топкимъ болотамъ эти сильно приплюснутыя къ землѣ возвышенія являются сухими и болѣе или менѣе удобными для поселенія; впрочемъ для хлѣбопашества они удобны только на самыхъ высокихъ точкахъ; на скатахъ же ихъ вода часто застаивается, почему ростъ хлѣба рѣдко идетъ здѣсь удачно.

Сообразно съ характеромъ окрестностей является однообразнымъ и само Лачозеро. Оно раскинулось на протяженіи верстъ 30 въ длину и до 8 въ сѣверной и 12—13 верстъ въ ширину въ южной части. На всемъ этомъ пространствѣ на немъ нѣтъ ни одного древняго острова; ни одинъ, такъ сказать, природный холмъ не выходитъ со дна его надъ поверхностью водъ, какъ это мы встрѣчаемъ на озерахъ сѣверныхъ. Все озеро весьма мелководно; глубина измѣняется въ предѣлахъ отъ 2 до 1½ саженъ и меньше. За двѣ сажени глубина уходитъ только въ самую высокую воду. Притомъ двухъ и полутора-саженная глубина имѣетъ мѣсто только на ямахъ; такого рода яма идетъ, напримѣръ, отъ мыса Ольгскаго къ р. Тихмангѣ; съ другой стороны существуетъ яма между рр. Свидью и Утой. Во многихъ другихъ мѣстахъ глубина воды еще меньше; отъ сѣвернаго конца озера къ южному, почти по самой рединѣ озера, идетъ мель; на протяженіи почти 10 верстъ, отъ р. Ловзанги до устья р. Ольги я не встрѣтилъ въ озерѣ глубины, которая уходила бы за 1 сажень. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ же самомъ мѣстѣ, на днѣ озера, найдена была мною и почва совер-

шенно торфянаго характера; это были различныя растительныя вещества съ легкою примѣсью ила; палка, пущенная въ почву, могла идти въ ней далеко въ глубину; такимъ образомъ почва имѣла зыбучій характеръ. Такая, какъ ее называютъ жители, „мягкая" почва свойственна большей части озера, особенно западному его берегу. Къ восточному берегу характеръ ея нѣсколько измѣняется; здѣсь, около берега, къ торфяной почвѣ примѣшивается все больше и больше песку; наконецъ, около береговъ почва становится песчаною, иловатою и даже каменистою, особенно на мысахъ Ольгскомъ и Каменномъ, такъ какъ здѣсь происходитъ размываніе ледниковаго щебня. Въ связи съ малою глубиной, а также съ почвой озера, находится бѣдность фауны, населяющей дно его. Драга, которую я пускалъ на дно въ сѣверной части озера, приносила мнѣ преимущественно только раковины изъ родовъ *Anodonta*, *Unio*, *Paludina*, *Lymnacus*, также червей— піявокъ и волосатика, съ небольшимъ количествомъ насѣкомыхъ. Старанія мои добыть хотя нѣсколько ракообразныхъ остались безъ успѣха. Эта фауна распредѣлена какъ на торфяной, такъ и на иловатой почвѣ; и въ томъ же самомъ видѣ явилась она и въ рѣкѣ Онегѣ, около Каргополя.

Вода въ Лачозерѣ довольно мутная, лѣтомъ значительно нагрѣвается и заполняется мелкими водорослями, представляющимися въ видѣ шариковъ, величиной въ булавочную головку; жители говорятъ въ такомъ случаѣ, что „вода цвѣтетъ". Около береговъ, въ водѣ, а также по отмелямъ, растутъ большими массами камыши. Западный берегъ болѣе низменный, чѣмъ восточный; во время весенняго половодья онъ въ весьма значительной степени заливается водой, покрываясь травами, которыя лѣтомъ, съ обсыханіемъ берега, скашиваются. Подобнаго рода условія благопріятствуютъ распространенію въ озерѣ рыбъ карповыхъ; въ немъ водятся въ большомъ количествѣ плотва, язи, лещи, клепецъ; вмѣстѣ съ ними встрѣчаются окуни, ерши, также налимы и щука; изъ лососевыхъ въ немъ распространенъ сигъ, частію также бѣлорыбица и ряпушка; водится въ немъ и корюшка, извѣстная у жителей подъ названіемъ снятка, но въ маломъ количествѣ. Въ большинствѣ случаевъ рыбы травоядныя; травою питаются даже, какъ кажется, и сиги; находя въ ихъ желудкахъ личинки

водяныхъ насѣкомыхъ, я не встрѣчалъ однако ракообразныхъ, которыя такъ обыкновенны у сиговъ Онежскаго озера. Во время лѣта рыбы держутся преимущественно въ камышахъ и около береговъ.

Низменные берега, особенно западный, отличаясь болотистымъ характеромъ, заростаютъ березой и ивнякомъ; когда же они являются болѣе сухими, то разнообразная растительность, состоящая изъ березы, гораздо болѣе стройной и высокой, чѣмъ на болотахъ, также изъ ивъ, ольхи, осины, съ примѣсью смородины, калины, розы или ели, густо застилаетъ ихъ поверхность. Въ этихъ береговыхъ лѣсахъ, перемежающихся съ пространствами очищенными подъ покосы, водится довольно разнообразный міръ мелкихъ птицъ; здѣсь нерѣдко слышны голоса *Emberiza aureola*, *Pyrrhula (Carpodacus) erythrina*, *Saxicola rubetra*, *Sylvia (Phyllopneuste) Middendorfii*, *Calamoherpe magnirostris* и пр. Надъ самыми водами носится по обыкновенію скапа (*Pandion haliaëtos*), внимательно высматривая около береговъ большихъ рыбъ и вонзая имъ свои когти. Такимъ же образомъ, съ тѣмъ же вниманіемъ и многіе другіе хищники осматриваютъ рано по утрамъ и поздно вечеромъ пустынные берега и густые камыши и ситникъ: это соколы или коршунъ (*Milvus niger*). Съ отмѣннымъ стараніемъ пользуются они бурнымъ и дождливымъ временемъ, когда утки или же нырки *(Podiceps rubricollis)*, вмѣстѣ съ различными видами голенастыхъ, ведутъ себя наиболѣе скромно, не ожидая опасности. Эту картину дополняютъ своимъ присутствіемъ чайки.

Въ предшествующей главѣ я указалъ на то, что на берегахъ здѣшнихъ водъ горѣла нѣкогда жизнь болѣе высокихъ существъ, которая теперь погасла, или правильнѣе, смѣнилась другою: это — жизнь человѣка. Въ основаніи этой жизни лежала та же почва, которая частію и до сихъ поръ обработывается. Во многихъ случаяхъ до-историческое населеніе оставило свои слѣды въ видѣ каменныхъ принадлежностей на тѣхъ же болѣе или менѣе сухихъ возвышеніяхъ, на которыхъ и до сихъ поръ скучены деревни и села. Слѣдовательно, физико-географическія условія мѣстности остались приблизительно одинаковыми въ періодъ процвѣтанія двухъ совершенно различныхъ цивилизацій. Теперь пока можно замѣтить только то, что до-историческіе обитатели здѣшняго края искали близости водъ ради того, чтобы добывать въ

нихъ себѣ пропитаніе; притомъ они однако избѣгали тѣхъ пунктовъ около большихъ озеръ, гдѣ мало было удобствъ къ спасенію отъ внезапныхъ бурь и непогоды; искали они также для своего поселенія близости воды вмѣстѣ съ плотностью и твердостью береговъ. Возможность убѣдиться въ такого рода наклонностяхъ жителей представилъ мнѣ восточный берегъ Лачозера: онъ составляетъ естественное продолженіе того пункта на правомъ берегу Онеги, на которомъ я еще раньше нашелъ каменныя орудія и кости животныхъ. На протяженіи всего восточнаго берега Лача я убѣдился, что жители селились главнымъ образомъ при устьяхъ рѣкъ, какъ напримѣръ, при устьяхъ рр. Ольги и Кинемы. Въ промежуткахъ между рѣками они жили главнымъ образомъ на возвышеніяхъ около самаго озера, но уже въ меньшей степени, чѣмъ при устьяхъ рѣкъ: таковы, напримѣръ, мысы Ольгскій и Каменный, а также тотъ небольшой, но сухой оазисъ среди болотъ, на которомъ теперь расположенъ погостъ Ноккольскій. Притомъ мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ, что восточный берегъ былъ больше обитаемъ, чѣмъ западный: первый сравнительно выше, второй низменный и болотистый; плотная почва встрѣчается отъ него на разстояніи 2 верстъ и болѣе, хотя при устьяхъ рѣкъ она и здѣсь подходитъ ближе къ озеру. Но, вмѣстѣ съ этимъ, можно допустить и то, что различіе въ количествѣ остатковъ каменнаго вѣка на томъ и другомъ берегу зависитъ отъ случайной причины, именно отъ того, что западный берегъ все больше и больше увеличивается, зарастаетъ травой и мелколѣсьемъ, что и скрываетъ больше и больше слѣды каменнаго вѣка. На восточномъ берегу идетъ работа обратная; этотъ берегъ очевидно подмывается: обстоятельство, особенно благопріятствовавшее моимъ изслѣдованіямъ.

Размываніе восточнаго берега идетъ довольно быстро. Около Ноккольі дѣйствіемъ волнъ и льда разрушается ледниковый наносъ съ лежащимъ на немъ растительнымъ слоемъ; здѣсь весь берегъ усѣянъ большими и малыми валунами и галькой; то же самое происходитъ и на мысахъ. Еще быстрѣе сносится съ своего мѣста растительный слой; въ теченіи десяти-пятнадцати лѣтъ исчезали съ берега цѣлыя десятины земли, служившія покосами (пожни); на мѣсто сочной травы наносились сюда песокъ, галька и илъ, или заливалась вода. Я лично и весьма часто наблюдалъ на берегу

много большихъ березокъ и елей, которыя, будучи подмыты, лежали засохшими на землѣ или еще омывались водой; въ числѣ упавшихъ деревьевъ есть и такія, которыя при жизни отличались красотой и стройностью; привлекая вниманіе мѣстныхъ жителей, они служили имъ во время путешествій по озеру маяками или верстовыми столбами.

Не менѣе очевидно созидающее и разрушающее дѣйствіе водъ на берега при устьѣ р. Ковжи, впадающей въ Лачозеро немного южнѣе Ноккольı. Эта рѣка, съ низменными и болотистыми берегами, образуетъ при устьѣ нѣчто въ родѣ дельты; такая дельта появляется сначала въ видѣ небольшаго острова, который все больше и больше растетъ со стороны теченія рѣки. Въ то же время эта же самая дельта подвергается разрушенію со стороны озера. Но пока дельта находится близко отъ озернаго берега, образующій процессъ рѣки идетъ успѣшнѣе, островъ при устьѣ растетъ; вода озера, дѣйствуя на берега его, только изолируетъ и отдѣляетъ дельту отъ материка. Немного лѣтъ тому назадъ, современный островъ при Ковжѣ былъ такъ близокъ къ Ноккольскому берегу, что черезъ проливъ можно было перекинуть съ берега на берегъ длинную доску для перехода; теперь этотъ проливъ имѣетъ нѣсколько десятковъ сажень ширины; берега озера отходятъ отъ острова, а вмѣстѣ съ ними уходитъ въ глубину материкъ и устье рѣки, начиная на новомъ мѣстѣ отложеніе новой дельты. Старый островъ, оказываясь уже далеко отъ берега, не получаетъ новыхъ матеріаловъ для своего роста отъ рѣки, и подмываемый волнами озера, можетъ подвергнуться разрушенію. По разказамъ жителей, противъ устья Ковжи и существовалъ уже такой островъ, на которомъ были покосы, но теперь онъ смытъ, и только мель на его мѣстѣ называется теперь у нихъ „островомъ" по старой привычкѣ. Говорятъ, будто бы такой же островъ существовалъ при устьѣ р. Ольги, и будто бы даже на немъ жилъ крестьянинъ; однакожъ мною не найдено убѣдительныхъ доказательствъ въ пользу этого преданія. Тѣмъ не менѣе, въ пользу размыванія даетъ факты и самое селеніе Ноккола; въ исходѣ 1860-хъ годовъ у жителей было разрушено льдомъ до 30 амбаровъ и бань (почти повсемѣстно на сѣверѣ бани строятся около воды съ тою цѣлью, чтобы послѣ бани можно было сейчасъ же искупаться въ водѣ). Иногда на-

воръ льдовъ на берега бываетъ такъ быстръ, что жители, спасая имущество, гибнутъ сами или получаютъ смертельныя раны.

Благодаря такому процессу разрушенія береговъ, въ гальку и пески поступаютъ принадлежности каменнаго вѣка, вымытыя изъ почвы. Частію раскопка, частію небольшія береговыя обрывы показали мнѣ, что эти принадлежности содержатся въ растительномъ слоѣ, и что ихъ нѣтъ въ ледниковыхъ образованіяхъ. Обломки горшковъ, кремней, пережженные камни и раздробленныя кости животныхъ были найдены мною при устьѣ р. Ольги въ растительномъ слоѣ, какъ это было и прежде, на глубинѣ 0,7 метра (около 1 арш.). Растительный слой покоился на мелкомъ рѣчномъ или озерномъ пескѣ и въ свою очередь самъ представлялъ слоеватость; онъ въ общей сложности отличался черноземнымъ характеромъ, слагаясь изъ перегнившихъ растительныхъ веществъ; особенно въ верхней части онъ былъ совершенно чернаго цвѣта; но въ немъ была значительная примѣсь мелкаго песку, который иногда лежитъ въ черной массѣ весьма тонкими прослойками; отсюда очевидно, что толщина растительнаго слоя увеличивалась и на счетъ рѣчныхъ или озерныхъ песковъ, заносившихся сюда вѣтрами, а можетъ быть—отчасти и водой, по крайней мѣрѣ въ рѣдкіе періоды весьма высокаго ея стоянія. Въ другихъ случаяхъ растительный слой, содержащій орудія, достигаетъ только 0,35—0,55 метра (около $^1/_2$—$^3/_4$ арш.); такъ было при устьѣ р. Кинемы; здѣсь слой имѣетъ тотъ же черноземно-песчаный характеръ, отличаясь, можетъ быть, только большею плотностью и крѣпостью. Оба эти мѣстонахожденія орудій лежатъ однако же на самомъ берегу Лачозера и впадающихъ въ него рѣкъ. Условія весьма благопріятны здѣсь для быстраго образованія перегноя, не принимая уже во вниманіе близости песковъ. По берегу озера лежатъ сочные и богатые травой луга; здѣсь растутъ злаки, или растенія, скромно пестрѣющія своими цвѣтами: змѣевикъ (*Polygonum Bistorta*), поповникъ (Chrysanthemum), клеверъ, виды чины и горошка (Vicia), лютикъ, подмаренникъ, незабудка два вида вероники, лизимахія и пр.

Въ болѣе значительномъ разстояніи отъ берега, на возвышеніяхъ (горбышахъ) растительный слой тоньше и меньше окрашенъ въ черный цвѣтъ, больше въ сѣроватый отъ примѣси перетертаго

известняка. На этихъ мѣстахъ теперь расположены селенія и пашни; жители находятъ здѣсь при работахъ множество всякаго рода орудій изъ сланца; вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ попадалось здѣсь много всякаго рода кремневыхъ обломковъ. Впрочемъ, нельзя не допустить, чтобъ остатки каменнаго вѣка, оставленные на сухихъ возвышеніяхъ, не были одновременны съ остатками, находимыми по берегамъ.

Береговыя мѣстонахожденія принадлежностей были для меня особенно интересны. Здѣсь, рядомъ съ размытыми слоями почвы, лежали группами пережженные валуны; по ихъ характеру и положенію можно заключить, что они составляли основаніе печищамъ или домашнимъ очагамъ; здѣсь *видимо варилась пища*, такъ какъ по обыкновенію около такихъ валуновъ валялось множество горшечныхъ обломковъ съ остатками пищи: съ костями, чрезвычайно сильно раздробленными, млекопитающихъ, съ позвонками и зубами рыбъ, словомъ, было то же самое, о чемъ я сообщалъ въ предыдущей главѣ касательно другихъ мѣстонахожденій. Не говоря о кремневыхъ обломкахъ, можно указать на валуны, служившіе для околачиванія орудій. Здѣсь, очевидно, не только готовились орудія, но вѣроятно, и употреблялись; около печищъ, вмѣстѣ съ цѣльными, встрѣчались орудія, вышедшія изъ употребленія по негодности. Кремневыя стрѣлы и копья часто лежали здѣсь въ видѣ обломковъ. Вообще въ собранной мною здѣсь коллекціи находится много принадлежностей, не найденныхъ еще въ Олонецкой губерніи или извѣстныхъ только отчасти. Орудія относительно разнообразны, какъ по своему минералогическому составу, такъ и по формамъ. Принадлежности изъ кремня играли въ хозяйствѣ до-историческаго человѣка главную роль; наконечники стрѣлъ разнообразны и довольно многочисленны; способъ ихъ отдѣлки отъ самаго грубаго доходитъ до полнаго совершенства. Кремневые наконечники копій, кромѣ своей отдѣлки, интересны по величинѣ; между найденными мною имѣются два, достигающіе величины 150 миллиметровъ (около $3^1/_2$ вершковъ). Есть даже кремневые топоры, обдѣланные грубо и довольно массивные. Но топоры и здѣсь дѣлались главнымъ образомъ изъ глинистаго сланца, изъ породъ зелено-каменныхъ и кристаллическихъ; какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, этого рода отшлифованные топоры здѣсь весьма

изобильны и разнообразны по формѣ. Упомяну также о доскахъ, на которыхъ шлифовались орудія, о каменныхъ молоткахъ, по формѣ сходныхъ съ современными, съ отверстіями по срединѣ. Есть молотки круглые, также съ отверстіями по срединѣ; они служили несомнѣнно для околачиванія орудій; сюда же нужно присоединить долото, служившее для дѣланія корытъ, и пр. Вмѣстѣ съ каменными встрѣчаются здѣсь и костяныя орудія; при устьѣ р. Кинемы я нашелъ копье изъ кости, не менѣе 150 миллим. въ длину.

Итакъ, добытый мною матеріалъ еще болѣе расширяетъ сходство каменнаго вѣка Олонецкой губерніи съ каменнымъ вѣкомъ другихъ странъ, особенно же мѣстностей сосѣднихъ—Скандинавіи, Финляндіи, Прибалтійскаго края и пр. Не имѣя пока положительныхъ данныхъ о племенныхъ чертахъ жителей, оставившихъ намъ каменныя принадлежности своего хозяйства, я долженъ сказать, что послѣ нихъ жило, вѣроятно, около озера Лача другое племя, занимавшееся земледѣліемъ и знавшее металлы. Крестьяне около рѣки Ольги и Нокколы находятъ иногда мѣста, покрытыя глухимъ дремучимъ лѣсомъ, гдѣ на почвѣ замѣтны слѣды бороздъ отъ сохи; недалеко отъ устья р. Ольги удавалось даже находить при раскопкѣ такихъ мѣстъ желѣзныя вещи, Какому племени принадлежатъ слѣды этого обитанія—также сказать не возможно.

Мѣстные крестьяне разказываютъ, что восточный берегъ Лачозера получилъ себѣ жителей съ западнаго. Первые поселенцы на р. Ольгу пришли съ Тихманги. Они занимались главнымъ образомъ звѣроловствомъ, ставя кляпцы и пасти на медвѣдей, волковъ и пр. По именамъ первыхъ русскихъ поселенцевъ, наконецъ здѣсь вполнѣ основавшихся, названы и деревни: мѣсто, гдѣ первоначально имѣлъ свое зимовье Кондратъ, названа Кондратовскою; отъ Сидора произошла Сидоровская, отъ Демида—Демидовская и т. д.

Теперь мнѣ остается сказать нѣсколько словъ касательно современной культуры въ здѣшнемъ краѣ. Въ жизни жителя этой мѣстности нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ новыхъ чертъ на ряду съ древними, стародавними. Каргополъ, какъ и большинство жителей Олонецкой губерніи, не находитъ себѣ достаточно средствъ къ существованію въ своемъ мѣстѣ и часто отлучается въ чужіе края для заработковъ; изъ этихъ отлучекъ онъ выноситъ разныя

новыя понятія и свѣдѣнія о другой жизни, но разсказываетъ ихъ своимъ землякамъ, какъ диковинку. Самъ живетъ онъ такъ, какъ жили его дѣды и прадѣды. Послѣ работы въ столицѣ онъ „воруетъ", или сказать правильнѣе, умыкаетъ себѣ жену, такъ какъ это проще и дешевле, чѣмъ возиться со сватами, со свадьбами да дѣвишниками. Его жена рожаетъ дѣтей, по обыкновенію, скрытно отъ другихъ, чтобы никто не былъ свидѣтелемъ родовъ; дѣлаетъ она это въ сѣновалѣ, въ гумнѣ—будь это въ самый трескучій морозъ. Затѣмъ появляется къ роженицѣ повитуха, иногда часовъ черезъ 12 послѣ родовъ, и начинаетъ свою работу рядомъ наговоровъ, нашептываній и заклинаній. Кавалеръ-матросикъ, обогнувшій вокругъ всѣ материки, зная, что̀ такое Великій, Атлантическій и Индійскій океаны, понимая, зачѣмъ онъ былъ со своими товарищами въ Сингапурѣ, въ Японіи, и отчего была потоплена при устьѣ Амура „Діана", — каменьщикъ, много лѣтъ работавшій на улицахъ какой-нибудь Риги, искренно вѣрятъ, что какая-нибудь знахарка можетъ оборотить ихъ въ волка на своей родинѣ, и они должны будутъ рыскать по своимъ роднымъ лѣсамъ, выискивая падали или живой добычи на пропитаніе. Еще недавно, лѣтъ 50—60 тому назадъ, во многихъ мѣстахъ здѣшняго края жители едва вѣрили, чтобы возможно было имѣть обувь иначе, какъ изъ бересты, въ видѣ лаптей. Кожаные сапоги приводили жителей въ удивленіе. Были случаи, и они даже до сихъ поръ повторяются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Олонецкой губерніи, что и многія другія принадлежности хозяйства дѣлались изъ бересты, напримѣръ, сѣдло, узда и проч.

Съ такого рода свойствами сопряжено въ средѣ крестьянъ весьма много явленій, неблагопріятныхъ для организаціи труда, для ихъ экономическаго быта. Не смотря на изворотливость нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, не смотря на ихъ внѣшнее благосостояніе, масса народа остается мало предпріимчивою; она легко поддается вліянію различныхъ неблагопріятныхъ явленій въ природѣ, неурожаи тяжело на ней отзываются; здѣшній крестьянинъ долженъ весьма много трудиться, но получаетъ сравнительно мало. Трудъ его цѣнится чрезвычайно дешево, нужда пріобрѣсти для себя все необходимое ставитъ его въ зависимость отъ людей постороннихъ, мало способныхъ войдти въ положеніе своего со-

брата, и которымъ слишкомъ близки ихъ собственные, личные интересы.

Благосостоянiе между Каргополами однако сравнительно выше, чѣмъ, напримѣръ, между Водлозёрами [1]). Здѣсь есть цѣлыя села, живущiя самостоятельно, не подпадающiя подъ иго зависимости отъ людей состоятельныхъ. Три деревни, лежащiя на восточномъ берегу озера Лача—Лаппиская, Сидоровская и Кондратовская, извѣстныя вмѣстѣ подъ именемъ „слободы", представляютъ по своему внѣшнему виду какъ бы значительное благосостоянiе; здѣсь есть много торговыхъ оборотливыхъ крестьянъ, бывающихъ на разныхъ торжкахъ и ярмаркахъ, скупающихъ грибы, дичь и мясо и доставляющихъ эти продукты въ Петербургъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ многiе крестьяне заняты рыболовствомъ на озерѣ. Во время весны здѣсь существуютъ двѣ артели такъ-называемыхъ кереводчиковъ. Одна артель состоитъ изъ 9 кереводовъ (особаго рода невода), въ каждомъ по 3 человѣка ловцовъ; другая артель состоитъ изъ 5 кереводовъ, съ тѣмъ же количествомъ ловцовъ, по 3 на каждый. Эти артели существуютъ съ начала мая до конца iюня, когда ловъ становится неправильнымъ по причинѣ наступающей страды (покосы, а затѣмъ жатва ржи). Артели составляются потому, что необходимо ежедневный уловъ рыбы доставлять въ г. Каргополь, за 12 верстъ, и здѣсь распродать его: иначе рыба скоро портится. Обыкновенно ночью, съ окончанiемъ лова, кереводчики собираются на устьѣ р. Ольги; здѣсь представители одного керевода обираютъ всю рыбу и везутъ ее въ городъ, не участвуя уже въ ловлѣ на другой день. Въ первой артели ловятъ такимъ образомъ постоянно 8 кереводовъ, во второй—4; ежедневно всѣ кереводчики бываютъ попеременно въ отлучкѣ. Вся ежедневно получаемая выручка наличными деньгами дѣлится поровну въ первой артели на 9 частей, во второй—на 5. Затѣмъ уже каждый кереводъ дѣлитъ долю между 3 человѣками поровну, если кереводъ у всѣхъ троихъ ловцовъ общiй; иначе на неводъ откидывается 2/5 улова на долю его хозяина, а ловцамъ по 1/5 на каждаго; каждый кереводъ получаетъ до 7 р. въ недѣлю, а въ два мѣсяца приходится на кереводъ 50—60

---

[1]) О Водлозёрахъ см. Зап. по Отд. Этногр., III, стр. 398—409, 425—439, 451—453, 463, 473, 483—485, 490—501.

рублей. Вычитая отсюда $^2/_5$ на стоимость снасти, останется около 10 р. на ловца за его двухмѣсячный трудъ. Въ концѣ лѣта кереводчики разбиваются на болѣе мелкія артели. Во всѣхъ случаяхъ члены артели, по обычаю, должны слѣдовать принятому порядку лова, и въ случаѣ нерадѣнія или несоблюденія интересовъ артели, какъ-то: неявки или несвоевременнаго появленія на работы, также за неумѣнье ловить, членъ артели исключается изъ нея. Но это бываетъ рѣдко; въ ловцахъ обыкновенно царствуетъ единодушіе и даже по временамъ соревнованіе. Здѣшнія артели — порожденіе чисто мѣстныхъ условій; лѣтомъ онѣ больше, потому что для всѣхъ ловцовъ необходима доставка рыбы въ городъ; находясь въ садкахъ, она портится, такъ какъ вода бываетъ весьма тепла и нечиста въ озерѣ. Къ концу лѣта вода становится холоднѣе; рыба можетъ жить долго въ садкахъ,—поэтому большинство ловцовъ разсыпается по разнымъ угламъ озера, здѣсь днюетъ и ночуетъ, не видясь съ другими своими товарищами. Вообще, одиночный способъ рыболовства распространенъ здѣсь всего больше. Это—ловцы мутниками [1]) или такъ-называемые мутничники. Благодаря главнымъ образомъ имъ, берега р. Ольги, при ея пустынномъ устьѣ, оживлены присутствіемъ болѣе чѣмъ 40 небольшихъ хижинъ. Эти рыбацкія лачужки безъ оконъ, безъ крышъ, представляютъ видъ какой-то оригинальной, первобытной деревни. Въ глубинѣ хижинъ, около заднихъ стѣнъ, сбиты печки; ихъ обыкновенно по три въ каждой. Мутничники, возвращаясь вечеромъ съ ловли, жарко натапливаютъ печки и затѣмъ кладутъ въ нихъ для сушки всю свою добычу, которая состоитъ исключительно изъ мелкихъ рыбъ, изъ ершей или изъ молоди. Чѣмъ мельче молодь, тѣмъ она больше цѣнится въ продажѣ. При устьѣ Ольги дѣйствуетъ до 60 мутниковъ, принадлежащихъ крестьянамъ сосѣднихъ деревень; ловятъ они въ продолженіе почти всего лѣта, рѣдко прерывая свои занятія. Мутничники, по два человѣка на лодку и мутникъ, выѣзжаютъ на озеро рано утромъ; къ полудню, во время жара, бросаютъ якорь и спятъ часовъ до 4-хъ среди водъ, а потомъ опять начинаютъ свой ловъ до вечера. Въ лѣто и осень мутникъ заработываетъ даже до 100 руб. Если положить $^2/_5$ на снасть, то прійдется зара-

---

[1]) О мутникѣ или чапѣ см. Зап. по Отд. Этногр., III, стр. 434.

ботку до 30 р. на ловца; обыкновенно мутникъ составляетъ принадлежность одного семейства: имъ ловитъ мужъ съ женой, отецъ съ дочерью и т. д. Этотъ способъ ловли какъ будто и выгодный, но онъ ведетъ къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ: рыба истребляется въ самомъ молодомъ возрастѣ; если положить пудъ сушенаго молья около 2 р. или 2 р. 50 к., то выйдетъ, что каждый мутничникъ долженъ продать его до 40—50 пудовъ, чтобы получить 100 р.; это количество сухой рыбы должно составлять едва ли больше 1/8 живой рыбы; говорятъ, что изъ пуда сырой рыбы выходитъ сухой только 5 фунтовъ, слѣдовательно, на каждый мутникъ должно приходиться не меньше 320 — 400 пудовъ живаго молья въ лѣто на уловъ. Если взять одно только Ольгское устье съ его 60 мутниками, то мы получимъ уже цифру въ цѣлыя тысячи пудовъ мелкой рыбы, которая здѣсь вылавливается. Если же взять во вниманіе, что въ каждый фунтъ идутъ сотни особей [1]), то получимъ огромное число для всѣхъ истребленныхъ существъ! Но при здѣшней нуждѣ, доходящей въ общей сложности до крайности, трудно сказать, какой другой промыселъ можетъ замѣнить жителямъ выгоды отъ этого истребленія.

Ловля рыбы мутниками еще лѣтъ 50 тому назадъ была мало здѣсь распространена; въ то время при устьѣ Ольги было только два мутника. Теперь мутникъ играетъ важную роль у жителей по всему озеру Лачу; посредствомъ его ловятъ жители Нокколы, устьевъ рр. Свиди, Ухты, Тихманги. У жителей Ноколлы имѣется 4 большихъ, въ 300 маховыхъ сажень, невода. При каждомъ работаетъ 8 человѣкъ, изъ которыхъ многіе не входятъ въ пай въ цѣнности самаго невода. Рыба дѣлится на 16 частей, 8 паевъ на неводъ и 8 на работниковъ, такъ что постороннему приходится на долю шестнадцатый рубль. Кромѣ большихъ неводовъ и мутниковъ, здѣсь есть много маленькихъ. Но въ большомъ Ноккольскомъ селеніи бѣдность проглядываетъ уже изъ всякаго окна; нуждой пахнетъ изъ большинства покосившихся и полуразваленныхъ домиковъ. Жители должны везти свой уловъ въ городъ за 30 верстъ;

---

[1]) По показаніямъ торговцевъ рыбою, одногодовалаго ерша идетъ около 150 шт., вышедшаго весной и изловленнаго въ концѣ лѣта или осенью идетъ до 400 шт. въ одинъ фунтъ.

это далеко, а часто и невозможно по случаю противныхъ вѣтровъ; вслѣдствіе того они легко подпадаютъ вліянію прасоловъ, такъ какъ для большинства изъ нихъ бываетъ настоятельно необходимо превращать рыбу въ хлѣбъ; теряя здѣсь значительную долю выгоды, остальную часть улова они не прочь снести къ цѣловальнику, который поэтому уже и выстроилъ самый лучшій домъ въ селѣ. Итакъ, здѣсь уже очевидно, что при недостаткѣ хлѣба, и рыболовство не удовлетворяетъ нуждамъ крестьянина. Жители, живущіе вдали отъ озера, среди лѣсовъ, находятся въ еще болѣе невыгодныхъ условіяхъ. Заработки здѣсь, особенно въ случаѣ неурожая, скудны и крайне тяжелы. Укажемъ въ примѣръ тому выдѣлку бѣлки,—чѣмъ Каргополь давно прославился.

Въ Каргополѣ находится 3 большіе завода для выдѣлки бѣлки; на каждомъ изъ нихъ въ 1873 году выдѣлывалось около 600,000 бѣлокъ, слѣдовательно, до 1.800,000 на всѣхъ; кромѣ того, существуетъ 3 небольшіе завода, выдѣлывающіе всего до 600,000 бѣлокъ. Все количество обдѣланной бѣлки простирается до $2^1/_2$ милліоновъ. На каждомъ изъ большихъ заводовъ имѣется рабочихъ до 50 человѣкъ и соотвѣтственное количество на малыхъ; всего до 200 человѣкъ. Бѣлка свозится сюда съ обширныхъ пространствъ; сюда попадаетъ бѣлка сибирская, олекминская, байкальская, уральская—съ ярмарокъ Нижегородской и Ирбитской; сюда идетъ бѣлка съ сѣвера—архангельская, олонецкая и т. д.—съ различныхъ ярмарокъ въ родѣ Шунгской, или съ торжковъ.

Въ обработкѣ она претерпѣваетъ слѣдующія фазы. Прежде всего она сдается крестьянамъ около Каргополя, здѣсь ее скорнячатъ; для этого она первоначально квасится сутки въ гущѣ, состоящей изъ муки и соли; муки идетъ на 1000 шт. бѣлокъ 15 фунт., соли—10 фунт., при чемъ соль употребляется для предохраненія шерсти отъ слѣзанія съ кожи, или какъ здѣсь говорятъ, чтобы шерсть не опрѣла. Затѣмъ бѣлку бруснутъ, то-есть, трутъ шкурку мездрой около винтообразнаго желѣзнаго прута, для того, чтобы снять всю мясистую часть съ кожи. Для смягченія кожи смазываютъ ее ворванью—1 фунтъ ворвани на 1000 шт. Потомъ бѣлка складывается слоями въ бочку, пересыпается мукой и мнется ногами; это дѣлаетъ и шкурку, и шерсть пышною и мягкою. Всего скорнякъ получаетъ за свою работу и матеріалъ отъ $1^1/_2$ до 2 руб. съ тысячи,

заработывая въ сезонъ до 30 руб.; работа продолжается до $4^1/_2$ мѣсяцевъ.

Отъ скорняка бѣлка поступаетъ собственно на заводъ, къ мастерамъ или разборщикамъ. Всѣ имѣющіеся сорта бѣлокъ распредѣляются на 12 категорій, по оттѣнкамъ ихъ шерсти. Получается сортъ темно-дымчатыхъ, съ оттѣнками красноты на шеѣ, около хвоста и т. д. Каждый изъ этихъ главныхъ оттѣнковъ еще классифицируется, нерѣдко на 10 отдѣленій, такъ что каждый изъ 12 главныхъ сортовъ мѣха будетъ отличаться второстепенными качествами; первый сортъ можетъ быть перваго, втораго и третьяго разбора, тоже второй и т. д.

Отъ разборщиковъ бѣлка поступаетъ въ кройку. Закройщикъ разрѣзываетъ каждую бѣлку на пять главныхъ частей; отрѣзываетъ хвостъ, лобъ, часть шкурки около хвоста — огузокъ, животъ — черево, и наконецъ, получаетъ спинку — хребетъ. Каждая изъ этихъ частей шкурки идетъ несшитою въ продажу: хвосты продаются, напримѣръ, въ Петербургѣ, заграничнымъ купцамъ по 130 руб. за пудъ, а въ самое послѣднее время цѣна имъ дошла до 150 руб. за пудъ. 1000 бѣличьихъ хвостовъ вѣситъ 6 фунт., слѣдовательно, въ пудъ ихъ идетъ около 6600, почти 2 коп. или и больше за каждый. Черева продаются, смотря по году, отъ $2^1/_2$ до $4^1/_2$ к., хребетъ—отъ 6 до 7 к., лбы—по 1 руб. съ 1000, также и огузки.

Главнымъ образомъ шкурки здѣсь же сшиваются въ мѣха. Въ одинъ мѣхъ идетъ хребтиковъ 200 штукъ. Зачинить ихъ, такъ какъ они часто бываютъ разрѣзаны, и сшить изъ нихъ мѣхъ стоитъ 16 коп. Въ мѣхъ изъ черевъ идетъ 170 шт.; сшивка ихъ обходится въ такую же цѣну, какъ и сшивка хребтоваго мѣха. Въ лбовый мѣхъ идетъ 2000 бѣличьихъ лбовъ; вся работа его, подборка лоскутковъ, ихъ выправка и кройка, вмѣстѣ съ шитьемъ обходится 1 р. 50 к. Въ огузчатый мѣхъ идетъ 4000 гузокъ; разобрать гузки по сортамъ, выправить ихъ стоитъ 48 коп. съ тысячи; прикроить 4 тысячи кусковъ—10 коп.; сшить ихъ въ мѣхъ стоитъ только 18 коп. Лоскутки имѣютъ отъ $^1/_2$ до 1 вершка въ длину и до $^1/_4$ вершка въ ширину. Эти сорта мѣховъ со стороны мездры представляютъ чистую мозаику; чрезвычайное терпѣніе, необходимое для шитья этого мѣха, при кропотливости и медленности работы, при такой низкой

платѣ, можетъ быть вызвано только крайнею нуждой; обработка всего огузчатаго мѣха обходится среднимъ числомъ 1 руб. 80 коп. Послѣ всѣхъ этихъ сортовъ мѣховъ дѣлаются еще мѣха изъ бѣличьихъ щекъ; уши пришиваются обыкновенно на бѣлые черевные мѣха. Черевный мѣхъ продается отъ 6 до 9½ руб., хребтовый—отъ 12 до 15 руб., лбовый—4 руб., огузчатый—отъ 7½ до 8 руб. Обработка 1000 бѣлокъ во всѣ виды мѣховъ обходится хозяевамъ въ 9—10 руб., ровно въ два раза меньше, чѣмъ въ Москвѣ, гдѣ эта работа стоитъ 18—20 руб.

Главные мастера на заводахъ—городскіе жители; ихъ немного, и они получаютъ за работу около 250 руб. Обыкновенные рабочіе, жители деревенскіе, въ тотъ же періодъ времени, 4½ мѣсяца, заработываютъ до 50 — 60 руб. Работа производится отъ 4½ часовъ утра до 9½ часовъ вечера, слѣдовательно, длится 17 часовъ, безъ перерыва, часто и въ праздники. Всего меньше окупается трудъ женщинъ-швей: на ихъ долю за тягостную работу едва выпадаетъ 10—15 рублей заработка. Главныя же выгоды отъ дешевизны труда переходятъ здѣсь въ руки капиталистовъ, наслѣдственно, изъ рода въ родъ ведущихъ этотъ промыселъ. Барыши, ежегодно поступающіе въ ихъ пользу, считаются тысячами рублей, уходятъ за 10 тысячъ на человѣка.

Но обработка бѣлки занимаетъ еще видное мѣсто по выгодамъ для мѣстнаго населенія. Многіе другіе заработки ввергаютъ крестьянъ скорѣе въ нищету, чѣмъ доставляютъ имъ поддержку. Сравнительно немногимъ сельскимъ жителямъ удается найдти себѣ выгодный заработокъ; и если такъ бываетъ, то лишь съ крестьянами состоятельными, не находящимися обыкновенно отъ другихъ въ зависимости. Чаще крестьяне, подъ вліяніемъ крайней нужды, попадаютъ въ кабалу къ спекуляторамъ изъ среды своихъ же собратій. Здѣсь бываетъ совершенно то же, что уже раньше замѣчено мною на Водлозерѣ [1]): такъ-называемые „десятники“ во время уплаты податей, въ концѣ февраля и въ началѣ марта, объѣзжаютъ деревню за деревней и вербуютъ себѣ рабочихъ подъ гонку лѣсовъ или на Маріинскій каналъ; они даютъ крестьянамъ подъ будущій трудъ задатокъ отъ 16 до 20 руб., съ

[1]) Зап. по Отд. Этногр., III, стр. 483.

платой за недѣльную работу отъ 1 руб. до 2 руб.; такимъ образомъ десятники составляютъ партіи отъ 50 до 100 человѣкъ. Такія-то партіи называются здѣсь артелями, но члены такой партіи не имѣютъ никакого голоса въ ходѣ работъ, они во всемъ обязаны подчиняться хозяину-десятнику, который запродаетъ ихъ трудъ за 4—5 руб. въ недѣлю, для всякаго члена партіи въ отдѣльности. Рабочій въ условіи обязуется: быть въ услуженіи у десятника, со дня поступленія, тридцать недѣль; исполнять работы—сплавъ лѣса, тягу судовъ по рѣкамъ и каналамъ въ губерніяхъ Олонецкой, Новгородской и С.-Петербургской; въ дорогу вступать безотговорочно, по требованію десятника; харчи въ пути къ мѣсту работы имѣть свои; на работу выходить въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ въ 3 часа утра и оканчивать въ 9 часовъ вечера (ровно 19 часовъ); а въ іюлѣ, августѣ, сентябрѣ и октябрѣ выходить въ 4 часа утра и оканчивать въ 8 часовъ вечера; во время дня отдыхъ по назначенію хозяина; на работахъ быть послушнымъ днемъ и ночью; за лѣность и непослушаніе вычитается по одному рублю изъ жалованья въ день, за болѣзнь—въ день по расчету; отвѣтственность передъ судомъ за несчастія на судахъ и на лѣсныхъ гонкахъ падаетъ на работника, а не на десятника; но десятникъ имѣетъ право когда угодно расчитать рабочаго или передать другому. Наиболѣе способные изъ рабочихъ получаютъ отъ 50 руб. до 100, иные получаютъ отъ 25 руб. до 50; чаще всего заработокъ за тягостный восьмимѣсячный трудъ равняется только 30—40 руб. Сплавъ лѣса часто сопровождается смертными случаями или тѣмъ, что рабочій пріобрѣтаетъ неизлѣчимыя простудныя болѣзни, такъ какъ приходится быть почти постоянно въ водѣ. Такого рода рабочіе, конечно, годъ отъ году все больше и больше разоряются. Часть заработка идетъ на уплату податей, часть—на покупку хлѣба, значительная часть въ дорогѣ пропивается, и работникъ возвращается домой безъ денегъ. А дома часто хлѣбъ не засѣянъ и ѣсть нечего. Тогда онъ снова обращается къ десятнику за задаткомъ въ счетъ труда будущаго года. Нѣсколько тысячъ человѣкъ ведутъ подобнаго рода жизнь въ Каргопольскомъ уѣздѣ; изъ каждой волости отлучается для такихъ заработковъ по 100—300 человѣкъ.

Все это впрочемъ промыслы отхожіе; между тѣмъ самъ Каргопольскій уѣздъ изобилуетъ своимъ лѣсомъ, который, по видимому,

долженъ былъ бы служить для жителей источникомъ благосостоянія, вознаграждать жителей за убытки, причиняемые имъ климатомъ, недостаткомъ удобной почвы и пастбищъ и изобиліемъ хищныхъ звѣрей, опустошающихъ скудныя стада здѣшняго края. Но жизнь въ краѣ такъ сложилась, что нѣтъ пока никакой возможности думать о подобномъ уравновѣшиваніи недостатковъ отъ однихъ занятій выгодами отъ другихъ. Торговля лѣсомъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ сосредоточена въ рукахъ компаніи Онежскаго лѣснаго торга. Компанія ведетъ обширныя заготовки сосновыхъ и еловыхъ бревенъ по всѣмъ рѣкамъ и рѣчкамъ здѣшняго края; лѣсъ сплавляется къ устью р. Онеги, здѣсь распиливается на заводахъ и въ видѣ досокъ отправляется за границу. Имѣвъ случай наблюдать условія рубки и доставки лѣса при устьѣ р. Вытегры, я находилъ дѣйствія лѣсопромышленниковъ не вполнѣ добросовѣстными, замѣчалъ неправильные расчеты, браковку и пр. [2]); условія же рубки и сплава лѣса изъ мелкихъ рѣчекъ въ большія, заключаемыя компаніей съ здѣшними крестьянами, еще менѣе благопріятны. Плата около Вытегры за 6-вершковое бревно 25, за 12-вершк. 90 к. Компанія платитъ по весьма щедрому разчету за $6^1/_2$-вершковое 15 к., за $9^1/_2$-, 10-вершк. и т. д.—35 коп.; средняя плата за бревно изъ minimum'а и maximum'а платы будетъ въ первомъ случаѣ 57 коп., во второмъ—25 коп., меньше, чѣмъ въ первомъ случаѣ, въ $2^7/_{25}$ раза. Еловыя бревна срубаются и доставляются по еще болѣе дешевой платѣ. Но даже если сравнить цѣны компаніи съ тѣми, которыя установлены въ средѣ другихъ здѣшнихъ же лѣсопромышленниковъ или частныхъ лицъ, пріобрѣтающихъ лѣсъ для домашнихъ потребностей, то въ этомъ случаѣ получимъ громадную разницу: послѣднимъ срубка бревна и доставка его къ рѣкѣ обходится не меньше 50 коп. Низость заработной платы въ дѣлахъ компанейскихъ объясняется тѣмъ, что компанія Онежскаго лѣснаго торга только одна купила себѣ право заниматься рубкой лѣса въ большей части Каргопольскаго и Пудожскаго уѣздовъ, а также въ Онежскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи; въ теченіе 10-ти лѣтъ она выговорила себѣ право срубить 2,000,000 сосновыхъ бревенъ и 500,000 еловыхъ, съ платой въ казну по 50 к. за каждое, независимо

---

[2]) Зап. по Отд. Этногр., III, стр. 479.

отъ толщины. Не имѣя предъ собою никакой конкурренціи, она, конечно, въ предѣлахъ отведенной ей области одна по произволу устанавливаетъ цѣны и до послѣдней крайности выгораживаетъ свои интересы. Крестьяне, какъ и вездѣ, руководимые часто безысходною нуждой, соблазняются предлагаемыми имъ задатками по 9 руб. подъ каждые сто бревенъ. По окончаніи вырубки и вывозки, крестьянамъ выдается вторая треть; затѣмъ крестьянамъ остается сплавить лѣсъ еще къ главной рѣкѣ, и тогда они получаютъ остальную плату. Притомъ компанія обязуетъ всѣхъ нанимающихся взаимно отвѣчать другъ за друга, такъ что въ случаѣ неисправной рубки или доставки лѣса кѣмъ-либо изъ нанявшихся, отвѣчаютъ своими деньгами всѣ остальные, нанявшіеся у компаніи.

Неудобствъ въ такихъ условіяхъ для крестьянъ весьма много: часто отдаленность годнаго лѣса отъ рѣчекъ, большіе снѣга (рубка происходитъ съ декабря до марта), по которымъ спеціально необходимо прокладывать дорогу; годъ отъ году эти неудобства увеличиваются, такъ какъ по близости рѣчекъ лѣсъ вырубается, и приходится углубляться дальше въ лѣса. При сплавѣ по рѣчкамъ не менѣе трудностей: рѣчки иногда быстро расходятся, наполняясь водой, затѣмъ еще быстрѣе убываютъ, такъ что многимъ не удается во время пустить лѣсъ по рѣчкѣ. Конечно, много хлопотъ и труда кладетъ въ этомъ случаѣ крестьянинъ, но не смотря на то, компанія нанимаетъ усиленное число рабочихъ для доставки отставшаго лѣса и для вырубки недостающаго, производя за то двойную плату противъ нормальной, и не изъ своихъ суммъ, а изъ тѣхъ, которыя еще не доплачены крестьянамъ; эти расходы распредѣляются на всѣхъ, на правыхъ и виноватыхъ. Есть еще рядъ другихъ натяжекъ, къ которымъ лѣсопромышленники прибѣгаютъ для соблюденія своихъ интересовъ; пріемъ лѣсовъ отъ крестьянъ производятъ такъ-называемые браковщики; всякое дерево, съ какимъ-нибудь ничтожнымъ или даже только кажущимся изъяномъ, они принимаютъ въ бракъ, платя за него въ такомъ случаѣ только 5 к., хотя бы дерево пришлось везти на лошади за 7 в. Затѣмъ, конечно, браковщики не преминутъ $8^1/_2$ вершковое бревно принять за 8-вершковое, 7-вершк.—за $6^1/_2$-вершк. и т. д. Какъ велики выгоды, получаемыя крестьяниномъ за его тягостный трудъ, рѣшить не трудно. Рабочій въ сутки, на собственномъ содержаніи, съ лошадью получаетъ

25 коп. и меньше; при такомъ дневномъ заработкѣ, едва ли и самъ онъ въ состояніи какъ слѣдуетъ пропитаться, лошадь же его навѣрное держится полуголодною; получая только сѣно, она ужь и не видитъ хлѣба. Такимъ образомъ лошади изнуряются еще больше, чѣмъ ихъ хозяева, и бываетъ такъ, что къ веснѣ лошадь заболѣваетъ и падаетъ или едва волочитъ ноги; она становится едва способною привезти сѣна да дровъ для дома, и въ еще болѣе затруднительное положеніе становится крестьянинъ при наступленіи пахоты. Такимъ образомъ весьма многіе поселяне, вмѣсто того, чтобы пріобрѣсти выгоду, впали въ нищету, и не смотря на то, до сихъ поръ въ разныхъ волостяхъ работаютъ на компанію сотни человѣкъ. Въ одной Фатьяновской волости ежегодно нанимаются на лѣсную рубку до 300—350 человѣкъ.

Чтобъ убѣдиться—какія причины заставляютъ компанію становиться въ подобныя отношенія къ мѣстнымъ жителямъ, недостатокъ ли средствъ или невыгодныя условія сбыта лѣснаго матеріала, я собралъ нижеслѣдующія данныя, изъ которыхъ также видно будетъ—какую долю всѣхъ расходовъ по обработкѣ дерева составляетъ цѣна за срубку и доставку лѣса на сплавныя рѣки. Расчетъ кажется даже преувеличенный, онъ падаетъ среднимъ числомъ на одно бревно:

Вырубка и сплавъ на главныя рѣки	25 коп.
Доставка къ заводамъ	25 „
Жалованья служащимъ и разнымъ подрядчикамъ .	20 „
„ рабочимъ на заводахъ	30 „
Прогоны по разъѣздамъ прикащиковъ, браковщиковъ, содержаніе плотинъ и запаней	10 „
Распилка и сортировка, разборка, нагрузка, выгрузка и перевозка досокъ съ заводовъ къ главному складу на Кій-островѣ и на корабли .	16 „
Содержаніе конторы и служащихъ при заводахъ .	15 „
Уплата попенныхъ въ казну	50 „
Усиленіе надзора	4 „
Постройка новыхъ перевозныхъ судовъ и ремонтъ старыхъ, ремонтъ пароходовъ, вещей, лошадей, взносъ процентныхъ и страховыхъ, гильдейскихъ повинностей и пр.	35 „
Всего. . .	2 р. 30 коп.

Итакъ, бревно, совершенно обработанное въ доски и доставленное на мѣсто сбыта за границу—въ Англію, во Францію или Испанію, стоитъ 2 р. 30 к. Изъ одного дерева выходитъ среднимъ числомъ 2 доски, шириною въ 11 дюймовъ, толщиною 3 д. и длиной въ 22 фута и двѣ доски меньшей толщины. Каждая изъ 2 первыхъ досокъ стоитъ на мѣстѣ сбыта 2 руб., обѣ составятъ 4 руб.; если стоимость двухъ остальныхъ положить въ 1 руб., то все дерево въ распилкѣ будетъ стоить 5 руб. Принимая во вниманіе расходъ на бревно въ 2 руб. 30 коп., получимъ невѣроятную цифру дохода на бревно, уходящую за 100%. Другіе говорятъ, что будто бы доходъ компаніи простирается только до 36%.

И въ этой второй главѣ считаю нужнымъ замѣтки, занесенныя на бумагу на мѣстѣ моихъ странствованій, дополнить еще нѣкоторыми позднѣйшими замѣчаніями.

Въ настоящей главѣ я указалъ на важнѣйшіе пункты нахожденія остатковъ каменнаго вѣка, раскинутые по восточному берегу озера Лача. Какъ оказывается, залеганіе орудій весьма просто, самыя же орудія весьма разнообразны. Добавлю здѣсь еще разъ, что кремневыя орудія встрѣчаются преимущественно на берегахъ, при чемъ шлифованныя изъ сланца здѣсь сравнительно рѣдки; на „горбышахъ"—обратно. Кремневыя принадлежности, какъ я уже сказалъ, представляютъ различную степень совершенства по своей обработкѣ. Къ числу этихъ издѣлій изъ кремня принадлежатъ топоры, относительно грубо сдѣланные; три такіе топора, найденные при устьѣ р. Ольги, представлены на таблицѣ I. Топоръ, изображенный на фиг. 1, сдѣланъ изъ бѣловатаго, вполнѣ непрозрачнаго кремня; сторона, съ которой сдѣланъ рисунокъ орудія, представляетъ слѣды цѣлаго ряда грубыхъ ударовъ; на обратной сторонѣ этого топора замѣтно меньшее количество слѣдовъ удара. Орудіе, изображенное на фиг. 2, ближе подходитъ по общей формѣ къ настоящему клиновидному топору; оно состоитъ изъ кремнистаго камня, ближе подходящаго къ кварциту. Орудіе, изображенное на фиг. 3 по формѣ подходитъ даже къ копью, но грубость его отдѣлки указываетъ на то, что если оно было въ употребленіи, то для цѣлей менѣе важныхъ, чѣмъ та, для которой предназначается копье. Затѣмъ, на томъ же восточномъ берегу я нашелъ кремневое орудіе, значительно напоминающее по формѣ послѣднее, но превосходящее

его по величинѣ до двухъ разъ. Всѣ эти орудія по типу напоминаютъ такъ-называемые сентъ-аьнёльскіе топоры.

Далѣе въ моей коллекціи съ Лачозера имѣется цѣлый рядъ орудій, составляющихъ постепенный переходъ отъ этихъ грубыхъ, сдѣланныхъ изъ кремнистаго матеріала принадлежностей каменнаго вѣка къ самымъ совершеннымъ орудіямъ, которыя однако сдѣланы были также посредствомъ околачиванія. Къ числу орудій этой послѣдней категоріи относится наконечникъ копья, найденный на восточномъ берегу озера Лача, недалеко отъ устьевъ Кинемы и изображенный на таблицѣ II, фиг. 1; этотъ наконечникъ, о которомъ я уже упоминалъ выше, въ этой самой главѣ (стр. 19), сдѣланъ изъ темнобураго, плотнаго, лоснящагося кремня, дающаго хорошій раковистый изломъ; удары, съ помощью которыхъ дѣлалось орудіе, были тщательны, но не тонки, хотя края орудія весьма остры, въ томъ числѣ и передній конецъ; задній конецъ копья, который вставлялся въ древко, выдѣланъ плоско, тогда какъ передній кончается нѣсколько пирамидально. Второе изъ здѣсь же найденныхъ копій было выдѣлано еще болѣе аккуратно посредствомъ болѣе мелкихъ ударовъ; оно изображено въ натуральную величину въ ф. 2 табл. II и имѣетъ съ обоихъ концовъ ланцетную форму. Почти полное совершенство въ выдѣлкѣ кремневыхъ наконечниковъ, въ этомъ случаѣ для стрѣлъ, видно на экземплярахъ, изображенныхъ на таблицѣ II, фиг. 2 и 3. На наконечникѣ стрѣлы, фиг. 2, видны слѣды самыхъ тщательныхъ, осторожныхъ и тонкихъ ударовъ; въ этомъ случаѣ, при значительной длинѣ наконечника и при его общей узости, ему придана весьма правильная, довольно симметричная форма; вмѣстѣ съ тѣмъ и концы его прекрасно пріострены. Въ наконечникѣ фиг. 3 замѣтна еще большая практичность въ достиженіи цѣли, какая преслѣдовалась въ изготовленіи его, какъ орудія; передній конецъ его вполнѣ заостренъ, задній конецъ— широкій и плоскій, съ лунообразною выемкой на самомъ заднемъ краю, который также пріостренъ; въ такомъ устройствѣ задняго конца наконечника достигалась та цѣль, чтобъ орудіе, вставленное въ древко, не особенно утолщало это мѣсто его прикрѣпленія. По этой выемкѣ на заднемъ краѣ описываемый наконечникъ представляетъ переходъ къ сибирскимъ, подобнымъ изображенному на фиг. 6 и найденному въ окрестностяхъ Красноярска. Но и въ Во-

сточной Сибири не у всѣхъ наконечниковъ на заднемъ краѣ бываетъ такая глубокая сердцевидная выемка, какъ у здѣсь изображеннаго; выемки часто подходятъ къ полулуннымъ, или наконецъ, задній край наконечника дѣлался просто прямолинейнымъ, а все орудіе въ такомъ случаѣ является треугольнымъ. У западно-европейскихъ наконечниковъ, напримѣръ, у шведскихъ и датскихъ, выемка на заднемъ краѣ бываетъ еще больше, въ видѣ полукруга [1]); на наконечникахъ въ Кіевской губерніи изъ долины Днѣпра также находимъ нѣкоторую выемку, но не полулунную, а скорѣе походящую на ту которая изображена на красноярскомъ наконечникѣ на табл. II, ф. 6. [2]); наконецъ и между стрѣлками, найденными въ Тульской губерніи, встрѣтилась одна, найденная у с. Илькина, очень мелкая и представляющая на заднемъ краю подобіе полунной выемки, весьма впрочемъ несовершенной работы [3]). Одинъ изъ лучшихъ и наиболѣе правильныхъ наконечниковъ стрѣлъ, изящнѣе и совершеннѣе котораго уже трудно было воспроизвести что-либо изъ кремня, представленъ на таблицѣ II, фиг. 5. Этотъ наконечникъ добытъ мною около озера Мошинскаго, о которомъ рѣчь будетъ въ слѣдующей главѣ; при довольно значительной длинѣ, этотъ наконечникъ, сдѣланный изъ красноватаго кремня, весьма аккуратно пріостренъ на переднемъ концѣ; на заднемъ же онъ кончается долотообразно, съ едва замѣтною полулунною выемкой. Благодаря своей красивой симметричной стрѣловидной формѣ, этотъ наконечникъ еще до сихъ поръ имѣлъ значеніе для нашедшаго его крестьянина, какъ амулетъ. Именно, когда крестьянинъ, нашедшій этотъ наконечникъ, былъ еще молодъ и ему приходилось жениться, то онъ, слѣдуя господствующему здѣсь обычаю, долженъ былъ положить наконечникъ въ са-

---

[1]) *Nilsson*, Les habitants primitifs de la Scandinavie, табл. III, фф. 46 и 48, табл. V, фф. 94—98; *Montelius*, Antiquités suèdoises (Stockholm, 1873 — 1875), фф. 47, 50, 59, 61, 64; его же, La Suède préhistorique (Stockholm, 1874), ф. 6.

[2]) См. статью *М. А. Максимовича:* „Украинскія стрѣлы древнѣйшихъ временъ“, въ Древностяхъ, изд. Моск. археол. обществомъ, 1867 г., стр. 208, рис. 1.

[3]) См. статью *Г. Д. Филимонова:* „Промышленность каменнаго вѣка въ Тульской губерніи“, въ Вѣстникѣ общества древне-русскаго искусства, 1876 г., ф. 177.

ногъ подъ пятку и въ такомъ только видѣ идти съ невѣстой подъ вѣнецъ: по господствующему повѣрью, „громовая стрѣла" или наконечникъ служитъ въ этомъ случаѣ столько же предохраненіемъ отъ несчастій въ бракѣ, сколько и залогомъ для счастія. Укажу еще на чрезвычайно оригинальное орудіе, изображенное на фиг. 4; это—наконечникъ копья, но приноровленный видимо для другихъ цѣлей. Около одной стороны его продѣлано сквозное и довольно широкое отверстіе; наконечникъ съ такимъ отверстіемъ, очевидно, служитъ какъ гарпунъ; вставляемый заднимъ концомъ въ древко, онъ навѣрное былъ еще привязываемъ веревкою, которая послѣ удара оставалась въ рукахъ ловца. Отверстіе сдѣлано очень ровно; можетъ быть, подобный гарпунъ *былъ* употребляемъ на бой большихъ рыбъ, а также и водившихся въ озерѣ Лачѣ тюленей. Наконечникъ этотъ былъ найденъ при устьѣ Кинемы.

Кромѣ описанныхъ здѣсь обивныхъ орудій, какъ на восточномъ берегу озера Лача, такъ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ, мною была находима масса орудій въ цѣломъ видѣ или въ обломкахъ; то были болѣе или менѣе грубые наконечники копій или же наконечники стрѣлъ. Какъ тѣ, такъ и другіе являлись въ болѣе или менѣе ланцетной или миндалевидной формѣ. Кромѣ наконечниковъ, я находилъ также въ разныхъ мѣстахъ массу ножей и въ особенности скребковъ. Скребки, какъ и ножи, имѣли обыкновенную, типичную форму; они имѣли различную величину и были или округлены, или продолговаты и призматичны; въ особенности много попадалось ихъ при устьяхъ рѣкъ Ольги и Кинемы.

Обращаюсь теперь къ орудіямъ обточеннымъ, или какъ говорятъ, шлифованнымъ; таковыя добыты мною также въ большомъ количествѣ, въ особенности при устьѣ р. Кинемы и на островѣ Пормскомъ на Кенозерѣ, о которомъ идетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ. Всѣ эти орудія по своей формѣ вполнѣ сходны съ найденными прежде въ Олонецкой же губерніи Н. Ѳ. Бутеневымъ; представляютъ онѣ полное сходство и съ орудіями, распространенными въ Финляндіи. Къ числу этихъ орудій относятся топоры, молотки, тесла и пр.; сдѣланы они преимущественно изъ глинистаго сланца, но есть и такія, которыя выдѣланы изъ діорита и породъ зеленокаменныхъ. Обточенныя орудія изготовлялись, вѣроятно, тѣмъ способомъ, на который я указалъ въ моихъ „Этнографическихъ

изслѣдованіяхъ на юго-востокѣ Олонецкой губерніи" [1]); тамъ, на таблицѣ I, фиг. 3, я изобразилъ плиту изъ тальковаго кварцита, на одной сторонѣ которой сохранились ясные слѣды, что она именно служила для обтачиванія орудій; обломки подобныхъ же плитъ изъ того же матеріала находилъ я и въ 1873 году, какъ на берегу Тудозера, около Онежскаго озера, такъ и на восточномъ берегу озера Лача. Преобладающими изъ обточенныхъ инструментовъ являются повсемѣстно топоры; наиболѣе типичная клиновидная форма ихъ вполнѣ ясно выражена на орудіи, найденномъ при устьяхъ Кинемы и изображенномъ въ настоящую величину на таблицѣ IV, фиг. 1; топоръ этотъ, какъ и большая часть другихъ, здѣсь найденныхъ, сдѣланъ изъ глинистаго сланца. Наиболѣе выдается по своей довольно своеобразной формѣ топоръ, тоже изъ глинистаго сланца, найденный также при устьѣ Кинемы; верхній конецъ его обдѣланъ въ видѣ усѣченнаго конуса, а нижній—тщательно и клиновидно сточенъ (таблица III, фиг. 1). Почти совершенно такой же топоръ и изъ того же матеріала, но только большей величины, и былъ найденъ въ прошломъ столѣтіи при проведеніи стараго Ладожскаго канала; онъ хранится нынѣ въ антропологическомъ музеѣ Академіи Наукъ. Укажу еще на одинъ топоръ, найденный на островѣ Пормскомъ, на Кенозерѣ; онъ сдѣланъ изъ зеленоватаго змѣевика и нѣсколько уподобляется нефритовому; онъ изображенъ на таблицѣ III, фиг. 2, въ $^2/_3$ своей величины; въ дѣйствительности онъ довольно массивенъ и тяжелъ, при чемъ имѣетъ вполнѣ клиновидную форму, съ весьма хорошо сдѣланнымъ остріемъ.

Къ орудіямъ, довольно своеобразнымъ и характеризующимъ Олонецкую губернію, и особенно Финляндію, относятся такъ-называемыя тёсла. Одно изъ нихъ, сдѣланное изъ глинистаго сланца, было найдено при устьяхъ рѣки Кинемы; оно изображено на таблицѣ IV, фиг. 2, въ $^2/_3$ своей настоящей величины. Оно весьма удлинено и относительно узко; на рѣжущемъ концѣ его съ одной стороны сдѣлана корытообразная выемка, а самая окраина образуетъ остріе. Такія орудія были находимы мною около д. Карташихи въ долинѣ Волги въ Казанской губерніи, а также въ долинѣ Оки [2]); они часто

[1]) Зап. по отд. Этногр., III, 357—359.

[2]) Антропол. поѣздка въ центр. и вост. Россію (С.-Пб. 1881 г.), т. 5, ф. 31.

встрѣчаются въ Финляндіи, но сравнительно рѣдко въ западной Европѣ; во многихъ же странахъ послѣдней они совершенно отсутствуютъ. По Волгѣ и Окѣ онѣ выдѣлывались изъ кремня, въ Финляндіи же и Олонецкой губерніи — изъ глинистаго сланца и другихъ мѣстныхъ горныхъ породъ. Кромѣ этого тёсла, на таблицѣ IV представлены два другія; изъ нихъ изображенное на фиг. 3 нѣсколько короче только что описаннаго, но толще и тяжеле; утолщенное по срединѣ, оно равномѣрно конически суживается къ концамъ; остріе въ концѣ корытообразной выемки выдѣлано весьма тщательно; орудіе сдѣлано изъ діорита. О разнообразіи теселъ можно судить еще по слѣдующему, изображенному на той же таблицѣ, на фиг. 4. Это послѣднее, какъ и предшествующее, найдено на островѣ Пормскомъ на Кенозерѣ. Оно сдѣлано изъ свѣтлой зелено-каменной горной породы; оно короче и шире предшествующаго, притомъ и болѣе плоско; оно было приноровлено къ двоякимъ цѣлямъ: на одномъ его концѣ остріе образовано корытообразною выемкой, другой же конецъ съ обѣихъ сторонъ клинообразно заточенъ, въ родѣ того, какъ у обыкновенныхъ сланцевыхъ топоровъ. Очевидно, что эти разнообразныя по формѣ и составу орудія употреблялись при выдалбливаніи дерева, которое притомъ выжигалось въ томъ мѣстѣ, гдѣ нужно было сдѣлать выемку или же требовалось сравнять обожженную поверхность. Такъ въ орудіи, фиг. 4, топорообразный край могъ служить для сравниванія и сглаживанія поверхности, конецъ же съ выемкой—для извлеченія обугленныхъ частей дерева изнутри, напримѣръ, корыта или лодки.

Существуетъ еще разрядъ орудій, изъ коихъ иныя, благодаря ихъ формѣ, не оставляютъ никакого сомнѣнія касательно ихъ назначенія; прежде всего это молотки, изображенные на таблицѣ III, фиг. 3 и 4. Оба они имѣютъ вполнѣ ту форму, въ которой дѣлаются въ настоящее время изъ желѣза орудія; подобнаго же рода если обитатели каменнаго вѣка не имѣли возможности ковать желѣзо, то, судя по этимъ молоткамъ, имъ все же приходилось вбивать гвозди, хотя бы и деревянные, а также и клинья. Оба молотка довольно сходны по формѣ съ нѣкоторыми же молотками, найденными въ Остроботніи, въ Финляндіи [2]). Въ то же

[2]) См. *Aspelin*, Antiquités du Nord Finno-Ougrien, I (Helsingfors. 1877), фф. 77 и отчасти 79; ср. тамъ же, ф. 16, молотокъ изъ Лифляндіи, сходный съ изображеннымъ у насъ въ ф. 3 на табл. III.

время молотокъ, представленный у насъ на фиг. 3, весьма близко подходитъ къ молотку, найденному мною на кладбищѣ каменнаго вѣка около села Фатьянова, въ Ярославской губерніи [3]), хотя въ частностяхъ есть небольшая разница, которая, впрочемъ, замѣтна и на обоихъ орудіяхъ, фиг. 3 и 4: у перваго отверстіе сдѣлано болѣе совершеннымъ способомъ, чѣмъ у втораго. Оба молотка найдены при устьяхъ Кинемы.

Въ заключеніе укажу еще на два довольно типичныя для Олонецкой губерніи и Финляндіи орудія, которыя также были добыты при устьяхъ Кинемы. Мнѣ кажется, что эти принадлежности каменнаго вѣка относятся къ разряду такихъ же орудій, какъ и настоящіе каменные молотки. Назначеніе этихъ орудій заключалось, по видимому, въ томъ, чтобы съ помощью ихъ обивать другія орудія, напримѣръ, кремневыя. Отверстія же у нихъ продѣлывались для того, чтобы такіе молотки было удобнѣе и крѣпче держать въ рукѣ. Самыя отверстія у этихъ двухъ орудій очень малы, между тѣмъ какъ передъ отверстіями сдѣланы большія коническія выемки. Если взять орудіе въ руку, обхвативъ его пальцами около самыхъ отверстій, то пальцы встрѣтятся и будутъ соприкасаться около этихъ отверстій; небольшая же дырка пробивалась собственно для того, чтобъ эти орудія можно было носить съ собою, прикрѣпляя ихъ ремнемъ къ поясу. Мнѣ кажется, что они служили именно молотками при обиваніи кремневыхъ орудій, потому что у изображеннаго на таблицѣ V, фиг. 1, на одномъ изъ концовъ замѣтны слѣды ударовъ и край немного избитъ. Это орудіе довольно толсто, почти овально; сдѣлано изъ крѣпкаго діорита. Второе орудіе, представленное на той же таблицѣ, фиг. 2, имѣетъ болѣе значительные размѣры, чѣмъ первое, но съ одной стороны оно плоское и только съ другой, видной на рисункѣ — выпуклое. Однако и его можно со всѣхъ сторонъ обхватить пальцами, помѣщая ихъ въ центръ или въ отверстіе орудія. Очень можетъ быть, что къ тому же роду орудій относится и двѣ принадлежности, найденныя одна—въ Остроботніи, а другая—въ Кіурувеси, также въ Финляндіи [4]).

---

[3]) Извѣстія Имп. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, т. XXXV. Антропол. Выставка 1879 г., т. III, стр. 190, фиг. 3.

[4]) См. *Aspelin*, Antiquités du Nord Finno-Ougrien, I, фф. 83 и 84. Впрочемъ

Касательно костяныхъ орудій нужно полагать, что они также были весьма распространены у жителей каменнаго вѣка Олонецкой губерніи. По крайней мѣрѣ я находилъ массу костей млекопитающихъ, на которыхъ были замѣтны слѣды рѣжущаго инструмента, видѣлъ и собралъ части трубчатыхъ костей, которыя казались явными костяными обрѣзками, происшедшими отъ выдѣлки костяныхъ орудій; особенно много было найдено такихъ обрѣзковъ при устьѣ рѣки Кинемы. Здѣсь же былъ найденъ и явный наконечникъ копья, сдѣланный изъ кости; онъ изображенъ на таблицѣ VIII, фиг. 1. Этотъ наконечникъ былъ найденъ на берегу озера, вмѣстѣ съ кремневыми орудіями; поэтому онъ нѣсколько обмытъ водой, и слѣды рѣжущаго инструмента, которымъ онъ обдѣлывался, значительно сглажены.

3.

Путь къ озеру Мошинскому изъ Каргополя.—Озеро Мошинское.—Воезеро и его окрестности.—Каменный вѣкъ около озера Мошинскаго.—Современное населеніе около озера Мошинскаго и Воезера.—Путь по р. Мошѣ къ р. Онегѣ.—Поѣздка на Кенозеро. — Естественное водное соединеніе Балтійскаго и Бѣломорскаго бассейновъ.—Озеро Муромское и преданія о Чуди.

4-го іюля вечеромъ меня тащила по такъ-называемому Шенкурскому тракту изъ Каргополя пара еле дышавшихъ отъ истощенія обывательскихъ лошадей. Отъ самой рѣки Онеги чайки и гагары сопровождали меня своимъ крикомъ; изрѣдка славки, отходя ко сну, подавали свой голосъ. Молча, по временамъ, кукушка пересѣкала мой путь, или козодой, съ своимъ таинственно-тихимъ полетомъ, показывался около дороги. Скоро низменный берегъ смѣнился торфяно-болотистою низменностью; дорогу справа и слѣва обступилъ лѣсъ, въ глубинѣ котораго ели поднимали свои головы высоко кверху, а на окраинахъ береза, осина и ива сплачи-

наиболѣе сходное съ нашими орудіе, изображенное на ф. 83, г. Аспелинъ считаетъ за грузило, а изображенное на ф. 84—за кольцо. Но ознакомившись съ каменными грузилами, которыя до сихъ поръ употребляются у Остяковъ въ низовьяхъ Оби, и привезя образчики таковыхъ съ собою, я думаю, что и такіе финляндскіе камни съ отверстіями слѣдуетъ отнести къ разряду первобытныхъ молотковъ.

вались густыми рощами; на окаймляющихъ изрѣдка дорогу безлѣсныхъ пространствахъ, поросшихъ сочною травой, выступала таволга (Spiraea Ulmaria), съ ея пышными и душистыми бѣлыми цвѣтами.

Верстъ за пять или за шесть отъ города лошади пошли медленнымъ шагомъ; никакія попытки ускорить ихъ ходъ не увѣнчивались успѣхомъ; такъ я двигался впередъ, между тѣмъ какъ однообразіе лѣсовъ часто нарушалось здѣсь хлѣбными полями, заборами около нихъ и деревнями. Здѣсь находится приходъ Большая Шалга; значительные посѣвы жителей были посѣщены во время лѣта градомъ, истребившимъ во многихъ мѣстахъ хлѣбъ до основанія. Верстахъ въ девятнадцати отъ города находится другой приходъ — Малая Шалга; въ немъ считается до 200 ревизскихъ душъ, при чемъ въ свободное отъ полевыхъ работъ время жители женщины и мужчины, заняты выдѣлкой деревянной посуды—ушатовъ, кадокъ, ведеръ, корытъ и проч. Лѣтомъ здѣсь собирается въ окрестныхъ болотахъ морошка; скупщики покупаютъ одинъ пудъ ея въ сыромъ видѣ отъ 80 к. до 1 р. 20 к.; въ Петербургѣ продаютъ тотъ же пудъ отъ 3 р. 50 к. до 4 р. Здѣсь же собирается черника и въ сухомъ видѣ везется въ Петербургъ.

Верстъ за 20 отсюда, по р. Волошѣ, мѣстность становится уже нѣсколько холмистою, и въ размывахъ рѣки показывается ледниковый наносъ, подобный находящемуся въ окрестностяхъ Каргополя; среди песку, пыли и глины являются здѣсь въ большомъ количествѣ большіе и малые куски известняка обмытые и угловатые, съ валунами изъ глинистаго сланца, гнейса, гранита и породъ зелено каменныхъ. Отъ Волоши къ озеру Нименскому или къ станціи Липовской тянется пустынная низменность: на протяженіи 27 верстъ она представляетъ только лѣса и ни одного жилья. Около станціи Липовской выступаютъ весьма значительные песчаные холмы, замѣтно господствующіе надъ низменностью. Еще рѣзче эти холмы обрисовываются верстъ на 10 далѣе, около Нименскаго прихода. Здѣсь, на протяженіи верстъ восьми, мы встрѣчаемъ какъ бы узелъ холмовъ; мѣстность, запруженная возвышеніями по всѣмъ направленіямъ, уподобляется своимъ видомъ горной странѣ. Холмы состоятъ изъ перемытаго ледниковаго наноса, главнымъ же образомъ изъ песковъ съ правильною или ложною слоеватостью.

Пески, достигая весьма большой мощности, кончаются, однако верстахъ въ шести отъ погоста, не переходя на другую сторону лежащаго здѣсь водораздѣльнаго хребта, на вершинахъ котораго является господствующимъ ледниковый наносъ и громадное количество валуновъ. Отсюда становится очевиднымъ, что пески составляютъ результатъ отложенія большаго водоема, заполнявшаго низменность, или еще вѣроятнѣе, что они отложились рядомъ озеръ, занимавшихъ холмистую мѣстность нынѣшняго Нименскаго прихода. Нѣсколько озеръ до сихъ поръ разстилаются въ глубокихъ впадинахъ между холмами; наибольшее изъ озеръ, лежащихъ по дорогѣ, Боровое, имѣетъ до 3 верстъ въ длину, представляетъ множество заливовъ, мысовъ и островковъ, и можетъ быть, служитъ остаткомъ отъ другихъ озеръ, нѣкогда шире здѣсь разливавшихся, но теперь исчезнувшихъ.

Среди указаннаго аллювіальнаго оазиса раскинуто населеніе Нименскаго прихода; всѣ холмы, съ довольно тощею почвою, перепаханы и засѣяны; жители, которыхъ считается до 200 ревизскихъ душъ, заняты также вывозкою лѣса на компанію Онежскаго лѣснаго торга; вывозятъ лѣсъ на протяженіи 1—7 верстъ до сплавныхъ рѣкъ и плавятъ по рѣкамъ до назначеннаго мѣста въ теченіе 1—2 недѣль. Занимаются также выгонкой смолы и дегтя; нерѣдко семейство въ зиму употребляетъ до 200 — 300 сажень бересты, при сильныхъ ограниченіяхъ лѣснаго вѣдомства; смола идетъ въ Вологодскую губернію. Осенью почти все мужское населеніе живетъ въ лѣсахъ, проводя время въ охотѣ на рябчика и бѣлку. Способъ охоты на бѣлку довольно оригинальный. За застрѣльщикомъ всегда ходитъ юноша или молодая дѣвица: это— такъ-называемые „подтомарники". Въ весьма древнія времена ихъ обязанность состояла въ сборѣ томаровъ, то-есть, стрѣлъ, которыми убивалась бѣлка [1]). Теперь же, когда огнестрѣльное оружіе получило полное гражданство, подтомарники, вмѣстѣ съ собаками, помогаютъ отыскивать охотнику бѣлокъ среди густыхъ древесныхъ вѣтвей.

---

[1]) Въ словарѣ мѣстныхъ олонецкихъ словъ, который приложенъ къ I-й части Причитаній Сѣвернаго края, собранныхъ *Е. В. Барсовымъ* (М. 1872) слово *томаръ* объясняется частнѣе—какъ стрѣла самострѣла.

Ред.

Отъ озера Нименскаго до р. Моши простирается волокъ въ 50 верстъ. Мѣстность здѣсь также отчасти холмистая; довольно часто дорога идетъ по пескамъ, уподобляющимся нѣсколько нименскимъ. Здѣсь нѣтъ никакого постояннаго населенія; волокъ изобилуетъ лѣсами; намъ встрѣчались даже лиственничныя рощи. Лиственница здѣсь стройна, высока, растетъ чаще всего по берегамъ ручьевъ и рѣчекъ. Среди глухихъ лѣсовъ, кромѣ рѣчекъ, часто бываютъ разбросаны небольшія озерки и болота. На нихъ по временамъ гнѣздятся гуси; въ глубинѣ же озерковъ, имѣющихъ торфяной характеръ, водится піявка медицинская, добываемая крестьянами и употребляемая при лѣченіи.

Вообще вся мѣстность до Мòши отличается дикимъ характеромъ. Подъ Мòшей здѣсь разумѣютъ рѣку Мошу и озеро Мошинское, вмѣстѣ съ живущимъ здѣсь населеніемъ. Озеро Мошинское имѣетъ до 10 верстъ въ длину при ширинѣ не больше одной версты; притомъ оно представляетъ весьма значительную глубину по сравненію, напримѣръ, съ Лачозеромъ. Глубина въ семь маховыхъ саженъ въ немъ обыкновенна; но встрѣчаются въ немъ ямы и въ 10—15 маховыхъ саженъ глубиной. Дно его даже на большихъ глубинахъ песчаное или иловатое; на меньшихъ оно заростаетъ травой, камышемъ, ситникомъ и водянымъ полигономъ (шольга). Въ такихъ мѣстахъ оно изобилуетъ раковинами изъ родовъ *Anodonta* и *Unio*; заливы его кишатъ ракообразными изъ рода Gammarus; на значительныхъ глубинахъ рачки встрѣчались рѣдко. Вмѣстѣ съ губами или заливами озеро представляетъ множество острововъ, которые, какъ и всѣ берега озера, высоки и состоятъ изъ новѣйшихъ отложеній. Это—главнымъ образомъ пески, обыкновенно слоистые или переходящіе въ сыпучіе, благодаря вѣтрамъ, разливамъ воды и размыванію. Пески составляютъ несомнѣнно продуктъ образованія самого Мошинскаго озера и занимаютъ весьма значительную площадь въ окрестностяхъ; мѣстные жители, нуждаясь въ валунахъ для нагрѣванія пойла и сѣчки скоту, привозятъ ихъ изъ мѣстностей, отстоящихъ отъ озера верстъ на 15, у себя же въ окрестностяхъ они находятъ только чистые пески, безъ валуновъ. Значительная мощность песковъ—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они лежатъ слоями саженъ на 6 и болѣе надъ уровнемъ современныхъ водъ,—а также широкое ихъ распространеніе слу-

жать, можетъ быть, доказательствомъ, что Мошинское озеро нѣкогда шире распространялось, нежели въ настоящее время.

Такимъ же физико-географическимъ характеромъ отличается Воезеро, лежащее верстъ на 10 выше Мошинскаго и дающее въ него рѣчку Воезерку. Воезеро простирается въ длину только на 5 верстъ, а въ ширину не больше какъ на 3/4 версты. Занимаетъ оно весьма глубокую впадину между довольно высокими долинами, состоящими во многихъ случаяхъ также изъ слоистыхъ новѣйшихъ песковъ. Какъ на сухихъ окрестностяхъ озера, такъ и на днѣ его, замѣчается много неровностей; какъ въ окрестныхъ холмахъ промыто много крутыхъ овраговъ, такъ и на днѣ озера встрѣчаются вмѣстѣ съ отмелями кое-гдѣ глубокія ямы. Противъ такъ-называемаго Шубина острова мнѣ приходилось наблюдать измѣненіе глубины отъ 3 маховыхъ саженъ до 7 на самомъ ничтожномъ разстояніи, и мнѣ показалось совершенно неожиданнымъ, когда здѣсь же, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ семисаженной глубины, драга моя опустилась на глубину 13 саженъ. По разказамъ жителей, въ озерѣ есть глубина, уходящая за 25—30 саженъ, что и нельзя считать невѣроятнымъ. Почва въ озерѣ представляетъ переходы отъ песчаной къ иловатой и грязной, содержащей въ себѣ органическія остатки. Здѣсь, на Воезерѣ, какъ и на Мошинскомъ озерѣ, неровности дна значительно препятствуютъ успѣху рыболовства посредствомъ невода, хотя рыба въ изобиліи держится на глубокихъ мѣстахъ. Въ обоихъ озерахъ водятся преимущественно карповыя рыбы, также ерши и окуни, щуки, налимъ и корюшка. Лососевыя сюда мало заходятъ; въ Мошинскомъ въ небольшомъ количествѣ встрѣчаются сиги, и въ рѣдкихъ случаяхъ, заходитъ сюда отдѣльными особями нельма.

Въ Воезеро впадаетъ рѣчка Еменга; верстахъ въ 5-ти отъ ея устья, вверхъ по теченію, въ ея долинѣ лежитъ сѣрнистый источникъ, содержащій въ себѣ поваренную соль. По разказамъ старожиловъ, соль вываривалась здѣсь въ весьма древнія времена, потомъ выварка была заброшена и хотя возобновлялась въ послѣднее время, но безъ успѣха, такъ какъ принявшіеся за солевареніе не умѣли очищать соли. Вода находится въ трубѣ, которая прежде была весьма высока, но теперь засорена и забросана камнями; колодезь остается чистымъ только до глубины 2 саженъ. Температура

воды на поверхности колодца, когда она стоитъ въ покоѣ, доходитъ до $+3,9^0$ R; если же воду въ колодцѣ взболтать, то температура ея понижается до $+3,2^0$ R. Такого же рода источникъ, съ сильнымъ сѣрнистымъ запахомъ, я наблюдалъ около Хотеновскаго погоста, на южномъ берегу Лачозера. Здѣсь источникъ, выходя на поверхность, бьетъ ключемъ постоянно, наполняя водой естественно образовавшійся резервуаръ; температура воды въ немъ, по сдѣланнымъ мною въ два различные дня наблюденіямъ, оставалась постоянною $+4^0$ R. Такимъ образомъ температура двухъ осмотрѣнныхъ мною источниковъ почти одинакова и весьма не много разнится отъ температуры подобныхъ же источниковъ въ Вологодской губерніи, по наблюденіямъ Барбота-де-Марни [1]). Признаки источниковъ, подобныхъ вышеописаннымъ, найдены мною внизъ по теченію р. Моши около селенія Шалекушки.

На другой изъ рѣчекъ, текущихъ къ Воезеру съ востока, мнѣ удалось осмотрѣть и взять образчики алебастра. Эта порода верстахъ въ 5 отъ Воезера, по рѣчкѣ Канакшѣ, имѣетъ нѣсколько выходовъ; изъ-подъ толщи новѣйшихъ песковъ алебастръ выходитъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ большими гнѣздами, при чемъ, подмываемый водой, онъ образуетъ нѣчто въ родѣ скалъ. Мѣстные жители, по мѣрѣ надобности, ломаютъ эту породу и везутъ для продажи въ Каргополь и Вытегру.

Окрестности двухъ описанныхъ выше озеръ заселились видимо въ весьма отдаленныя отъ насъ времена. Какъ и на Лачозерѣ, здѣсь, въ растительномъ слоѣ сохранились остатки каменнаго вѣка, глиняная посуда въ обломкахъ, стрѣлы, кремневые топоры, копья и т. д. До-историческіе обитатели селились прежде всего около озеръ, а здѣсь охотнѣе всего становали на островахъ. Островъ Кладовецъ на Мошинскомъ озерѣ представляетъ тому доказательство: это островъ небольшой, песчаный, нынѣ не имѣющій населенія. Остатки каменнаго вѣка сохранились на немъ въ растительномъ слоѣ, на глубинѣ 0,2 метра. Этотъ слой лежитъ на пескѣ, имѣетъ иловатый характеръ и едва окрашенъ органическими веществами въ сѣрый цвѣтъ. Видимо, что прежде чѣмъ поселились здѣсь до-историческіе обитатели, послѣ ледниковаго періода протекъ длин-

---

[1]) Геогност. путешествіе въ сѣверныя губерніи Европ. Россіи, стр. 21.

ный періодъ времени, когда должны были образоваться толщи мѣстныхъ песковъ, составляющихъ островъ и берега. Или, иначе сказать, слои почвы, содержащіе въ себѣ орудія, асологически весьма молоды: заключеніе, къ которому можно прійдти и съ другой стороны, именно, если взять во вниманіе присутствіе остатковъ каменнаго вѣка на различныхъ высотахъ, какъ-то: на Лачозерѣ, на рѣкѣ Волошѣ и среди песковъ у Нименскаго прихода, почти на водораздѣлѣ между рѣками, текущими въ Волошу и въ Мошу. Отсюда мы можемъ видѣть, что воды во времена до-историческаго населенія были въ такой же степени обособлены, какъ и теперь, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ мы имѣемъ уже нѣкоторыя данныя предполагать, что современные озерные бассейны нѣкогда разстилались шире.

Оставляя пока въ сторонѣ исчезнувшихъ жителей, обращусь къ современному населенію; все оно также сгруппировалось около озеръ. По берегамъ одного Мошинскаго озера расположено до 77 деревень; изъ нихъ только 8 селеній не стоятъ непосредственно у озера; 3 деревни лежатъ около сосѣдняго Модзера, 5—при р. Иксѣ. Почти въ такой же степени изобилуетъ деревнями Воезеро. На обоихъ озерахъ находится по церкви, и жители раздѣляются такимъ образомъ на два прихода, при чемъ въ бóльшемъ изъ нихъ, въ Мошинскомъ, считается 1,305 душъ мужскаго пола. Зачатки здѣшнихъ поселеній относятся, кажется, къ довольно далекому прошлому [1]; жители, внесши сюда значительную долю

[1]) Дѣйствительно, заселеніе береговъ р. Моши и Мошинскаго озера восходитъ къ довольно отдаленному времени: уже въ первой половинѣ XII вѣка, въ уставѣ Новгородскаго князя Святослава Ольговича 1137 г. (Русскія Достопамятности. М. 1815, стр. 83—84), упоминается *Волокъ въ Моши*, то-есть, какъ—по видимому—надобно понимать, въ Мошинской волости (ср. выше въ текстѣ, стр. 41, описаніе лѣсистаго волока между оз. Нименскимъ и р. Мошей), и *Иванъ-погостъ*, который, по мнѣнію г. Огородникова (Списокъ насел. мѣстъ Олонецкой губерніи, предисловіе, стр. LV), можетъ быть пріуроченъ къ дер. *Ивановской* на озерѣ Мошѣ, въ 123½ верстахъ отъ г. Каргополя (въ Спискѣ № 2107). По теченію Моши расположены погосты *Мошинскій*, при истокѣ рѣки изъ озера на островѣ, съ 2 церквами и торжкомъ (въ Спискѣ № 2146), *Шалекушскій*, также съ 2 церквами (№ 2008), и *Устьмошскій*, при впаденіи Моши въ Онегу, съ 3 церквами и 3 торжками (№ 1785). Это также должны быть поселенія старинныя. Мошинская волость упоминается въ актахъ XVI и XVII вѣковъ. *Ред.*

древне-славянскихъ элементовъ и живя въ сторонѣ отъ большихъ трактовъ, частію въ обычаяхъ, частію въ преданіяхъ сохранили многіе изъ нихъ. Примѣръ можно видѣть на слѣдующемъ: Во время лѣта жители празднуютъ праздникъ Ильѣ Пророку въ часовнѣ, стоящей на Ильинскомъ мысу, на озерѣ Мошинскомъ. По ихъ разказамъ, во времена глубокой древности или „въ старину" приходилъ сюда олень, какъ разъ къ тому времени, когда начиналась обѣдня въ Ильинъ день. Старики закалывали его, варили въ котлахъ его мясо и послѣ обѣдни съѣдали всѣмъ міромъ. Такое чудесное появленіе оленя происходило каждый годъ въ Ильинъ день, въ опредѣленный часъ. Но однажды въ этотъ день жители ждали, ждали оленя, началась обѣдня, кончилась, оленя все нѣтъ; тогда старики положили „освѣжить" вмѣсто оленя этотъ бычка; привели его, перерѣзали горло и тогда только увидали, что запоздавшій олень несется къ нимъ изъ всѣхъ силъ, чтобы дать имъ пищу для общаго обѣда. Но когда олень увидалъ, что вмѣсто него принесено въ жертву другое животное, то сложилъ на спину свои рога и исчезъ снова въ глухомъ лѣсу; съ этого времени олень больше никогда не появляется на праздникъ къ Ильину дню. Но населеніе здѣшнее, по примѣру стариковъ, до сихъ поръ продолжаетъ свѣжевать быковъ или овецъ въ указанный день.

Въ самомъ дѣлѣ, сущность вспоминаемаго въ этомъ преданіи обычая весьма напоминаетъ ту картину, которую рисуетъ намъ одна древняя русская пѣсня: въ ней говорится о томъ, какъ стоятъ въ лѣсу скамьи дубовыя, на которыхъ сидятъ добрые молодцы а среди ихъ старикъ точитъ ножъ булатный, чтобы зарѣзать жертву—козла; тутъ же горятъ огни горючіе, кипятъ котлы кипучіе, чтобы сварить эту жертву [1]. То же самое и до сихъ поръ происходитъ на Мошѣ: къ Ильину дню сгоняется къ часовнѣ множество быковъ, овецъ и т. д. Только часть этихъ животныхъ приносится въ жертву; остальное, излишнее продается. Передъ обѣдней и во время нея животныя „свѣжуются": убиваются и разрѣзываются на куски; среди пылающихъ костровъ кипятъ котлы, и въ нихъ кладется мясо животныхъ. Послѣ службы начинается ѣда, сопровождаемая рядомъ разныхъ

[1]) *Костомаровъ*, Славянская миѳологія, стр. 100—101.

дикихъ выходокъ и порывовъ. Всякій изъ жителей долженъ непремѣнно воспользоваться хотя ничтожнымъ кусочкомъ отъ приносимой жертвы: иначе онъ рискуетъ лишиться своего стада, овцы или коровы—отъ волковъ или медвѣдя, или же долженъ потерпѣть другое неблагополучіе въ семьѣ или въ домѣ. Отсюда схватки изъ-за куска мяса или изъ-за обглоданной кости; жители другъ у друга изъ рукъ и даже изо рта, иногда вмѣстѣ съ губами, вырываютъ завѣтный кусокъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ добыть себѣ благополучіе. Говорятъ, что особенною яростью отличаются схватки при такихъ обстоятельствахъ въ Канакшѣ, на востокѣ отъ Воезера.

Не вездѣ однако этотъ обрядъ совершается въ Ильинъ день, и не вездѣ въ объясненіи его прежняго значенія играетъ роль олень. Въ д. Задней Дубровкѣ, на р. Онегѣ, этотъ обычай соблюдается въ Успенье, и жители говорятъ тутъ, что къ нимъ сначала прилеталъ на этотъ праздникъ лебедь, который потомъ исчезъ такимъ же образомъ, какъ и олень; теперь вмѣсто лебедя жители съѣдаютъ въ праздникъ уже овецъ. Интересенъ также обычай, замѣченный мною потомъ на Кенозерѣ: жители ставятъ на божницы къ образамъ печеный хлѣбъ, какъ жертву.

Въ объясненіи назначенія нѣкоторыхъ принадлежностей каменнаго вѣка приходится иногда становиться въ затрудненіе; и опять-таки на Мошѣ мы можемъ иногда найдти ключъ къ разгадкѣ. Какую, напримѣръ, могъ играть роль коготь медвѣдя или его зубъ, или же зубъ льва? Въ подобнаго рода предметахъ жители Моши и окрестностей видятъ нѣчто сверхестественное. Пастухъ не выгонитъ стада въ лѣсъ безъ „отпуска", то-есть, безъ воска, на который знахарь нашепталъ разныя заклинанія, для предохраненія стада отъ хищныхъ звѣрей. Но отпускъ, состоящій не изъ воска, а изъ части какого-либо хищнаго животнаго, особенно льва, царя звѣрей, котораго жители знаютъ, конечно, только по имени, считается самымъ дѣйствительнымъ; съ отпускомъ въ видѣ есть когтя или зуба хищника пастухъ со своимъ стадомъ среди самаго глухаго лѣса считаетъ себя безопаснымъ, какъ дома [1]).

---

[1]) Ср. пастушескій заговоръ изъ Архангельской губерніи, въ которомъ упоминается „коготь лева-звѣря", въ сборникѣ великорусскихъ заклинаній, помѣщенномъ въ т. II Записокъ по Отд. Этногр., стр. 539, № 286. *Ред.*

Видъ на окрестности озеръ Мошинскаго и Воезера свидѣтельствуетъ о трудолюбіи жителей; все пространство вокругъ перваго изъ озеръ, на протяженіи верстъ 20 въ окружности и версты на 2—3 въ ширину, воздѣлано и перепахано; это уже совершенно безлѣсное мѣсто; рядомъ съ пашнями здѣсь разстилаются луга и выгоны. То же можно видѣть и около Воезера. Но, кромѣ этихъ мѣстностей, жители имѣютъ большое количество расчищенныхъ подъ покосы и пашни мѣстностей далеко въ лѣсахъ, по берегамъ озеръ, ручьевъ и рѣчекъ. Если во многихъ другихъ мѣстахъ Олонецкой губерніи приходится слышать, что все, что̀ расчищено, распахано, есть дѣло стариковъ, то здѣсь и до сихъ поръ идетъ работа того же рода. По рѣкѣ Мошѣ, внизъ по теченію верстъ на 60 тянутся мошинскія „чащи", на которыхъ собирается весьма обильный запасъ сѣна. Кромѣ р. Моши, покосы здѣшнихъ жителей лежатъ и по всѣмъ остальнымъ рѣкамъ въ окрестностяхъ. Покосы находятся часто за 30—40 верстъ отъ жилья, въ суземкахъ. Можетъ быть, благодаря изобилію сѣна, здѣсь сравнительное довольство въ скотѣ; наиболѣе богатые держатъ до 10—20 штукъ рогатаго скота, штукъ по 5 рабочихъ лошадей; съ мелкимъ скотомъ, съ овцами нѣкоторые держатъ до 40—50 штукъ скота. Количество овецъ на хозяйство доходитъ до 5—15 штукъ. Благодаря скоту, и урожаи здѣсь выше, чѣмъ гдѣ-либо; обыкновенно жители довольствуются и даже продаютъ свой хлѣбъ. Но среди довольныхъ и состоятельныхъ есть семьи безъ лошадей; есть и такія деревни, въ которыхъ половина жителей не имѣетъ ни коня, ни коровы, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по Воезеру.

Отхожіе промыслы здѣсь сильно развиты и нерѣдко служатъ къ обогащенію такъ-называемыхъ десятниковъ и къ разоренію жителей, уходящихъ на чужбину. Почти то же можно сказать и о сплавѣ и рубкѣ лѣсовъ. Въ продолженіе зимы на Мошѣ замѣтно сильное торговое движеніе. Наиболѣе состоятельные изъ мѣстныхъ жителей ѣздятъ въ Поморье, къ Онегѣ, и закупая здѣсь сельдей, везутъ ихъ на свое пропитаніе и на продажу въ свой край, или на разныя ярмарки. Ѣздятъ также въ Архангельскъ, гдѣ закупаютъ соленую треску; вмѣстѣ съ тѣмъ берутъ здѣсь оленью шерсть, и привозя ее домой, только весной везутъ ее къ Вытегрѣ, а отсюда на судахъ въ Петербургъ. Другіе изъ жителей

подряжаются для возки кладей изъ Архангельска и Онеги къ Петербургу и другимъ мѣстамъ. Во то же время изъ Каргополя пріѣзжаютъ сюда скупщики масла, дичи, звѣря, кожъ, ягодъ и даже мяса. Скотъ здѣшній часто гоняется на ярмарки въ Вологодскую губернію. Во время зимы по Мошѣ движутся ежедневно десятки возовъ съ разною кладью. А на ярмаркахъ, напримѣръ, около Вельска, собирается до 500 возовъ съ одною сельдью.

Мое пребываніе на здѣшнихъ озерахъ не было вполнѣ удобнымъ, такъ какъ была самая горячая пора работы — сѣнокосъ. Деревни представлялись пустынными; въ нихъ рѣдко показывались даже старые люди; старики и старухи лѣтъ 70 — 80 собирали сѣно; только зеленая юность наполняла деревни, только грудные младенцы да дѣвочки и мальчики лѣтъ до 8. Старшіе иногда безвыходно живутъ въ будни и въ праздники въ лѣсахъ на сѣнокосахъ. Въ деревняхъ, въ жильѣ мнѣ пришлось замѣчать чрезвычайную неопрятность. Избы здѣсь никогда или весьма рѣдко моются. Иногда богачи живутъ въ полуразваленныхъ лачугахъ, ходятъ не иначе, какъ въ лаптяхъ. Самовары, чай и кофе здѣсь еще мало извѣстны. Во время большихъ праздниковъ жители забавляются пивомъ собственнаго приготовленія.

15-го іюля я оставилъ Мошинское озеро и направился внизъ по теченію рѣки Моши къ берегамъ Онеги. Рѣка Моша течетъ на протяженіи около 110 верстъ. По своему теченію она успѣла отложить въ своей долинѣ громадныя толщи песку. На всемъ протяженіи русло ея углублено въ наносъ сажени на три. Не смотря на то, весной вода въ ней поднимается далеко выше береговъ и заливаетъ въ ту и другую сторону отъ обыкновеннаго русла на нѣсколько верстъ пространства; благодаря этому, она и представляетъ въ своей долинѣ прекраснѣйшіе зеленые луга, которые первоначально находились подъ лѣсомъ. Урожай сѣна въ 1873 году былъ здѣсь особенно изобиленъ. Но, благодаря сильнымъ разливамъ рѣки, долина Моши остается на большомъ протяженіи пустынною. Верстахъ въ 15 отъ истока на ней расположено значительное селеніе—Орьма; другое поселеніе Шалекушка находится отсюда на разстояніи 60 верстъ. Здѣшніе жители не находятъ особенно удобными окрестности своихъ поселеній. Орьма находится теперь версты на $1^1/_2$ выше, чѣмъ она была первоначально; навод-

ненія заставили ее подвинуться выше. Шалекушка и донынѣ подвергается наводненіямъ: весной заливаются пашни и потопляются дома.

Видъ долины р. Моши, не смотря на свою пустынность, живописенъ; высокіе лѣса перемежаются здѣсь съ лиственнымъ мелколѣсьемъ, съ осинникомъ, березнякомъ, ивами, также съ кустарниками изъ малины, смородины, розы, жимолости. Мнѣ удалось замѣтить во время проѣзда нѣсколько деревьевъ вяза. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ рѣки, рядомъ съ лѣсистыми суземками, идутъ обширныя моховыя болота, покрытыя морошкой; на нихъ гнѣздятся по временамъ гуси и лебеди, отчасти бродитъ сѣверный олень. На суземкахъ по рѣкамъ и небольшимъ озерамъ уединились отдѣльные приходы—Лепша съ одной стороны, и Лельма—съ другой. Въ нихъ пашня и звѣриный промыселъ составляютъ преобладающія занятія.

Моя ѣзда по рѣкѣ была довольно медленна, въ вертлявой и узкой лодочкѣ. Моша имѣетъ слабое теченіе; во многихъ мѣстахъ она образуетъ омуты, глубиною до 7 сажень, и представляетъ многочисленные изгибы. Только около Шалекушки изъ-подъ ея мощныхъ толщъ аллювія показываются ледниковыя образованія съ валунами. При пересѣченіи ихъ, въ рѣкѣ появляются быстрины и небольшіе пороги. Но затѣмъ она снова становится тихою, съ медленнымъ теченіемъ до устья, гдѣ въ ней появляются также быстрины.

Ознакомившись нѣсколько съ остатками каменнаго вѣка около Шалекушки, я направился на Усть-Мошу: названіе, подъ которымъ извѣстны селенія при устьѣ Моши. Отсюда я почтовымъ трактомъ добрался сначала до Конева и селенія Задней Дубравы, а потомъ до погоста Архангельскаго на р. Онегѣ, въ 50 верстахъ отъ Каргополя.

Съ погоста Архангельскаго мнѣ оставалось выполнить еще одну задачу—побывать на Кенозерѣ, въ тѣхъ частяхъ, гдѣ мнѣ не удалось быть въ мою поѣздку 1871 года. Поѣздку на Кенозеро, пріятную для меня по результатамъ, я совершилъ въ нѣсколько дней. Такъ какъ уже въ описаніи первой своей поѣздки я касался Кенозера, то здѣсь сообщу только краткія о немъ свѣдѣнія. Я былъ въ мѣстахъ, не осмотрѣнныхъ мною раньше. Съ помощью драги я убѣдился, что во многихъ мѣстахъ озеро представляетъ большую глубину. Между селеніемъ Рянусовымъ и погостомъ, про-

тивъ деревни Телициной, моя драга опускалась на 20 саженъ, принося мнѣ песчаную почву, съ примѣсью органическихъ остатковъ. Какъ на болѣе глубокое мѣсто, жители указывали мнѣ на проливъ между Медвѣжьимъ островомъ и материкомъ со стороны дер. Рянусовой. По разказамъ, здѣсь есть глубина за 40—50 саженъ. Но изслѣдовать этого мѣста я не могъ, а былъ на другомъ, не менѣе замѣчательномъ. Это—около острова Пормскаго, въ такъ-называемой Сударской лахтѣ; драга, пущенная здѣсь на веревкѣ въ 30 саженъ, не хватила дна; между тѣмъ нѣсколько дальше оставалось мѣсто еще болѣе глубокое. На основаніи нѣкоторыхъ, случайно сдѣланныхъ опытовъ, жители говорятъ, что глубина здѣсь не меньше 50 саженъ. Здѣсь-то мнѣ удалось добыть два весьма интересные вида ракообразныхъ.

Какъ на самомъ островѣ Пормскомъ, такъ и на материкѣ, при устьѣ р. Пормы, я собралъ снова коллекцію разнообразныхъ каменныхъ орудій; остатки поселенія и орудія добыты были мною съ устья Ровдручья, верстахъ въ 2 отъ Першлахты, при истокѣ р. Кены изъ озера.

Оставивъ Кенозеро, я по другой дорогѣ возвратился въ Архангельскій погостъ, въ окрестностяхъ котораго, на берегахъ р. Онеги, а также и ниже, около Троицкаго погоста, наблюдалъ двойныя береговыя террасы. Долина Онеги, на всемъ осмотрѣнномъ мною протяженіи, весьма населена, и не смотря на довольно тощую почву, изобилующую валунами, воздѣлана. Многіе холмы совершенно очищены отъ лѣса, перепаханы или оставлены уже на отдыхъ. Среди такихъ мѣстъ мнѣ часто встрѣчался соколъ-чеглокъ (*Falco vespertinus*); по вечерамъ онъ показывался даже стаями въ 10—15 штукъ, носясь надъ полями и отдыхая на телеграфныхъ столбахъ. Эта картина напоминала отчасти даже южную Россію.

Кончивъ осмотръ здѣшнихъ озеръ, я долженъ былъ быстро спѣшить черезъ Каргополь и Пудожъ на восточный берегъ Онежскаго озера. Какъ около самаго Каргополя по Онегѣ, такъ и между Пудожемъ и Каргополемъ около Колодозера, была встрѣчена мною лиственница, отдѣльными насажденіями или рощами. Объ одномъ лиственничномъ деревѣ, отдѣльно растущемъ въ лѣсу, около Тудозерскаго погоста, въ окрестностяхъ Вытегры, мнѣ разказывали крестьяне еще въ поѣздку 1871 года. Пространство между Карго-

полемъ и Пудожемъ интересно по находящемуся здѣсь водораздѣлу. Не входя однако въ подробности объ этомъ предметѣ упомяну только о естественныхъ сообщеніяхъ, существующихъ между двумя бассейнами—Балтійскимъ и Бѣломорскимъ. Верстахъ въ 15 къ югу отъ Лекшмозера существуетъ небольшое озеро Сухое; оно даетъ изъ себя два ручья, одинъ къ водамъ Лачозера, а другой—къ Колодезеру. То же самое, говорятъ, представляется и къ сѣверу отъ Лекшмозера, около деревни Масельги. Здѣсь лежатъ два озера весьма близко другъ отъ друга; оба они даютъ по источнику: одинъ — въ Балтійскій, другой — въ Бѣломорскій бассейнъ; въ настоящее время между озерами сдѣлался прорывъ отъ весеннихъ водъ, и они соединились проливомъ, вмѣстѣ съ чѣмъ соединились и бассейны [1]). Если возможность къ сплетенію въ источникахъ, принадлежащихъ къ двумъ различнымъ бассейнамъ, существуетъ, то это—по неопредѣленности водораздѣла, можетъ быть, по его постепеннымъ склонамъ въ ту и другую сторону, по его незначительному паденію, наконецъ, по отсутствію рѣзко выраженныхъ въ томъ или въ другомъ направленіи хребтовъ. Водораздѣльныя высоты скорѣе представляютъ группу холмовъ, которые наиболѣе ясно выступаютъ уже въ самомъ Балтійскомъ бассейнѣ, около Колодозера.

Заключу свой очеркъ указаніемъ на Мурмское или Муромское озеро. Оно лежитъ у восточнаго берега Онежскаго озера, къ югу отъ р. Водлы и къ сѣверу отъ р. Андомы. Я ѣздилъ на него со станціи Гакуксы, такъ называемой по рѣкѣ того же имени, впадающей въ это озеро. Рѣка Гакукса на протяженіи 10 верстъ отъ станціи до своего устья представляетъ болотистый характеръ; берега ея низменны, зыбучи, покрыты осокой, мелкимъ березнякомъ и сосной; характеръ ея, слѣдовательно, тотъ же, что и рѣки Вытегры. Вся эта область болотъ по Гакуксѣ была, вѣроятно, занята нѣкогда водами Онежскаго озера, а сухія возвышенія около станціи составляли может быть, берегъ озера, такъ какъ здѣсь встрѣчаются по временамъ и пески. Муромское озеро имѣетъ тотъ же характеръ, что и другія озера, лежащія около Онеги, и вѣроятно, составляло нѣкогда часть послѣдняго. Оно представляетъ слѣды суживанія и

[1]) На новой картѣ военно-топографическаго отдѣла не показано однако возможности къ такому явленію.

заростанія торфомъ, какъ это я раньше наблюдалъ на озерахъ Великомъ и Мегорскомъ. Отдѣляется оно отъ Онеги такимъ же песчанымъ валомъ (кендой), какъ и другія озера. Руководимый указаніемъ основателя Муромскаго монастыря, Лазаря Муромскаго (второй половины XIV вѣка), на обитавшихъ здѣсь въ его время „Лопь и Чудь, страшныхъ сыроядцевъ", я старался разыскать какія-либо принадлежности быта, которыя могли бы остаться послѣ нихъ. И дѣйствительно, около монастыря, при устьѣ рѣчки, выходящей изъ Муромскаго озера, мнѣ удалось найдти обломки глиняной посуды и кремешки, обдѣланные рукой человѣка. Эти остатки были совершенно сходны съ тѣми, какіе найдены мною на Тудозерѣ, среди тѣхъ же географическихъ условій, какъ и здѣсь. Другихъ какихъ бы то ни было остатковъ не было и слѣда. Отсюда можно прійдти къ заключенію, что обломки глиняной посуды и кремни принадлежали тому народу, на который указываетъ Лазарь. Отъ того же Лазаря дошло до насъ положительное указаніе, что и на Рондозерѣ, на 15 верстъ южнѣе Муромскаго, жили въ его время „Лопь и Самоядь" со своимъ старшиной [1]). Преданіе указываетъ, что эти обитатели придерживались песчанаго вала (кенды), около же самаго Рондозера жить не было возможности, такъ какъ берега его болотисты. Итакъ, съ одной стороны указаніе, что въ данныхъ условіяхъ, на извѣстномъ мѣстѣ, жилъ народъ, а съ другой—нахожденіе среди такихъ условій остатковъ иного быта, заставляютъ уже связать тѣсно этотъ народъ и остатки. Отсюда вытекаетъ нѣкоторая вѣроятность предположенію, что представители каменнаго вѣка были застигнуты на сѣверѣ первыми русскими поселенцами. Къ тому же заключенію привели меня и данныя, касающіяся Кенозера. Здѣсь жители деревни Першлахты указывали мнѣ на Ровдручей, отличающійся изобиліемъ остатковъ каменнаго вѣка, какъ на мѣсто, гдѣ жила „Чудь", и говорили, что будто бы старики еще застали

[1]) Преп. Лазарь Мурмскій или Муромскій, проповѣдывавшій христіанскую вѣру Лопарямъ, жившимъ по восточному побережью Онежскаго озера, оставилъ завѣщаніе, написанное съ его словъ духовнымъ другомъ его Ѳеодосіемъ; въ этомъ завѣщаніи разказывается жизнь Лазаря, и между прочимъ упоминается о Чуди, Лопи и Самояди, которыхъ онъ нашелъ на Мурмѣ и Рондѣ (см. архіеп. Черниговскаго *Филарета:* Русскіе святые, мѣс. мартъ, стр. 54—66, и *Е. В. Барсова:* „Обонежскіе пустынножители" въ Олон. Губ. Вѣдомостяхъ 1867 г., № 43). *Ред.*

ее; жители и до сихъ поръ продолжаютъ пугать дѣтей, что-де „Чудь сваритъ въ котлѣ". То же указаніе на нѣкоторую неопредѣленную связь Чуди съ остатками каменнаго вѣка я слышалъ въ селеніи Шалевушкѣ, а также въ самомъ Мошинскомъ приходѣ, хотя здѣсь Чудь отожествляется съ „панами" [1]). Все это, впрочемъ, мало объясняетъ въ концѣ концовъ вопросъ о томъ, что̀ такое Чудь? Въ этомъ отношеніи будетъ весьма полезна собранная мною коллекція: въ случаѣ если прійдется признать жителей каменнаго вѣка Олонецкой губерніи за Чудское (Финское) племя, то на основаніи собраннаго мною матеріала будетъ неизбѣжно многое измѣнить касательно исторіи и развитія этого племени, и притомъ многіе вопросы возможно будетъ поставить яснѣе и опредѣленнѣе [2]). Здѣсь же, кстати, я долженъ прибавить, что высказанное мною прежде мнѣніе о совершенномъ изчезновеніи Финскаго племени изъ уѣздовъ Вытегорскаго и Каргопольскаго [3]) не совсѣмъ основательно: мнѣ сообщили, что въ южныхъ частяхъ Вытегорскаго уѣзда, около одного изъ здѣшнихъ озеръ, въ вершинахъ Мегры, есть приходъ, состоящій изъ 150 душъ, съ населеніемъ финскаго происхожденія: эти жители называются Чудью; они говорятъ на финскомъ нарѣчіи. Такая же Чудь живетъ и въ Лодейно-

---

[1]) Воспоминаніе о „панахъ" можетъ имѣть и нѣкоторое реальное историческое значеніе для Мошинскаго края, хотя, разумѣется, безъ отношенія къ каменному періоду. Въ челобитной Каргопольскихъ волостей, поданной царю Михаилу Ѳеодоровичу въ февралѣ 1615 года, именно читаемъ, что въ 1614 году воровскіе люди, Татары, Черкасы и Литва „шли по волостемъ на Онегу рѣку въ Троецкую волость и стояли .... въ Усть-мошскомъ стану пять недѣль, и ходили въ Мошенскую волость и на Вагу, изъ Важскаго уѣзду прошли назадъ въ тоежь въ Устмошскую волость и внизъ по Онегѣ рѣку, въ Турчасово и къ морю", производя повсюду разореніе (Акты Археогр. Экспедиціи, III, 101). Ср. впрочемъ объясненіе названія кургановъ *паны, панки, пановы могилы* изъ финскихъ языковъ, предложенное А. И. Кельсіевымъ и В. Н. Майновымъ (Изв. общ. люб. естествозн., антропол. и этногр., т. XXXV. Антропол. Выставка, III, стр. 63).

Ред.

[2]) Ср. Зап. по Отд. Этногр., III, 374, текстъ и примѣчанія, гдѣ указаны старинныя мѣстныя извѣстія о томъ, что аборигены Обонежья употребляли каменныя орудія; см. также статью *Е. В. Барсова* „Объ Олонецкихъ древностяхъ" въ изданіи Моск. Археол. Общ. Древности, т. VIII, вып. 3, стр. 220.

Ред.

[3]) Записки по Отдѣленію Этнографіи, т. III, стр. 337.

польскомъ уѣздѣ на Шимозерѣ и въ его окрестностяхъ. Ведутъ эти жители жизнь земледѣльческую. Нѣкоторые признаки подобнаго населенія есть и въ Каргопольскомъ уѣздѣ, въ селеніи Раменьѣ, на востокъ отъ Лачозера. Всѣ эти мѣстности находятся въ сторонѣ отъ всякихъ трактовъ, въ совершенной лѣсной глуши [1]).

Съ Муромскаго озера я чрезъ Вытегру и Ошту проѣхалъ въ Петрозаводскъ и оттуда возвратился въ Петербургъ.

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о Чуди, обитающей въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Олонецкой губерніи, см. въ Спискѣ насел. мѣстъ ея, введеніе, стр. LXXXII—LXXXIII. Въ Вытегорскомъ уѣздѣ она показана живущею по рр. Индоманкѣ, Тихмангѣ, Ухтѣ и Шагласу и въ прилежащихъ къ нимъ мѣстахъ, въ количествѣ 663 душъ обоего пола, при чемъ нѣкоторая часть этой Чуди названа обрусѣлою; на вершинахъ же р. Мегры Списокъ не указываетъ вовсе Чуди. Въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ Списокъ показываетъ Чуди 7447 душъ обоего пола, и притомъ Шимозеро дѣйствительно является однимъ изъ главныхъ центровъ ея обитанія; кромѣ того, поселенія Чуди расположены на верховьяхъ р. Ояти и на нѣсколькихъ озерахъ въ той же мѣстности, близъ границъ Новгородской губерніи. Свѣдѣнія объ этой Чуди см. въ статьяхъ акад. *Шегрена* о древнемъ мѣстожительствѣ Еми (*J. A. Sjogren's* Gesammelte Schriften, I, pass.), акад. *Кеппена*: О третьемъ изданіи этнограф. карты Европ. Россіи (Вѣстникъ Имп. Русск. Геогр. Общ. 1856 г., ч. 16, стр. 91), *И. П. Хрущова*: „Замѣтки о русскихъ жителяхъ береговъ р. Ояти“ (Зап. по отд. этногр., II) и *В. Н. Майнова*: „Пріоятская Чудь“ (Др. и Нов. Россія 1877 г.), а также въ сочиненіи г. Уйфальви: Les Bachkirs, les Vêpses etc. (P. 1880). Въ Каргопольскомъ уѣздѣ Списокъ насел. мѣстъ Олон. губерніи вовсе не указываетъ Чуди; въ немъ хотя и есть дер. Раменье, но съ русскимъ населеніемъ, и не на востокъ отъ Лачозера, какъ говоритъ г. Поляковъ, а на сѣверъ — на р. Онегѣ (№ 1798 Списка). Впрочемъ, въ Каргопольскомъ уѣздѣ сохранилось много преданій о древнемъ жительствѣ здѣсь Чуди; главное гнѣздо ея было въ восточной части уѣзда, гдѣ сохранились городища, курганы и могилища, ей приписываемыя. Такъ свидѣтельствуетъ *Е. В. Барсовъ* въ своей статьѣ „Объ Олонецкихъ древностяхъ“ (Древности, изд. Моск. Археол. Общества, т. VII, вып. 3). Онъ же сообщаетъ, что и въ Тихмангскомъ приходѣ Вытегорскаго уѣзда (по Списку насел. мѣстъ № 1231) крестьяне указываютъ Аминтову дорогу, по которой бѣжали въ предѣлы каргопольскіе толпы Чуди, предводимые своимъ вождемъ Аминтомъ, будучи преслѣдуемы жителями Вытегорскаго уѣзда; они были догнаны у Лачозера и здѣсь разбиты; въ одномъ изъ болотъ, окаймляющихъ это озеро, крестьяне и теперь указываютъ на возвышенія земли, называя ихъ чудскими могилами. Въ той же статьѣ (стр. 229—230) находится любопытное описаніе празднованья дня Ильи Пророка, сходное съ разказомъ г. Полякова, помѣщеннымъ на стр. 45—46. *Ред.*

II.

Долина Оки.

1.

Львиный курганъ и Плехановъ боръ.

Путь въ имѣніе князя Л. С. Голицына въ долинѣ Оки и холмъ Львиный курганъ; видъ на окрестность.—Низина, озерно-рѣчныя отложенія и отношеніе ихъ къ каменному вѣку.—Песчаные холмы, какъ мѣсто поселенія до-историческихъ жителей.—Плехановъ боръ, его строеніе и остатки каменнаго вѣка.—Описаніе орудій, найденныхъ въ холмахъ Плеханова бора.—Глиняная и другая посуда.—Пища.—Бобровыя постройки.—Складъ этихъ построекъ.—Постройки были возведены въ каменный вѣкъ; онѣ предохраняли холмы отъ разрушенія.—Вѣроятность, что человѣкъ покровительствовалъ бобру.—Бобръ донынѣ въ Америкѣ является у Краснокожихъ Индѣйцевъ почти какъ домашнее животное.—Наконечники стрѣлъ съ Хрѣновскихъ холмовъ.

10-го іюня 1878 года я, по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, направился изъ Москвы въ долину Оки для осмотра мѣстностей, изобилующихъ остатками каменнаго вѣка, и на которыя было уже указано графомъ А. С. Уваровымъ и княземъ Л. С. Голицынымъ на Казанскомъ археологическомъ съѣздѣ, происходившемъ въ августѣ 1877 года. Я проѣхалъ первоначально на Нижній-Новгородъ, затѣмъ на пароходѣ отправился вверхъ по теченію Оки на Горбатовъ и село Павлово, за которымъ долженъ былъ остановиться на станціи Варежѣ, а отсюда на лошадяхъ по правому берегу Оки добрался до села Чулкова. Усадьба князя Голицына находится на лѣвомъ берегу рѣки, куда я и долженъ былъ переправиться на лодкѣ; въ усадьбѣ я нашелъ вмѣстѣ съ гостепріимствомъ и всѣ предварительныя указанія касательно мѣстъ нахожденія орудій въ здѣшнихъ окрестностяхъ.

Главныя жилыя зданія усадьбы расположены на высокомъ песчаномъ холмѣ, извѣстнымъ подъ именемъ Львинаго кургана. При постройкѣ этихъ зданій въ почвѣ холма находились каменныя орудія, какъ доказательство, что холмъ, во времена до-историческія, служилъ также мѣстопребываніемъ для человѣка. На другой день послѣ пріѣзда я убѣдился личнымъ опытомъ въ изобиліи различныхъ остатковъ, сохранившихся на холмѣ отъ каменнаго періода. Холмъ, очевидно, въ теченіе ряда столѣтій былъ покрытъ лѣсомъ, благодаря которому онъ какъ бы окрѣпъ и сохранилъ свою форму; съ наступившею же въ недавнее время вырубкой лѣса онъ частію началъ разрушаться. Въ настоящее время съ сѣверной и съ сѣверо-западной его сторонъ образовались огромныя ямы; будучи первоначально небольшими, онѣ сильно расширились вслѣдствіе постоянныхъ обваловъ и осыпей составляющаго холмъ мелкаго, слоистаго песку, который малу по малу становится сыпучимъ; вѣтры обыкновенно переносятъ и выдуваютъ песокъ изъ мѣста его первоначальнаго залеганія. Совершенно подобный же процессъ разрушенія песчаныхъ холмовъ я наблюдалъ въ 1867 году въ долинахъ рѣки Иркута и рѣчки Ахалика, около Тунки, въ Восточномъ Саянѣ [1]). Не смотря на громадное разстояніе, раздѣляющее долину Оки отъ верховьевъ Иркута, явленія природы въ обоихъ пунктахъ остаются одни и тѣ же. Вмѣстѣ съ этимъ существуетъ первоначальное сходство въ слѣдахъ человѣческой дѣятельности, сохранившейся въ песчаныхъ холмахъ. Какъ и около Тунки,—въ долинѣ Оки, въ ямахъ Львинаго кургана происшедшихъ послѣ обваловъ, гдѣ песокъ выдувается, остается громадное количество кремневыхъ обломковъ, горшечныхъ черепковъ и даже различныхъ орудій, начиная съ наконечниковъ стрѣлъ до скребковъ, шлифованныхъ топоровъ и теслъ. Хотя орудія эти уже собирались здѣсь различными любителями, тѣмъ не менѣе, кромѣ кремневыхъ и горшечныхъ обломковъ, я самъ нашелъ здѣсь нѣсколько вполнѣ хорошихъ топориковъ и наконечниковъ

---

[1]) Какъ процессъ разрушенія тункинскихъ холмовъ, такъ и тамошніе остатки каменнаго вѣка уже описаны мною въ 1868 году въ „Отчетѣ о поѣздкѣ въ Восточный Саянъ, приложенной къ Отчету Сибирскаго отдѣла Имп. Р. Геогр. Общества за 1868 годъ (С.-Пб., 1869), стр. 137—143.

стрѣлъ, точно также какъ получилъ нѣкоторые найденные здѣсь предметы отъ князя Л. С. Голицына.

Со Львинаго кургана открывается весьма красивый видъ на долину Оки; заливные луга, покрытые сочною травой или перелѣсками изъ дубняка и березняка, широко раскинулись на западъ и юго-западъ, вверхъ по теченію рѣки, также какъ и на востокъ, внизъ по теченію. Въ особенности характеренъ видъ на правый берегъ Оки; составленный изъ образованій пермской формаціи, въ которыхъ иногда буроватые известняки правильно перемежаются, налегая другъ на друга, съ слоями бѣлаго гипса или алебастра, берегъ высоко поднимается надъ уровнемъ рѣки и надъ заливною равниною. Кончаясь иногда почти отвѣсными обрывами, въ которыхъ производится ломка алебастра, иногда пересѣченный оврагами и впадинами, правый берегъ имѣетъ вообще равномѣрную высоту, и распространяясь вверхъ по теченію рѣки, даже при отдаленіи за десятки верстъ расуется еще на горизонтѣ въ формѣ мысовъ. Тотъ же характеръ и видъ сохраняетъ берегъ и ниже по теченію, если смотрѣть на него отъ Львинаго кургана; здѣсь въ одномъ только случаѣ нарушается его единообразіе. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія Чулкова, расположеннаго противъ Львинаго кургана, на правомъ берегу возвышается гора, въ формѣ пирамиды или конуса: это такъ-называемая гора Сіонъ; выдаваясь по своей формѣ, она однако же представляетъ строеніе общее всему берегу, который тянется на востокъ, на протяженіи верстъ 20 до знаменитаго по своимъ желѣзныхъ издѣліямъ села Павлова. Съ Львинаго кургана еще видно, какъ онъ направляется отъ Павлова на сѣверъ, затѣмъ на сѣверо-западъ и только здѣсь, около Горбатова, онъ скрывается отъ глазъ зрителя на горизонтѣ.

На лѣвой сторонѣ долины вдаются въ заливную равнину песчаные холмы, уходящіе далеко отъ рѣки; такъ, почти на сѣверъ отъ Львинаго кургана, за заливною равниною, начинаются песчаные холмы, по которымъ я ѣздилъ на сѣверъ на протяженіи верстъ 6—8; среди этихъ холмовъ, покрытыхъ преимущественно соснякомъ, находятся иногда озерки болѣе или менѣе значительной величины; еще дальше начинаются болота, уходящія къ рѣкѣ Суворощѣ, впадающей въ Клязьму. Проселочная дорога отъ Львинаго кургана на Гороховецкую станцію Нижегородской желѣзной

дороги идетъ сначала на югъ и на востокъ на село Бабасово, стоящее недалеко отъ заливной равнины, а затѣмъ поворачиваетъ на сѣверъ и пролегаетъ по невысокимъ частью песчанымъ, частью глинистымъ холмамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь встрѣчаются въ большомъ изобиліи болота. Высотъ сколько-нибудь значительныхъ не существуетъ, и только отъ Гороховецкой станціи на сѣверо-западѣ кажутся растянувшимися возвышенія, соотвѣтствующія по высотѣ горамъ, расположеннымъ по правому берегу Оки. На правомъ берегу ясно замѣтны во многихъ мѣстахъ двѣ террасы: нижняя, находящаяся на высотѣ около 2-хъ сажень надъ обыкновеннымъ уровнемъ Оки,—современная; до нея доходитъ вода во время весенняго половодья; на нѣсколько сажень выше ея лежитъ вторая терраса: она въ особенности ясно выражена на правомъ берегу, противъ Львинаго кургана, около селенія Чулкова; здѣсь на ней расположена даже часть селенія. Обязана ли эта терраса своимъ происхожденіемъ дѣйствію рѣчныхъ водъ, стоявшихъ въ прежнія времена очевидно выше нежели теперь, или же она произошла вслѣдствіе того, что въ послѣ-ледниковую эпоху здѣсь раскидывался широкій озерный бассейнъ,—сказать трудно; весьма вѣроятно, что она имѣетъ отношеніе по своему происхожденію и къ той, и къ другой причинѣ. Нужно думать также, что большая часть отложеній, глинъ и песковъ, заполняющихъ площадь между изгибомъ Оки, ограниченнымъ станціей Сапуномъ, городомъ Горбатовымъ и нижнимъ теченіемъ рѣчки Суворощъ, произошли именно въ то время, когда здѣсь былъ раскинутъ глубокій водный бассейнъ или озеро. Съ понпженіемъ уровня древняго и весьма обширнаго озернаго бассейна послѣдній долженъ былъ разбиться на рядъ мелкихъ озерковъ, изъ которыхъ теперь только ничтожная часть сохранилась, большая же часть превратилась въ болота и торфяники. Замѣчательно еще то, что это бывшее нѣкогда дно обширнаго прѣсноводнаго бассейна представляется въ настоящее время въ видѣ громаднаго острова, ограниченнаго изгибомъ Оки, начиная отъ Сапуна до устья р. Клязьмы, затѣмъ самымъ нижнимъ теченіемъ этой послѣдней рѣки и наконецъ рѣчкою Суворощъ, которая почти въ среднемъ своемъ теченіи даетъ рукавъ въ Оку, именно рѣчку Чупу. По окраинамъ указанной здѣсь низины озерныя отложенія, очевидно, смѣшаны съ рѣчными, такъ что провести рѣзкую

границу между тѣми и другими нѣтъ возможности, въ особенности, если взять во вниманіе тѣ рѣчныя отложенія, которыя происходятъ во время весеннихъ разливовъ рѣкъ. Во всякомъ случаѣ этотъ послѣдній вопросъ не имѣетъ особенно существеннаго отношенія къ каменному вѣку. Относительно отложеній, составляющихъ вторую террасу въ долинѣ Оки, можно сказать еще, что онѣ аналогичны съ отложеніями второй террасы въ долинѣ Волги, около дд. Красновидова и Карташихи въ Казанской губерніи, хотя, можетъ быть, и болѣе новы. Самое отношеніе террасъ въ долинахъ названныхъ рѣкъ къ каменному періоду также одно и то же. По моему убѣжденію, въ долинѣ Волги человѣкъ селился на второй террасѣ, по окраинамъ заливной равнины, и въ этотъ періодъ долина Волги имѣла уже тотъ видъ, въ какомъ она представляется въ настоящее время [1]). Въ долинѣ Оки находимъ то же явленіе: доисторическій человѣкъ жилъ на высотахъ второй террасы, и самая долина рѣки имѣла приблизительно тотъ же видъ, какой замѣчается теперь; разница только въ томъ, что рѣка, очевидно, измѣняла свое русло, держалась около праваго берега или отступала отъ него, снова затѣмъ къ нему приближаясь. Въ доказательство этого она оставила въ заливной равнинѣ соры, старицы и озерки. Сравнительно съ Волгой различіе замѣчается въ томъ, что въ долинѣ Оки до-историческіе обитатели находили болѣе удобные, чѣмъ тамъ, пункты для своего поселенія. Къ числу этихъ именно пунктовъ относятся песчаные холмы, въ родѣ описаннаго уже Львинаго кургана.

Холмы, сохранившіе на себѣ въ наибольшемъ изобиліи орудія до-историческихъ обитателей, лежатъ здѣсь среди самой заливной равнины или же на ея окраинахъ, и притомъ такъ, что во время весенняго половодья они являются со всѣхъ сторонъ окруженными водою, представляются островами. Въ рефератѣ изъ сообщенія, сдѣланнаго княземъ Л. С. Голицынымъ на четвертомъ археологическомъ съѣздѣ въ Казани, касательно здѣшнихъ холмовъ между прочимъ сказано: „Во время весеннихъ разливовъ", замѣтилъ князь Голицынъ, — „упомянутые бугры и доселѣ являются островами, и

---

[1]) Антропологическая поѣздка въ центральную и восточную Россію, стр. 67—73.

очень можетъ быть, что первобытные обитатели отъѣзжали сюда весной и жили здѣсь подолгу; можно даже съ большею долею вѣроятности предположить, что когда-то эти бугры были островами настоящаго моря, тѣмъ болѣе, что многія изъ встрѣчающихся раковинъ безспорно морскія, а было бы слишкомъ смѣло предположить, что онѣ привозныя" [1]). Считая вполнѣ справедливымъ указаніе князя Голицына на островной характеръ холмовъ во время весеннихъ разливовъ Оки, я однако же не нашелъ какихъ-либо доказательствъ въ пользу ихъ морского происхожденія; напротивъ, всѣ добытые мною факты, сообразно съ вышеприведеннымъ мною мнѣніемъ, доказываютъ, что холмы обязаны своимъ происхожденіемъ прѣснымъ водамъ и суть ничто иное, какъ дюны, образовавшіяся на берегахъ изчезнувшаго теперь бассейна. Есть основаніе предполагать только, что во время процвѣтанія здѣсь каменнаго періода, заливная равнина въ большей степени изобиловала водой — протоками, старицами и озерами, а въ то же время вѣроятно, что и Ока была тогда рѣкою болѣе многоводною, нежели теперь; поэтому многіе изъ песчаныхъ холмовъ, являющихся теперь островами только временно, могли быть окружены водою постоянно. Не можетъ быть сомнѣнія также и въ томъ, что холмы, служившіе мѣстообитаніемъ людямъ каменнаго періода, были въ прежнее время раскинуты въ заливной равнинѣ въ большемъ количествѣ, такъ какъ извѣстно, что многіе холмы, изобиловавшіе „громовыми стрѣлами", размыты водою Оки въ самое недавнее время.

Самый замѣчательный холмъ, который можно видѣть въ настоящее время,—это такъ-называемый Плехановъ боръ. Онъ находится верстахъ въ двухъ съ половиной отъ усадьбы князя Голицына— Львинаго кургана, и лежитъ на лѣвомъ берегу Оки. Отъ Львинаго кургана онъ отдѣленъ заливною равниной, состоящею изъ довольно плотной сѣрой глины, которая и обнажается въ довольно высокомъ берегѣ Оки. Плехановъ боръ расположенъ на цѣпи песчаныхъ холмовъ, тянущихся вдоль по теченію Оки, въ недальнемъ отъ нея разстояніи; въ продольномъ направленіи цѣпь холмовъ имѣетъ около версты въ длину, съ сравнительно весьма малою шириною.

---

[1]) Четвертый археологическій съѣздъ въ Казани—Журн. Мин. Нар. Просв. 1878 г., № 2, стр. 119.

На всемъ своемъ протяженіи холмы не заливаются нынѣ водами Оки во время самаго высокаго ея половодья, и при этомъ половодьи являются обыкновенно островами; даже и въ этомъ случаѣ они весьма значительно возвышаются надъ уровнемъ водъ; при обыкновенномъ же уровнѣ водъ Оки цѣпь холмовъ Плеханова бора вполнѣ господствуетъ надъ всею заливною равниною: она замѣтна уже издали съ различныхъ сторонъ. Благодаря своему значительному протяженію, а также и высотѣ, Плехановъ боръ съ его холмами игралъ весьма важную роль въ судьбѣ до-историческихъ обитателей долины Оки. На немъ сохранилась огромная масса весьма разнообразныхъ остатковъ каменнаго вѣка, новѣйшаго, неолитическаго періода. Способъ, съ помощію котораго главнымъ образомъ обнаруживаются эти остатки, являясь на поверхность земли, — тотъ, что̀ я видѣлъ на Тункинскихъ холмахъ Восточной Сибири [1]), а также на ближайшемъ отсюда Львиномъ курганѣ. Съ вырубкой лѣса, покрывающаго холмы, сосняка, частію березняка и дуба, настаетъ разрушеніе; мелкій, сыпучій песокъ выдувается вѣтромъ, образуются ямы, идутъ обвалы стѣнъ, и такимъ образомъ холмы могутъ вполнѣ измѣнить свою форму; такъ это и въ Плехановомъ борѣ. На сторонѣ холмовъ, обращенной къ рѣкѣ, холмы представляютъ громадныя выемки, изъ которыхъ западные и юго-западные вѣтры перенесли песокъ на противоположную сторону оставшихся частей холмовъ. Въ этихъ-то выемкахъ и остаются всѣ принадлежности каменнаго вѣка, не переносимыя обыкновенно вѣтромъ вслѣдъ за пескомъ. Вѣтры сѣверные часто гонятъ сыпучій песокъ на старое мѣсто, но южные и юго-западные вѣтры во всякомъ случаѣ берутъ почему-то верхъ по своей разрушающей силѣ. Эта борьба вѣтровъ, касающаяся разрушенія холмовъ, длится, по видимому, уже весьма давно, и свидѣтелемъ ея былъ, вѣроятно, и человѣкъ каменнаго періода.

Дѣло въ томъ, что орудія каменнаго вѣка встрѣчаются всегда въ растительномъ слоѣ, или сказать точнѣе въ нижней части этого слоя. Холмы, цѣлость которыхъ не была нарушена со временъ жившихъ здѣсь до-историческихъ обитателей, до сихъ поръ имѣютъ

---

[1]) См. мой Отчетъ о поѣздкѣ въ Восточный Саянъ—при Отчетѣ Сибирскаго отдѣла Имп. Р. Геогр. Общества за 1868 годъ, стр. 137—138.

вообще только одинъ растительный слой. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчается два, и даже три растительные слоя, лежащіе другъ надъ другомъ. Такое явленіе объясняется весьма просто. Самый нижній растительный слой — всегда самый древній; холмъ былъ покрытъ растительностью въ то время, когда этотъ слой отложился; затѣмъ, съ наступленіемъ разрушенія гдѣ - либо въ сосѣднихъ частяхъ холма, первоначальный слой засыпался пескомъ, на которомъ снова могла, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, появиться хотя травянистая растительность; за нею, понятно, слѣдовало и образованіе новаго растительнаго слоя, который, въ свою очередь, могъ опять покрыться пескомъ; этотъ послѣдній слой песку—самый новѣйшій, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ и на немъ можно замѣчать слѣды растительности, хотя впрочемъ въ большинствѣ случаевъ новѣйшій слой песку у сѣверной подошвы холмовъ засыпалъ деревья иногда на половину, а кустарники почти до верху. Наиболѣе сильному разрушенію подвергались холмы въ срединѣ цѣпи, въ самыхъ высокихъ мѣстахъ; такъ было прежде, то же видимъ и нынѣ; здѣсь часто встрѣчаются перемежающіеся растительные слои, содержащіе въ себѣ остатки каменнаго вѣка. Положеніе орудій въ почвѣ я наблюдалъ, какъ въ естественныхъ обнаженіяхъ, такъ и въ искусственныхъ, произведенныхъ раскопками. Какъ я уже сказалъ, во многихъ случаяхъ пески накрыты однимъ только слоемъ растительной почвы, имѣющей отъ одной до полутора четверти аршина толщины. Въ такомъ видѣ растительная земля встрѣчается преимущественно на окраинныхъ, наиболѣе низменныхъ пунктахъ холмовъ; въ самыхъ же высокихъ частяхъ цѣпи, наиболѣе нынѣ разрушенной, я нашелъ въ одномъ мѣстѣ послѣ раскопокъ слѣдующіе слои: сверху лежитъ новѣйшій, тонкій растительный слой, едва окрасившій песокъ въ темный или сѣроватый цвѣтъ; въ немъ не содержится орудій, или же они попали сюда только случайно; затѣмъ ниже слѣдуетъ песчаный слой до двухъ четвертей аршина мощностью; подъ нимъ растительная земля, которая представляетъ довольно плотный слой, заключающій въ себѣ уже остатки каменнаго вѣка; здѣсь находятся обломки кремней, горшковъ, наконечники стрѣлъ, провѣски и пр.; ниже этого втораго растительнаго слоя лежитъ снова песокъ пластомъ до двухъ четвертей аршина толщиною, и подъ нимъ наконецъ по-

коится третій слой растительной земли; кромѣ того, черная почва лежитъ здѣсь часто цѣлыми эллипсоидальными гнѣздами; вмѣстѣ съ перегорѣлыми камнями здѣсь встрѣчаются массами обломки горшковъ, а также различные кремневые предметы, вмѣстѣ съ осколками; здѣсь же лежатъ массами раковины, принадлежащія еще нынѣ живущему въ окрестныхъ водахъ виду пластинчатожабернаго моллюска, беззубкѣ (*Anodonta*). Въ одномъ мѣстѣ попались намъ три горшка различной величины; изъ нихъ средній помѣщался въ наибольшемъ, а наименьшій—въ среднемъ; горшки сохранили свое первоначальное положеніе, такъ какъ они были оставлены, вѣроятно, болѣе или менѣе цѣлыми, но подъ вліяніемъ давленія толстаго слоя почвы и песку сверху они разсыпались въ обломки. Эти три горшка, вмѣщавшіеся другъ въ друга, напомнили мнѣ подобное же явленіе, которое я наблюдалъ около с. Фатьянова, въ Ярославской губерніи, при раскопкѣ кладбища каменнаго вѣка [1]). Въ томъ же мѣстѣ раскопки на Плехановомъ бору были найдены мною кости, принадлежащія лосю; вообще же говоря, кости представляли здѣсь рѣдкое явленіе; притомъ различные мелкіе обломки костей сильно вывѣтрились и разсыпались. Между этими обломками я находилъ даже многіе обдѣланными и служившими нѣкогда какъ шилья, иглы и гарпуны, но по непрочности ихъ и по способности разсыпаться ихъ трудно было сохранить въ цѣлости. Во всякомъ случаѣ, судя по этимъ обдѣланнымъ костянымъ обломкамъ, можно положительно сказать, что обитатели Плеханова бора владѣли хорошими костяными орудіями.

Какъ при раскопкахъ, такъ и въ ямахъ, происшедшихъ послѣ выноса песку, я находилъ преимущественно кремневыя орудія, вмѣстѣ съ многочисленными осколками и кусками кремня, которые, очевидно, были занесены сюда человѣкомъ. Здѣсь я долженъ прибавить, что въ осмотрѣ Плеханова бора, также какъ и въ раскопкахъ моихъ, принималъ весьма дѣятельное и полезное участіе житель ближайшаго отсюда села Степанькова, крестьянинъ Л. Ѳ. Орловъ; кромѣ орудій, собранныхъ на Плехановомъ

---

[1]) См. о немъ мое сообщеніе въ Извѣстіяхъ Имп. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, т. XXXV. Антропологическая выставка 1879 года, ч. III, стр. 190.

бору лично мною, я получилъ многія таковыя же отъ крестьянъ села Степанькова, собранныя какъ раньше, такъ и впослѣдствіи самимъ Л. Ѳ. Орловымъ, который часто ходилъ въ боръ и собиралъ остатки, съ цѣлью разрѣшить вопросъ о томъ, дѣйствительно ли это громовыя стрѣлы, или же что̀ другое. Когда онъ ознакомился съ научными истинами, выработанными касательно древняго каменнаго вѣка, интересъ его къ Плеханову бору усилился. Благодаря такимъ образомъ всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, я добылъ съ Плеханова бора довольно значительную коллекцію разныхъ типовъ каменныхъ орудій. Имѣя въ виду эту громадную массу встрѣчающихся здѣсь орудій и обломковъ отъ осадъ, приходится думать, что до-историческій человѣкъ не только дѣлалъ здѣсь для себя каменныя принадлежности, но видно, что здѣсь же онъ и работалъ ими. Въ Плехановомъ бору мною было найдено нѣсколько цѣльныхъ *топоровъ* изъ неплотнаго кремня; топоры хорошо отшлифованы и имѣютъ клиновидную форму, свойственную вообще этому типу орудій, какъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, такъ и въ иныхъ странахъ. Интересно было еще то, что между остатками въ почвѣ чаще встрѣчались обломки отъ острія топоровъ; эти обломки служатъ явнымъ доказательствомъ того, что человѣкъ въ самомъ дѣлѣ здѣсь именно и работалъ, здѣсь именно онъ рубилъ и долбилъ своими точеными инструментами. По этимъ обломкамъ отъ топоровъ видно, что человѣкъ умѣлъ стачивать весьма твердый и плотный кремень. Здѣсь же было найдено мною небольшое *тесло*, также обыкновенной формы. Встрѣчаются въ большомъ количествѣ въ Плехановомъ бору наконечники *стрѣлъ* и *копій*, а вмѣстѣ съ цѣлыми орудіями этого рода разбросаны въ почвѣ и обломки ихъ; по обломкамъ, какъ и по цѣлымъ орудіямъ, можно судить о томъ, что искусство обивать кремень стояло у древнихъ обитателей Плеханова бора на высшей степени совершенства. Укажу также на часто находимыя здѣсь привѣски; ихъ назначеніе трудно опредѣлить съ точностью; можно однако думать, что онѣ служили украшеніемъ, или же предполагать, что онѣ употреблялись какъ привѣски при рыболовныхъ снастяхъ. Двѣ такія привѣски изображены на таблицѣ VI: на фиг. 1 представлена привѣска изъ сланца, выпиленная изъ цѣлаго куска; на одномъ концѣ ея довольно большое отверстіе; въ общемъ она представляетъ параллелопипедъ,

верхніе углы котораго сточены; сточена она и со всѣхъ другихъ сторонъ. Привѣска, изображенная на ф. 2, тоже сланцевая и имѣетъ хорошо сдѣланное отверстіе, но во всемъ остальномъ это—естественный валунчикъ или галька, прекрасно со всѣхъ сторонъ обточенная водой. Къ числу весьма своеобразныхъ орудій относится найденный въ Плехановомъ же бору пестъ; онъ изображенъ на таб. VI, фиг. 3 *а* и *в*; состоитъ онъ изъ плотнаго кремнистаго, весьма твердаго камня; на одномъ концѣ онъ немного ўже, а къ другому расширенъ; онъ хоть и гладокъ съ боковъ, но не отточенъ, за исключеніемъ одной только стороны, находящейся на тупомъ его концѣ; здѣсь поверхность орудія чрезвычайно гладкая, въ истинномъ смыслѣ слова шлифованная, безъ царапинъ, фиг. 3, *в*. Очевидно, назначеніе этого песта такое же, какъ у тѣхъ пестиковъ, которые употребляются нынѣ для растиранія въ ступахъ различныхъ химическихъ веществъ; орудіе каменнаго вѣка служило, вѣроятно, для растиранія и измельченія веществъ, можетъ быть, очень нѣжныхъ,—иначе на его хотя и твердой растительной поверхности остались бы царапины. Этотъ пестъ изъ Плеханова бора совершенно подобенъ пестамъ изъ Западной Сибири, именно съ Алтая и изъ Курганскаго округа Тобольской губерніи [1]). Отличіе нашего орудія отъ сибирскихъ заключается только въ томъ, что бока его не сточены, и оно не представляетъ болѣе или менѣе правильной конической формы. Есть еще одно орудіе, найденное лично мною въ Плехановомъ бору, которое служитъ доказательствомъ сходства принадлежностей каменнаго вѣка, употреблявшихся у до-историческихъ жителей долины Оки, съ орудіями не только вымершихъ народовъ Россійской имперіи, но живущихъ далеко за ея предѣлами, именно въ Америкѣ. Это орудіе состоитъ изъ шокшинскаго песчаника; мѣсторожденіе сего послѣдняго находится на западномъ и юго-западномъ берегахъ Онежскаго озера, въ долинѣ же Оки онъ встрѣчается въ видѣ валуновъ; въ общемъ орудіе имѣло первоначально форму параллелопипеда, но въ обдѣлкѣ всѣ углы его, также какъ и грани, оказались сбитыми и нѣсколько сглаженными, почему

---

[1]) См. мою статью: Каменныя орудія Курганскаго округа, въ Извѣстіяхъ Имп. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, т. XXXV. Антропологическая выставка 1879 года, ч. I, стр. 92—93, фиг. 13 и 14.

орудіе получило форму среднюю между параллелопипедомъ и эллипсоидомъ; по наибольшему его діаметру, на окраинахъ, сверху и снизу сдѣланы выемки или выбиты желобки; такіе же желобки или выемки сдѣланы по наименьшему діаметру въ тупыхъ ребрахъ, въ среднихъ частяхъ орудія. Если перевязать это орудіе веревками по продольной и поперечной осямъ, то веревки пересѣкутся въ центрѣ и раздѣлятъ орудіе на четыре равныя части. При употребленіи орудіе, очевидно, такъ и перевязывалось, съ тою только разницей, что опоясной по продольной оси служило гибкое дерево, къ которому прикрѣплялся затѣмъ черень, или даже чернемъ служили концы той самой опояски, которая, охватывая орудіе, снизу перевязывалась кожанымъ или растительнымъ ремнемъ. Въ такомъ видѣ орудіе вполнѣ соотвѣтствовало палицѣ; для крѣпости, оно могло, послѣ скрѣпъ по продольному и поперечному направленіямъ, вмѣстѣ съ чернемъ, зашиваться въ кожу, еще болѣе прочно укрѣплявшую орудіе на своемъ мѣстѣ. Орудія, подобныя нашему, были недавно найдены въ одной заброшенной нынѣ деревнѣ Мэнденсъ (Mandans), принадлежавшей Индѣйцамъ племени Арикера (Arickarees), на сѣверѣ Новой Мексики. Каменныя орудія съ ихъ чернями, или обвитыми кожей, или вполнѣ кожей обшитыя, были найдены въ совершенной цѣлости; при сравненіи нашего орудія съ американскими, можно найдти разницу только въ формѣ ихъ; у американскихъ, имѣющихъ форму овальную, иногда съ однимъ тупымъ концомъ, существуетъ только одинъ поясъ, на нѣкоторыхъ орудіяхъ даже несплошной [1]). Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что типъ американскихъ орудій повторяется въ еще большей полнотѣ въ Закавказьѣ, въ Кульпинскихъ и Нахичеванскихъ соляныхъ копяхъ; многія орудія Закавказья представляютъ почти точную копію орудій племени Арикери. Орудія съ опоясками были въ употребленіи и въ Скандинавіи, хотя, по сравненію съ другими видами орудій, они не были господствующими [3]).

---

[1]) См. Twenty-first Report of the Regents of the University of New-Iork on the Condition of the Cabinet of Natural History. Albany, 1871: The stone impliments of the Arickarees, p. 26, 31; tab. I, II, III.

[2]) Протоколы предварит. комитета Тифлисскаго археолог. съѣзда, стр. 213—214.

[3]) *Sv. Nilsson*, Les habitants primitifs de la Scandinavie, табл. II, фф. 31—35.

До-историческіе обитатели долины Оки, оставившіе слѣды своего существованія въ пескахъ Плеханова бора, употребляли уже посуду, которую дѣлали изъ глины; это были горшки разной величины; ихъ обломки встрѣчаются въ пескахъ въ громадномъ количествѣ; судя по этимъ обломкамъ, слѣдуетъ думать, что глиняная посуда здѣшнихъ жителей имѣла до самыхъ малѣйшихъ подробностей тотъ же видъ, какъ у жителей каменнаго вѣка Олонецкой губерніи и верховьевъ Волги. Это были не обожженные горшки, съ тѣми же узорами на внѣшней сторонѣ, какіе встрѣчаются у олонецкихъ, и въ довершеніе сходства на толстыхъ обыкновенно стѣнкахъ горшковъ съ той же внѣшней стороны находятся часто ямочки. Значеніе этихъ ямочекъ заключается, очевидно, въ томъ, что горшокъ, благодаря имъ, скорѣе нагрѣвался, и заключавшаяся въ немъ жидкость легче вскипала [1]). Между громадною массой обломковъ мнѣ ни разу не удалось найдти днище горшка, такъ что приходится предположить, что дно у горшковъ было коническое, не а плоское. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на внутренней сторонѣ горшечныхъ обломковъ, имѣющихъ ямки, часто можно наблюдать слѣды пальцевъ, оставленные человѣкомъ въ то время, когда при выдѣлкѣ горшка, чтобы сдѣлать ямку, приходилось съ внѣшней стороны надавливать глину инструментомъ, а съ внутренней поддерживать горшокъ пальцами. Но самою оригинальною посудиной, безспорно, нужно признать раковину изъ семейства устричныхъ; это—ископаемая раковина юрской формаціи; въ употребленіи была ея верхняя створка, имѣющая форму ложки; притомъ ея края были обиваемы такъ, что она замѣняла собою ложку; мѣсто залеганія раковины находится около Мурома, такъ что къ Плеханову бору она, очевидно, была занесена человѣкомъ. Мною были найдены двѣ такія раковины, и одну изъ нихъ я передалъ графу А. С. Уварову. Онѣ были по краямъ обиты совершенно одинаковымъ образомъ, искусственно, такъ что форма ихъ никакъ не могла быть случайною. Жители Степанькова довольно часто находятъ въ Плехановомъ бору такія раковины и называютъ ихъ „громовыми чашечками“.

Итакъ, изъ всего вышесказаннаго очевидно, что до-историческіе обитатели Плеханова бора варили себѣ пищу въ горшкахъ

---

[1]) См. Зап. по отд. этногр., т. III, стр. 368—369.

изъ глины, ѣли ее ложками, какъ и новѣйшіе дикари Сѣверной Америки, дѣлавшіе себѣ ложки, напримѣръ, изъ рога буйволовъ [1]). Пищей служили для пріокскихъ обитателей ракушки, еще и нынѣ водящіяся въ здѣшнихъ водахъ въ огромномъ количествѣ. Въ ту же эпоху и тѣ же ракушки употреблялись въ пищу жителями долины Дона, около Костёнокъ [2]); тѣ же ракушки служили для той же цѣли и жителямъ каменнаго вѣка на берегахъ озера Буртнекъ. Вѣроятно, въ пищу употреблялись и млекопитающія, но изъ костей ихъ я нашелъ въ сохранности только костилося,—большая же часть костей, какъ я уже сказалъ, разрушилась. Но въ то же время мнѣ пришлось прочесть еще одну чрезвычайно занимательную страницу изъ погасшей жизни до-историческихъ обитателей долины Оки; эта страница касается рѣчнаго бобра и его отношенія къ человѣку; что жителямъ каменнаго вѣка былъ извѣстенъ бобръ и игралъ большое значеніе въ ихъ жизни, это я буду имѣть случай указать несомнѣнно при описаніи находокъ, сдѣланныхъ у д. Волосова. Но я допускаю предположеніе, что бобръ былъ очень хорошо извѣстенъ и обитателямъ Плеханова бора.

Уже на третій день моихъ экскурсій по пріѣздѣ въ имѣніе князя Л. С. Голицына, осматривая строеніе окрестностей Плеханова бора, я наткнулся на странное явленіе. Именно, по лѣвому берегу Оки, недалеко отъ песчаныхъ холмовъ, выставляется изъ береговыхъ обрывовъ масса деревьевъ. Самаго бѣглаго осмотра уже достаточно, чтобъ отстранить всякую мысль о простой случайности, въ силу которой эти деревья заняли бы свое настоящее положеніе; напротивъ, даже при первомъ взглядѣ сразу приходила мысль, что размѣщеніемъ деревъ, или вѣрнѣе, бревенъ и сучьевъ, руководила живая, разумная сила. Этотъ выводъ подкрѣпился находкой нѣкоторыхъ предметовъ, сдѣланныхъ рукою человѣка. Въ общемъ оставалось однакоже для меня весьма много загадочнаго въ этихъ деревянныхъ сооруженіяхъ, хотя я и былъ усердно занятъ ихъ изученіемъ, какъ въ половинѣ іюня, такъ и въ концѣ

---

[1]) См. при вышеупомянутомъ описаніи орудій и утвари племени Арикери на табл. IV, ф. 14, изображеніе роговой ложки.

[2]) Антропологическая поѣздка въ центральную и восточную Россію, стр. 37.

его, по возвращеніи изъ Мурома. Привезя въ Петербургъ нѣкоторые изъ характерныхъ образчиковъ, взятыхъ изъ построекъ, я сравнилъ ихъ съ деревьями и сучьями, доставленными изъ Полѣсья г. Ходоровскимъ, нашедшимъ ихъ въ современныхъ бобровыхъ постройкахъ. Образчики оказались совершенно одинаковыми, и у меня не осталось сомнѣнія, что деревянныя постройки, окружающія Плехановъ боръ, были сооружены бобрами. Въ этомъ выводѣ я вполнѣ удостовѣрился, когда вторично остановился въ имѣніи князя Л. С. Голицына, на пути изъ Воронежа и Мурома въ Кунгуръ, въ 1879 году.

Итакъ, основная, главная часть деревянныхъ сооруженій около Плеханова бора принадлежитъ бобрамъ. Постройки начинаются у западной стороны песчаныхъ холмовъ и тянутся вдоль южной ихъ стороны; продолжаясь нѣсколько далѣе восточной ихъ окраины; онѣ скрыты подъ довольно мощною толщею глинъ и песковъ. Самымъ яснымъ образомъ выступаютъ онѣ около западнаго края холмовъ; здѣсь лежатъ на нихъ слои песку и глинъ, имѣющіе толщину отъ 3 до 5 аршинъ; по направленію къ востоку слой, въ которомъ находятся постройки, утолщается и вмѣстѣ съ тѣмъ понижается относительно горизонта; слой песку, лежащій наверху, сохраняетъ одну и ту же толщину, а глинистый пластъ увеличивается въ мощности. Такъ, противъ срединной части Плеханова бора мы встрѣчаемъ такой разрѣзъ: песокъ, лежащій слоемъ въ 3 аршина толщиной, глина, сѣрая и плотная—отъ 3 до 4 аршинъ, и уже подъ ними слѣдуетъ темная глина неслоистая, вязкая, содержащая въ себѣ слѣды бобровыхъ построекъ; въ этомъ же пластѣ глины, въ нижнихъ ея частяхъ, встрѣчаются гнѣзда съ раковинами, еще нынѣ живущими въ здѣшнихъ водахъ, какъ-то: *Paludina, Planorbis, Cyclas*. Этотъ самый пунктъ въ особенности для насъ интересенъ еще потому, что въ немъ, вмѣстѣ съ бобровыми постройками, я нашелъ и самые неопровержимые слѣды человѣческихъ сооруженій: то были остатки рыболовныхъ ловушекъ съ сохранившимся деревомъ, съ рыбьими костями и пр.; эти ловушки я опишу ниже въ дальнѣйшемъ изложеніи этого очерка; здѣсь же замѣчу только, что остатки ловушекъ были погребены подъ толщею песку и глины около 2 саженъ въ вышину.

Бобровыя постройки, какъ я уже сказалъ, въ наиболѣе харак-

терномъ видѣ, находятся около западнаго конца Плеханова бора; онѣ состоятъ здѣсь изъ ряда бревенъ и древесныхъ сучьевъ, выложенныхъ въ видѣ пола; деревья уложены другъ на друга крестообразно или же вообще лежатъ однѣ надъ другими подъ нѣкоторыми острыми углами. Часто попадается дерево, лежащее вдоль нынѣшняго теченія Оки, то-есть, по направленію отъ запада къ востоку, и бо̀льшая другихъ деревьевъ опираются или лежатъ на немъ своими вершинами. Промежутки между деревьями заполнены мелкими древесными сучками, или же главнымъ образомъ, древесною листвою; листва образуетъ часто толстые слои и можетъ быть раздѣлена вдоль слоевъ такъ, что въ ней можно хорошо различать отдѣльные листья деревьевъ, частію еще сохранившіе зеленоватый оттѣнокъ, но на воздухѣ скоро чернѣющіе и получающіе торфяной или черноземный характеръ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ листва была чрезвычайно чиста, въ другихъ же перемѣшана съ иловатою грязью; заполняя промежутки между деревьями, она была въ то же время скрѣплена небольшими, до фута длиною, или нѣсколько большими сваями, пріостренными съ одного или двухъ концовъ. Сваи стояли вертикально или подъ нѣкоторымъ угломъ къ горизонтальной плоскости, по которой располагались древесные стволы и находившаяся между ними листва. Деревья и листва лежали слоемъ до одного аршина толщиною, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ толщина была больше или же меньше аршина. Большая часть деревьевъ, входившихъ въ составъ постройки, являлась въ видѣ короткихъ обрубковъ, длиной около сажени; у многихъ обрубковъ концы казались полуобожженными, деревья же, лежавшіе въ самомъ низу постройки, были какъ бы вполнѣ обгорѣлыми; первоначально такой обгорѣлый видъ деревьевъ можно было легко приписать дѣйствію огня, но принимая въ соображеніе мѣстныя условія—изобиліе окиси желѣза, пропитывающей слой съ постройками, слѣдуетъ приписать какъ бы обожженный видъ деревъ естественному разложенію или медленному обугливанію послѣ того, какъ постройки были сдѣланы. Впрочемъ въ постройкахъ встрѣчается много деревьевъ вполнѣ сохранившихся. Къ числу такихъ относится дубъ, обуглившійся только снаружи, внутри же плотный и крѣпкій; это — то, что̀ называютъ здѣсь чернымъ дубомъ. Дубъ былъ деревомъ, преобладающимъ въ сооруженіяхъ, при чемъ встрѣ-

чались деревья до одного аршина въ діаметрѣ; въ листвѣ часто можно было различать его листья, нерѣдко попадались и его желуди. Затѣмъ слѣдовали въ постройкахъ обрубки изъ осины; находились въ листвѣ листья ивъ и березы; слѣдовательно, и эти деревья входили въ составъ строительнаго матеріала. У западнаго конца холмовъ постройки находились во всей ихъ ясности на протяженіи около пятидесяти саженъ; деревья торчали здѣсь изъ береговаго обрыва; чтобъ обнаружить хотя частію видъ ихъ по направленію къ материку, мною были сдѣланы раскопки, изъ которыхъ я и вынесъ все вышесказанное. Далѣе, къ востоку, бревна появляются въ обрывѣ только мелкими группами, а не сплошными сооруженіями, какъ въ первомъ случаѣ; это, можетъ быть, потому, что водный бассейнъ, въ которомъ возводились сооруженія, былъ къ востоку отъ вышеописанной площади глубже; это послѣднее обстоятельство тѣмъ вѣроятнѣе, что самый слой почвы или темной глины, на которой и въ которой возводились сооруженія, къ востоку понижается или углубляется. Тѣмъ не менѣе, нѣтъ никакихъ причинъ думать, чтобы бобровыхъ построекъ не было около срединной и восточной части холмовъ; очевидно, что если берегъ въ этихъ мѣстахъ еще болѣе подмоется, а рѣка приблизится къ холмамъ, то и постройки обнаружатся въ такой же ясности, какъ въ вышеописанномъ пунктѣ, такъ какъ около самыхъ холмовъ бассейнъ, служившій мѣстомъ для построекъ, былъ, очевидно, мелководнѣе, что̀ и требовалось для бобровъ. Такимъ образомъ, я считаю несомнѣннымъ, что масса деревьевъ, выступающихъ въ береговыхъ обрывахъ Оки около Плеханова бора, есть остатокъ бобровыхъ построекъ; въ этомъ — какъ я уже сказалъ — убѣдило меня сравненіе привезенныхъ отсюда образчиковъ съ таковыми же изъ современныхъ бобровыхъ сооруженій. Образчиками сооруженій изъ Плеханова бора служили небольшія сваи, заостренныя съ одного или двухъ концовъ; на заостренныхъ концахъ видны зарубины, которыя я первоначально призналъ за слѣдъ какого-либо грубаго, напримѣръ, каменнаго инструмента. Сваи, вынутыя изъ построекъ, скоро теряли свой первоначальный видъ; въ особенности, если онѣ были осиновыя, какъ это преимущественно и случается; такія сваи на воздухѣ трескаются вдоль и поперекъ, а часто и разламываются; въ самыхъ же постройкахъ, если онѣ

лежали полугоризонтально, слои бываютъ сплюснуты подъ тяжестью натасканнаго въ постройки матеріала. Привезя въ Петербургъ такія сваи и размочивъ ихъ, я снова могъ уследить на нихъ зарубины съ большею или меньшею ясностью, и эти-то зарубины, также какъ и самая форма и размѣры свай, оказались тожественными съ тѣми, которыя мы видимъ на постройкахъ, производимыхъ нынѣ бобрами. Зарубины идутъ обыкновенно на концахъ свай по двѣ въ рядъ: это—слѣды бобровыхъ рѣзцовъ. Что постройки не суть случайно нанесенныя водой деревья, а именно произведеніе искусства, хотя на сей разъ боброваго, доказательствомъ можетъ служить также и то, что въ нихъ не встрѣчается цѣлыхъ деревьевъ, а также деревьевъ, достигающихъ особенно огромной величины. Между тѣмъ въ здѣшнемъ же краѣ, но не въ бобровыхъ постройкахъ, встрѣчаются горные дубы, длиною около семи или восьми саженъ; по крайней мѣрѣ одинъ такой дубъ я видѣлъ въ имѣніи князя Л. С. Голицына. Заключеніе, сдѣланное мною о бобровыхъ постройкахъ на основаніи наблюденій перваго года моего пребыванія въ имѣніи князя Л. С. Голицына, подтвердилось — какъ я уже сказалъ — вторичнымъ посѣщеніемъ этой мѣстности въ 1879 году: въ это время на сваяхъ, только что вынутыхъ изъ мѣста ихъ залеганія, я находилъ до такой же степени ясные слѣды бобровыхъ зубовъ, какъ это можно видѣть только на образчикахъ современныхъ бобровыхъ построекъ.

Разрѣшивъ вопросъ о деревянныхъ постройкахъ около Плеханова бора, я въ то же время на основаніи полученныхъ мною фактовъ пришелъ и къ тому еще заключенію, что постройки эти возводились на глазахъ человѣка, по близости отъ его жилья; на тѣхъ же водахъ, гдѣ обитали и работали бобры, плавалъ человѣкъ и ловилъ рыбу. Остается вопросъ о томъ, когда именно возводились постройки. Въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи Географическаго Общества 14-го марта 1879 года, когда я имѣлъ случай указать на значительную древность бобровыхъ построекъ около Плеханова бора, мнѣ было сдѣлано возраженіе, что бобры водились въ средней Россіи даже въ XVII столѣтіи, и что, слѣдовательно, бобровыя постройки у Плеханова бора могутъ быть и новѣйшими. Въ отвѣтъ на это возраженіе скажу, что при выводѣ своего заключенія о

древности бобровыхъ построекъ въ данномъ мѣстѣ я принималъ во вниманіе историческія данныя и зналъ рядъ фактовъ о распространеніи бобра въ Россіи въ историческія времена изъ статьи Штукенберга [1]), а также имѣлъ въ виду выводъ объ исчезновеніи бобра на сѣверѣ Россіи, высказанный мною въ моихъ „Этнографическихъ наблюденіяхъ во время поѣздки на юго-востокъ Олонецкой губерніи" [2]). Поставленное мнѣ возраженіе я не могу признать существеннымъ по слѣдующимъ причинамъ: Нынѣшнее село Степаньково нѣсколько времени тому назадъ стояло у западнаго конца Плеханова бора, какъ разъ у того мѣста, гдѣ теперь обнаружены со всею ясностью бобровыя постройки. Еще на памяти нынѣшнихъ жителей этого села Ока имѣла главное русло около праваго берега, и сравнительно въ короткій промежутокъ времени она, подмывая правый берегъ, подвинулась къ прежнему селу болѣе чѣмъ на полверсты; малу по малу она оказалась у самаго села, которое съ приближеніемъ Оки начало подвергаться частымъ наводненіямъ во время разлива рѣки, а потому жители недавно и переселились дальше отъ нея почти на версту, на материкъ. Только съ приближеніемъ рѣки къ старому селу обнажились бобровыя постройки, мною описанныя; съ самаго же основанія села Степанькова онѣ были уже скрыты подъ толщею песковъ и глинъ. Притомъ, если бассейнъ, служившій мѣстопребываніемъ бобровъ, и существовалъ передъ глазами древнихъ обитателей этой мѣстности, то во всякомъ случаѣ бобры не могли бы возводить въ немъ свои относительно гигантскія сооруженія; это было бы не возможно, потому что имъ пришлось бы работать въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ села, рядомъ съ домашними собаками, со скотомъ, и наконецъ, какъ далеко пришлось бы имъ ходить за строительнымъ матеріаломъ, за обрубками громадныхъ дубовъ? Итакъ, къ допущенію возможности совмѣстнаго существованія бобра и земледѣльческаго (русскаго?) населенія, обладавшаго прирученными животными, не представляется никакихъ основаній; слѣдовательно, возведеніе бобровыхъ построекъ мы должны отнести къ до-историческимъ временамъ; если прійдется

---

[1]) *J. Ch. Stuckenberg*, Der Biber въ St.-Peterb. Zeitung 1852 г., № 109.

[2]) Зап. по Отд. Этногр., III, стр. 384—385.

допустить болѣе тѣсное отношеніе бобра къ человѣку, то не Русскаго, а инаго племени; прійдется допустить это сосуществованіе бобра съ человѣкомъ, стоявшимъ на гораздо болѣе низкой степени культурнаго развитія, чѣмъ древніе Русскіе люди.

Въ пользу послѣдняго вывода и говорятъ всѣ полученные мною данныя; песчаные холмы, разсѣянные въ долинѣ Оки, были нѣкогда также необходимы для бобра, какъ и для человѣка; во время весеннихъ разливовъ рѣки, длящихся болѣе или менѣе продолжительно, бобръ именно на холмахъ, не заливаемыхъ водою, долженъ былъ искать себѣ спасенія, такъ какъ онъ, хоть и водный обитатель, все-таки нуждается въ сушѣ. По этой же причинѣ онъ и сооруженія свои возводилъ только около холмовъ, не заливаемыхъ водою во время половодья; по крайней мѣрѣ я не только около Плеханова бора нашелъ слѣды его построекъ, но усматривалъ ихъ и у Львинаго кургана; наконецъ, явленіе это сдѣлалось для меня поразительнымъ, когда я нашелъ остатки этихъ построекъ у холмовъ Хрѣновскихъ, лежащихъ на лѣвомъ берегу Оки, противъ села Павлова. Впослѣдствіи я видѣлъ еще рядъ бревенъ, торчавшихъ въ берегахъ рѣчки Велетьмы около холмовъ Волосовскихъ. Многіе изъ этихъ бревенъ и древесныхъ стволовъ суть также, очевидно, остатки бобровыхъ построекъ. Но въ большинствѣ другихъ случаевъ мнѣ не удалось открыть никакихъ слѣдовъ построекъ, хотя въ имѣніи князя Л. С. Голицына я осмотрѣлъ берега Оки на обширныхъ протяженіяхъ. Такимъ образомъ бобръ, возводя свои сооруженія преимущественно около холмовъ, не заливаемыхъ водой во время разлива, былъ и охранителемъ этихъ холмовъ; его постройки служили плотинами, оберегавшими холмы отъ размыванія водою. Въ томъ, что бобровыя постройки служили именно это службу, можно убѣдиться и до сихъ поръ: при современномъ отступленіи Оки отъ праваго берега она легко разрушаетъ на лѣвомъ пески и нѣсколько труднѣе—глины; но слой глины съ постройками представляетъ для размыванія наиболѣе препятствій. Такъ у западнаго конца Плеханова бора, гдѣ постройки были наиболѣе обширны,—обмыты лежащія въ окрестностяхъ глины и смыты съ построекъ пески, а между тѣмъ самыя сооруженія бобровыя остались въ большинствѣ случаевъ цѣлыми; на обмытыхъ берегахъ они являются

мысами и полуостровами. Даже тотъ пластъ черной или дымчатой глины, гдѣ обыкновенно лежатъ постройки, скоро размывается, если онъ случайно не содержитъ ихъ въ себѣ, и такимъ образомъ подмытый при основанiи, обрушивается въ воду громадными глыбами; это обрушенiе часто случалось на моихъ глазахъ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что бобръ былъ кореннымъ обитателемъ песчаныхъ холмовъ въ долинѣ Оки и окружающихъ ихъ водъ; своими постройками онъ оберегалъ эти холмы отъ размыванiя. Въ то же время на этихъ холмахъ жилъ и человѣкъ, оставившiй намъ, въ видѣ свидѣтельствъ о своемъ существованiи, массу каменныхъ орудiй, на которыя выше было указано; для человѣка каменнаго перiода бобръ былъ цѣненъ какъ охранитель холмовъ отъ разрушенiя и какъ предметъ пищи; по всей вѣроятности, именно въ теченiе каменнаго вѣка было весьма тѣсное сосуществованiе, совмѣстное пребыванiе ихъ на холмахъ. Въ пользу этого я также добылъ нѣкоторыя доказательства. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ бобровыя постройки развиты наиболѣе, именно около западной окраины Плеханова бора, мною найдены были въ нихъ, то-есть, между бревнами, листвой и сваями, человѣческiя издѣлiя. Первый предметъ—это колотушка, сдѣланная изъ дуба; она состоитъ изъ головки и черня; черень выстроганъ весьма гладко и вмѣстѣ съ головкой достигаетъ до 2 съ лишнимъ аршинъ. Колотушка напоминаетъ и современныя, употребляемыя при ловлѣ рыбы; такими колотушками, напримѣръ, въ Олонецкой губернiи хлопаютъ по водѣ, когда хотятъ, чтобы рыба шла въ неводъ, или чтобы не шла изъ него вонъ. Головка колотушки была на мѣстѣ залеганiя покрыта корой, затѣмъ на воздухѣ растрескалась. Въ разрѣзѣ, по серединѣ черня, дубъ, составляющiй колотушку, представляется чернымъ и весьма крѣпкимъ. Около того же мѣста я нашелъ деревянный обломокъ, верхняя часть котораго имѣла выемку, сдѣланную, очевидно, рукою человѣка и грубымъ орудiемъ; обломокъ этотъ есть часть столба, на которомъ, вѣроятно, должна была покоиться перекладина; этотъ столбъ долженъ былъ составлять нѣкогда часть человѣческой постройки; удивительно только, какъ обломокъ такого столба попалъ въ бобровыя сооруженiя. Кромѣ слѣдовъ весьма грубаго инструмента на выемкѣ этого деревяннаго обломка, слѣдовъ, указывающихъ на то, что онъ обдѣланъ человѣкомъ, стоявшимъ на

довольно низкой степени культуры, нашлись еще весьма интересные факты, указывающіе на время возникновенія бобровыхъ построекъ. Во время моей отлучки въ Муромъ и Карачарово князь Л. С. Голицынъ, осматривая слой почвы съ бобровыми постройками, нашелъ здѣсь между прочимъ обломокъ горшка. Этотъ обломокъ, очевидно, принадлежитъ къ каменному періоду: онъ не обожженъ, имѣетъ ямки на внѣшней сторонѣ и представляетъ совершенно тотъ же характеръ, какъ масса горшечныхъ обломковъ, встрѣчающихся вмѣстѣ съ каменными орудіями въ Плехановомъ бору; въ то же время, отъ долговременнаго пребыванія въ слоѣ, заключающемъ въ себѣ бобровыя постройки, онъ покрылся довольно толстымъ налетомъ изъ окиси желѣза. Другой горшечный обломокъ былъ найденъ лично мною при раскопкѣ бобровыхъ сооруженій; онъ лежалъ уже въ верхнемъ слоѣ, не покрытъ окисью желѣза, но носитъ тотъ же характеръ посуды каменнаго періода. Остановлюсь на послѣднемъ фактѣ, касающемся бобровыхъ построекъ и содержащаго ихъ слоя: это именно рыболовная ловушка, лежавшая подъ толщею песку и глины, и на которую я указалъ выше. Ловушка состояла изъ ряда плоскихъ палокъ, длиною до $1\frac{1}{2}$ аршина каждая; длина ихъ всѣхъ была одинакова, оба конца пріострены, палки были сосновыя и дрались отъ дерева, какъ лучины. Онѣ были расположены въ слою, содержавшемъ въ себѣ остатки бобровыхъ построекъ, въ видѣ полукруга, діаметръ котораго имѣлъ около $1\frac{1}{2}$ аршина въ длину; палки стояли одна около другой, образуя сплошной заборъ; вверху и внизу онѣ были связаны поперечными перекладинами, такъ что, стоя въ водѣ, онѣ имѣли видъ корзинки. У нынѣ живущихъ здѣсь крестьянъ до сихъ поръ существуетъ подобная рыболовная ловушка, носящая названіе *котазъ*. Она дѣлается только изъ болѣе широкихъ палокъ и образуетъ въ водѣ заборъ, въ общемъ напоминающій форму червоннаго туза. Въ томъ мѣстѣ, которое соотвѣтствуетъ острому, выдающемуся углу туза, оставляется узкій проходъ въ ловушку; этотъ проходъ бываетъ обращенъ противъ тока воды, и въ ловушку заходитъ рыба, идущая внизъ по теченію; ставится также эта ловушка при устьяхъ потоковъ, вытекающихъ изъ старицъ и озеръ. Можетъ быть, и ловушка до-историческихъ обитателей устраивалась подобнымъ же образомъ и употреблялась въ такихъ же случаяхъ. Я же

нашелъ ее уже на половину или болѣе обрушившеюся въ воду; палки, составлявшія ловушку, были покрыты сильнымъ желѣзистымъ налетомъ. Итакъ, мнѣ было очевидно при обзорѣ положенія ловушки, что она была поставлена, и въ нее попадалась рыба, а затѣмъ была забыта въ цѣломъ видѣ ея хозяиномъ. Водный бассейнъ, въ которомъ она находилась, отлагалъ грязную, вязкую, черкаго цвѣта глину, покрывъ всю ловушку слоемъ болѣе чѣмъ на полтора аршина толщиной. Затѣмъ бассейнъ исчезъ, высохъ, мѣсто расположенія ловушки начало заливаться водой только весною, во время половодья, отчего произошелъ сперва толстый слой сѣрой глины, а потомъ и толща песку въ размѣрахъ, уже указанныхъ выше. Отложенія глины происходили правильно, изъ году въ годъ, и только песокъ могъ отложиться не такъ равномѣрно; во всякомъ случаѣ для того, чтобы замыть ловушку, покрыть ее толщами глины и песку, нужно допустить громадный промежутокъ времени, уходящій далеко за предѣлы историческаго періода. Однако я не сказалъ еще главнаго: внутри полукруга, образуемаго ловушкой, я нашелъ почернѣвшія кости рыбъ; то были кости рыбъ карповыхъ, въ родѣ леща и язя, также кости окуня, ерша и щуки. Слѣдовательно, ловушка была оставлена въ цѣлости, въ нее попались рыбы и уже не могли найдти изъ нея выхода,—таинственный же хозяинъ ея почему-то забылъ свое сооруженіе, не пришелъ взять попавшихся въ ловушку плѣнниковъ, и тѣмъ невольно оказалъ услугу современной наукѣ. Какъ остатки ловушки, такъ и кости погибшихъ въ ней рыбъ, я вырылъ въ присутствіи князя Л. С. Голицына, и все это хранится теперь въ антропологическомъ музеѣ Академіи Наукъ. Любопытно еще и то обстоятельство, что ловушки, подобныя вышеописанной, возводились во многихъ другихъ мѣстахъ, и именно—одновременно съ тою эпохой, когда бобры занимались ихъ постройками. Такъ въ бобровыхъ постройкахъ около Хрѣновскихъ холмовъ, противъ села Павлова, я находилъ обломки такихъ же палокъ, совершенно одинаковыхъ размѣровъ, обдѣланныхъ тѣмъ же способомъ, какъ это видно на палкахъ, составлявшихъ вышеописанную рыболовную ловушку около Плеханова бора.

Такимъ образомъ, на основаніи всего сказаннаго, приходится съ наибольшею вѣроятностью остановиться на предположеніи, что

бобры строили свои сооруженія одновременно съ человѣкомъ, жившимъ на холмахъ Плеханова бора, дѣлавшимъ каменныя орудія, и вѣроятно, какъ бобръ, такъ и человѣкъ, спасались на этихъ холмахъ во время рѣчныхъ разливовъ: то же самое теперь дѣлаютъ зайцы и водяныя полевки; однимъ словомъ, существуетъ большое вѣроятіе предполагать, что бобръ, какъ умное животное, какъ искуснѣйшій въ своемъ родѣ архитекторъ и какъ охранитель холмовъ отъ размывовъ, пользовался покровительствомъ человѣка. Человѣкъ каменнаго періода жилъ въ дружбѣ съ бобромъ, имѣлъ въ немъ какъ бы домашнее животное. Такое предположеніе встрѣчало уже, и конечно, встрѣтитъ еще многихъ противниковъ; однакоже меня привелъ къ нему весь запасъ, хотя можетъ быть—ч ограниченный, собранныхъ мною лично данныхъ. Наконецъ, я прибѣгну къ обычному методу—сравнительному: укажу на Американскихъ Индѣйцевъ, еще нынѣ живущихъ. Въ ихъ бытѣ не разъ уже усматривали множество чертъ, общихъ съ многими вымершими дикими племенами. И на этотъ разъ мы найдемъ у нихъ явленіе, подкрѣпляющее вѣроятность сдѣланнаго мною вывода касательно отношеній человѣка каменнаго вѣка и бобра въ долинѣ Оки. У Брэма читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „Бобры, пойманные въ молодости, очень легко приручаются. У путешественниковъ, ѣздившихъ по Америкѣ, читаемъ много разказовъ о бобрахъ, которыхъ они встрѣчали въ индѣйскихъ деревняхъ, почти какъ домашнихъ животныхъ, или которыхъ приручили сами. „Я не видѣлъ ничего въ этихъ деревняхъ“ говоритъ Ла-Гонтанъ,—„замѣчательнѣе бобровъ, ручныхъ не менѣе собаки и спокойно живущихъ въ ручьяхъ или въ садкахъ. Они иногда по цѣлому году не ходятъ въ воду, хотя и не принадлежатъ къ собственно такъ-называемымъ земнымъ бобрамъ, которые ходятъ къ ручью только пить, и по мнѣнію дикихъ, изгоняются другими бобрами за лѣность“. Гирне видѣлъ много бобровъ до того ручныхъ, что они приходили на его зовъ, бѣгали за нимъ какъ собаки и радовались, когда онъ ихъ ласкалъ. По видимому, имъ очень хорошо въ обществѣ индѣйскихъ женщинъ и дѣтей. Они даже выказываютъ безпокойство, когда долго не видятъ своихъ хозяевъ; радуются ихъ возвращенію, прыгаютъ имъ на грудь, ложатся на спину, ёжатся, словомъ—повторяютъ всѣ тѣ жесты, которыми собака выражаетъ свою радость при возвращеніи хозяина.

Въ комнатѣ бобры держутъ себя чистоплотно и всегда ходятъ испражняться лѣтомъ въ саду, а зимою на ледъ. Они ѣдятъ то же, что̀ и люди, между прочимъ очень охотно рисовый пуддингъ съ изюмомъ, рыбу и мясо, хотя эта пища столько же несвойственна имъ, сколько лошадямъ и коровамъ, которыхъ на крайнемъ сѣверѣ Америки и Европы кормятъ даже рыбьими головками и другими подобными веществами. Клейнъ тоже приручилъ себѣ бобра, который слѣдовалъ за нимъ какъ собака и искалъ его, когда онъ уходилъ. У Бюффона былъ канадскій бобръ, прожившій у него нѣсколько лѣтъ, и въ первое время всегда на сушѣ; хотя бобръ Бюффона не выказывалъ привязанности ни къ кому, но былъ вообще кротокъ и дозволялъ брать и носить себя, за столомъ жалобнымъ пискомъ и движеніемъ лапы просилъ подачки, и если ему что-нибудь давали, то уносилъ и ѣлъ гдѣ-нибудь въ углу. Принцъ Максъ фонъ-Видъ нашелъ русскаго бобра въ фортѣ Уніоѣ. Бобръ этотъ былъ длиною фута въ четыре, съ двухгодовалую свинью, но слѣпъ. Онъ бѣгалъ по всему дому и былъ весьма довѣрчивъ къ знакомымъ людямъ, незнакомыхъ же пытался укусить“ [1]).

Изъ этой цитаты явствуетъ, что бобръ имѣетъ всѣ способности къ тому, чтобы быть животнымъ прирученнымъ, другомъ и спутникомъ человѣка; вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что этою способностью бобра воспользовались первобытные обитатели Америки въ такой степени, что домашніе бобры въ деревняхъ Краснокожихъ Индѣйцевъ составляютъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій, поражающихъ наблюдателей. Вообще, первобытные народы и до сихъ поръ обнаруживаютъ стремленіе приручать, одомашнивать даже такихъ животныхъ, какъ хищники, если только они являются сколько-нибудь полезными; я хорошо убѣдился въ этой наклонности первобытныхъ жителей на Остякахъ, воспитывающихъ дома молодыхъ песцовъ, лисицъ и даже соболей. У тѣхъ же Остяковъ существуютъ обычаи, покровительствующіе размноженію полезныхъ животныхъ—въ виду той же личной выгоды: это—охота на лося, преимущественно только по насту въ извѣстныхъ опредѣленныхъ родовыхъ угодьяхъ, а также промыселъ на соболя осенью и раннею весной, но не лѣтомъ. Обычаи эти складываются естественно, подъ вліяніемъ характера

---

[1]) *Бремъ*, Иллюстрированная жизнь животныхъ, II, 170.

природы. Именно эти-то естественныя условія и могли вызывать покровительство бобру среди первобытныхъ жителей долины Оки: разливъ рѣки естественно сближалъ умнѣйшаго изъ грызуновъ съ человѣкомъ. Островитяне долины Оки стояли уже на высшей степени культурнаго развитія, возможнаго въ каменный періодъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя ихъ издѣлія. Направляясь къ Волосову и Мурому, я укажу здѣсь на двѣ стрѣлы, найденныя мною на Хрѣновскихъ холмахъ; эти наконечники, изображенные на т. VII, фф. 1 и 2, сдѣланы изъ прозрачнаго бѣлаго съ розоватыми прожилками кремня; они представляютъ верхъ изящества по формѣ и отдѣлкѣ.

2.

Окрестности Волòсова.

Мой пріѣздъ въ Карачарово и первыя экскурсіи.—Вѣроятное происхожденіе песчаныхъ холмовъ, служившихъ мѣстопребываніемъ жителямъ каменнаго вѣка около Мурома.—Вѣроятная одновременность происхожденія этихъ холмовъ съ Плехановымъ боромъ.—Волосово какъ пунктъ самый богатый остатками каменнаго вѣка.—Могилы каменнаго вѣка. — Человѣкъ на основаніи его череповъ, вырытыхъ изъ могилъ.—Шлифованныя орудія изъ камня. — Копья и стрѣлы. — Скребки, шилья и пилы.—Костяныя орудія и глиняная посуда. — Костяныя орудія, характеризующія нравственную сторону жителей каменнаго вѣка.—Растительность и животныя, окружавшія человѣка каменнаго періода позднѣйшей эпохи.

Волòсово—небольшая крестьянская деревенька, расположенная въ долинѣ Оки; быть можетъ, она получила свое названіе отъ того, что въ древности служила мѣстомъ поклоненія славянскому божеству Волòсу. Село Карачарово не менѣе знаменито, какъ родина перваго и главнѣйшаго героя въ русскомъ народномъ эпосѣ, стараго богатыря Ильи Муромца. Оба поселенія находятся недалеко отъ города Мурома. 21-го іюня 1878 года я пріѣхалъ сюда и остановился въ усадьбѣ графа А. С. Уварова, въ палатахъ роскошнѣйшаго зданія, расположеннаго около села Карачарова. Я нашелъ здѣсь графа А. С. Уварова и его супругу, а также профессора В. Б. Антоновича, въ полной дѣятельности; они ежедневно производили археологическія раскопки, какъ около Карачарова, такъ и въ окрестностяхъ Волòсова. На другой же день послѣ моего пріѣзда экскурсіи и раскопки въ разныхъ мѣстахъ начали повторяться цѣлою

дружною компаніей, которая раздѣлялась только въ томъ случаѣ, если графъ А. С. Уваровъ съ его спутниками предпринималъ раскопки, касающіяся болѣе новыхъ временъ, чѣмъ каменный вѣкъ. Я же старался по преимуществу сосредоточить свое вниманіе на памятникахъ каменнаго періода и предпринималъ тогда экскурсіи въ свойственномъ мнѣ одиночествѣ. Въ усадьбѣ у высокоуважаемаго мною ея хозяина, вмѣстѣ съ самымъ радушнымъ гостепріимствомъ, я нашелъ уже богатыя коллекціи изъ Волосова и окрестностей Карачарова, частію только что собранныя, частію же добытыя болѣе чѣмъ годъ тому назадъ и уже совершившія путешествіе на археологическій съѣздъ въ Казани. Въ коллекціи графа А. С. Уварова я нашелъ предметы, начиная съ принадлежностей быта жившаго здѣсь нѣкогда финнскаго народца Муромы и проходя позднѣйшій неолитическій періодъ каменнаго вѣка до предметовъ глубочайшей древности, эпохи мамонта. И можетъ быть, прежде чѣмъ настоящій отчетъ будетъ готовъ и появится въ печати, темная до сихъ поръ до-историческая эпоха существованія человѣка въ здѣшнемъ краѣ будетъ освѣщена надлежащимъ свѣтомъ, благодаря трудамъ графа А. С. Уварова. Я пріѣхалъ въ Карачарово, какъ гость, приглашенный посмотрѣть уже на распаханную ниву; тѣмъ не менѣе, я считаю необходимымъ, въ связи съ предшествующими и послѣдующими наблюденіями, коснуться здѣсь тѣхъ явленій по изслѣдованію до-историческаго быта, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, и на основаніи тѣхъ матеріаловъ, которые находятся въ настоящее время въ моихъ рукахъ.

Долина Оки въ окрестностяхъ Мурома представляетъ также значительное расширеніе; только форма береговъ является здѣсь въ обратномъ видѣ сравнительно съ тѣмъ, что̀ я замѣтилъ уже около Львинаго кургана и Плеханова бора. Вмѣсто праваго берега, около Мурома возвышенъ лѣвый; на немъ расположенъ и самый городъ, также какъ нѣсколько южнѣе село Карачарово. Напротивъ того правый берегъ здѣсь луговой, низменный и большею частью заливной. Но и здѣсь, среди заливной равнины, существуютъ песчаные холмы, являющіеся островами во время половодья, разлива Оки. Нѣкоторые изъ этихъ холмовъ донынѣ служатъ мѣстомъ жительства для человѣка; на нихъ до сихъ поръ живетъ населеніе, настроившее большей или меньшей величины

деревеньки. На тѣхъ же холмахъ находятся и слѣды пребыванія древнихъ, до-историческихъ обитателей, людей каменнаго вѣка. Впрочемъ, прежде чѣмъ остановиться на этихъ поселеніяхъ, я долженъ сказать, что Ока, пройдя Муромъ, оставляетъ лѣвый берегъ и поворачиваетъ на востокъ, затѣмъ снова идетъ на сѣверъ, и наконецъ, образуя рядъ петель и старицъ, направляется на сѣверо-востокъ. Такимъ образомъ мѣста поселенія, какъ древнѣйшихъ, такъ и современныхъ жителей, встрѣчаются и на лѣвомъ берегу Оки, въ заливной равнинѣ. Вообще, около Мурома мы имѣемъ такую же котловину, какъ и около Львинаго кургана и Плеханова бора. Можно было бы даже сказать, что это расширенное пространство въ долинѣ Оки есть остатокъ древняго, озернаго бассейна, а песчаные холмы, служившие мѣстопребываніемъ первобытному человѣку, суть дюнныя образованія этого теперь исчезнувшаго водоема. Однако я считаю необходимымъ принять во вниманіе и дѣятельность рѣкъ, впадающихъ въ Оку, и именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ея долина изобилуетъ старицами, изгибами и наконецъ песчаными холмами. Такія рѣки, входя въ долину Оки, должны значительно измѣнять или даже расширять ее; въ мѣстахъ впаденія рѣкъ въ Оку, нужно ожидать у нихъ нѣчто въ родѣ дельты, которая должна обозначаться въ изобиліи старицъ, протоковъ и небольшихъ озеръ; вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь именно и нужно ожидать озерно-рѣчныхъ образованій, въ родѣ тѣхъ, которыя какъ прежде, такъ и нынѣ, послужили мѣстомъ жилья для человѣка. Подобную картину мы видимъ дѣйствительно около Мурома; здѣсь почти прямо съ востока, подъ прямымъ угломъ къ долинѣ, справа напираютъ на Оку двѣ рѣки: первая—Велетьма, не особенно значительная, вторая рѣка, болѣе многоводная—Тёша. Вліяніе этихъ притоковъ на долину Оки должно быть въ особенности замѣтно во время разлива или половодья; въ этотъ періодъ времени вода, заполняющая Окскую долину, должна оказывать сопротивленіе водамъ, приносимымъ названными притоками Оки; она будетъ нажимать приточныя воды къ материку, а въ силу этого притоки Тёша и Велетьма будутъ болѣе или менѣе значительно подмывать материковый берегъ и расширять долины свои при устьяхъ. Въ свою очередь воды, приносимыя Тёшей и Велетьмой, должны напирать и оказывать давленіе на воды, заполняющія долину Оки, и этотъ-то напоръ бу-

детъ, конечно, прежде всего отражаться на лѣвомъ берегу Оки. Затѣмъ, побочные притоки будутъ прижимать главную рѣку къ лѣвому берегу еще и потому, что они наносятъ къ своимъ устьямъ пески и глины. Такимъ именно мѣстнымъ вліяніемъ проточныхъ водъ можно объяснить, почему Ока, около Мурома, держится лѣваго берега, и почему этотъ послѣдній является здѣсь возвышеннымъ, а правый низменнымъ, тогда какъ самая Ока и большая часть другихъ рѣкъ представляютъ въ своихъ берегахъ явленіе обратное. Но нѣсколько сѣвернѣе Мурома долина Оки получаетъ нормальный видъ, въ особенности съ того мѣста, гдѣ она принимаетъ слѣва рѣку Ушну. Ушна течетъ съ сѣверо-запада и при впаденіи въ главную рѣку, конечно, должна напирать ея воды вправо. При впаденіи Ушны Ока образуетъ въ своей долинѣ рядъ петель, протоковъ и старицъ, затѣмъ немного ниже устья послѣдняго притока подходитъ къ правому, нагорному берегу, и оставляя лѣвый низменнымъ, изчезаетъ на сѣверо-востокъ. Вообще, вліяніе притоковъ на видъ долинъ главныхъ рѣкъ, въ мѣстахъ впаденія этихъ притоковъ, всегда должно было выражаться съ большею или меньшею ясностью; весьма вѣроятно, что съ этимъ именно вліяніемъ связано происхожденіе низменностей, часто сырыхъ и болотистыхъ, лежащихъ къ западу отъ Нижняго Новгорода, между Волгой и лѣвымъ берегомъ Оки.

И такъ, происхожденіе холмовъ, служившихъ мѣстомъ жительства для людей каменнаго вѣка въ долинѣ Оки въ окрестностяхъ Мурома, почти то же самое, что̀ и холмовъ Плеханова бора и Львинаго кургана, съ тою только разницей, что въ образованіи холмовъ около Мурома участвовали, вѣроятно, не столько стоячія озерныя воды, сколько рѣчныя. Весьма также вѣроятно, что происхожденіе холмовъ той и другой мѣстности—болѣе или менѣе одновременно. Очевидно наконецъ и то, что холмы, не заливаемые водою въ долинѣ Оки, въ разныхъ частяхъ теченія рѣки были обитаемы человѣкомъ въ одинъ и тотъ же періодъ времени, болѣе или менѣе отъ насъ отдаленный: во время каменнаго вѣка долина Оки, можно сказать, была населена довольно густо, и самыя поселенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ были весьма значительны. Какъ и въ имѣніи князя Л. С. Голицына, въ окрестностяхъ Мурома существовало нѣсколько мѣстностей, служившихъ мѣстомъ

обитанія первобытнымъ людямъ. На нѣкоторыхъ мѣстахъ человѣкъ пребывалъ, вѣроятно, временно; таковъ, напримѣръ, небольшой холмъ, лежащій между Волосовымъ и Муромомъ по правому берегу Оки; нѣсколько такихъ же холмовъ находится и къ сѣверу отъ Мурома по лѣвому берегу Оки; нѣкоторые изъ нихъ нынѣ полуразрушены; на такихъ холмахъ намъ приходилось всегда находить остатки каменнаго вѣка, по крайней мѣрѣ въ видѣ кремневыхъ обломковъ и остатковъ глиняной посуды; упомяну еще о Маломъ Окуловѣ.

Безспорно однакоже то, что Волосово есть самый интересный и богатый остатками слѣдовъ до-историческаго человѣка пунктъ въ окрестностяхъ Мурома. Это зависитъ отъ того, что холмы, на которыхъ расположено село, раскинуты на довольно обширномъ пространствѣ. На одной изъ окраинъ, южной, расположено Волосово, на другой, верстахъ въ двухъ, на сѣверной, лежитъ деревенька Угольнова. Довольно плоскіе холмы покрыты по большей части сосновымъ лѣсомъ, который, къ сожалѣнію, въ послѣднее время безпощадно вырубается. Иногда пологія ложбинки между холмами заполнены небольшими озерками. До-историческій человѣкъ жилъ нѣсколько сѣвернѣе Волосова, на западномъ краѣ холмовъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣчка Велетьма приступаетъ къ нимъ, подмывая ихъ въ той или другой степени. Здѣсь именно были произведены раскопки, какъ лично нами, такъ и мѣстными жителями, которые, узнавъ цѣну каменнымъ орудіямъ, пустились конкуррировать съ археологами. Но мѣстные жители пользуются въ особенности тѣмъ случаемъ сбора орудій, *когда эти послѣднія обнаруживаются* весной, послѣ разрушенія части холмовъ вслѣдствіе размывовъ. Вообще говоря, внѣшность Волосовскихъ холмовъ не подвергалась такимъ измѣненіямъ, какъ Плехановъ боръ; пески, составляющіе основную составную часть холмовъ, не переносились вѣтрами; разрушеніе *холмовъ началось только въ недавнее время*, съ наступившею вырубкой лѣса. Поверхность холмовъ покрыта растительнымъ слоемъ, толщина котораго въ низинахъ болѣе значительна, чѣмъ на вершинахъ холмовъ. Растительный слой имѣетъ наибольшую толщину въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жилъ до-историческій человѣкъ; *это послѣднее обстоятельство зависитъ, очевидно*, и отъ того, что въ мѣстахъ поселенія жителей каменнаго вѣка собранъ всевозможный мусоръ—кости, угли, пепелъ; сюда снесенъ человѣ-

ческими руками разнообразный запасъ органическихъ остатковъ. Въ мѣстахъ древнихъ поселеній самая почва или растительный слой имѣетъ черный цвѣтъ и представляетъ характеръ тучнаго чернозема, между тѣмъ какъ въ мѣстахъ, не служившихъ для человѣческаго жилья, почва болѣе тощая, часто сѣроватая. Вообще тамъ, гдѣ человѣкъ жилъ въ древнія времена, почва пріобрѣла черный или темный цвѣтъ еще и потому, что съ исчезновеніемъ человѣка на ней произростала, вѣроятно, болѣе богатая травянистая растительность. Въ нормальномъ слоѣ почвы принадлежности каменнаго вѣка залегаютъ обыкновенно не на большой глубинѣ, такъ какъ самая толщина слоя измѣняется отъ одной до полутора четвертей аршина и много до двухъ. Почва на Волŏсовскихъ холмахъ по какимъ-то причинамъ болѣе благопріятствовала сохраненію различныхъ принадлежностей до-историческаго быта, чѣмъ, напримѣръ, почва на Плехановскихъ холмахъ,—это касается главнымъ образомъ костей и различныхъ издѣлій изъ нихъ. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь не только сохранились различной величины кости, но часто даже мельчайшія издѣлія. Считая однакоже слои почвы или растительнаго слоя, содержащіе въ себѣ остатки каменнаго вѣка на холмахъ Волŏсовскихъ, сравнительно съ таковыми же слоями холмовъ Плеханова бора, я полагаю, что обитатели, оставившіе въ почвѣ принадлежности своего быта, жили на этихъ холмахъ болѣе или менѣе одновременно. Поэтому и научный матеріалъ, добываемый изслѣдователями въ той и другой мѣстностяхъ, по отношенію къ возстановленію быта вымершихъ здѣсь народовъ, можетъ взаимно пополнять другъ друга. Волŏсовскіе холмы и должны быть въ особенности интересны по изобилію сохранившагося въ нихъ остеологическаго матеріала и костяныхъ издѣлій; эти остатки дорисовываютъ намъ ту картину природы, которая была тогда открыта предъ глазами человѣка; вмѣстѣ съ тѣмъ костяныя издѣлія показываютъ, что давно вымершіе обитатели долины Оки съ такимъ же совершенствомъ обдѣлывали кости различныхъ млекопитающихъ и рыбъ, какъ и различныхъ видовъ камни, отъ кремня и сланца до песчаника. Вообще же, по изобилію остатковъ человѣческой дѣятельности въ почвѣ Волŏсовскихъ холмовъ, видно, что человѣкъ жилъ здѣсь весьма продолжительное время; здѣсь онъ изготовлялъ принадлежности своего быта, здѣсь, напри-

мѣръ, обивалъ кремневыя орудія, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленные кремневые осколки; здѣсь, очевидно, варилъ пріобрѣтенную имъ съѣдомую добычу, что̀ ясно по массѣ горшечныхъ обломковъ. Всѣ эти и имъ подобные памятники его пребыванія здѣсь разсѣяны въ почвѣ, начиная съ глубины нѣсколькихъ вершковъ до самыхъ нижнихъ ея предѣловъ. Но мало того, мы встрѣчаемся здѣсь съ однимъ обстоятельствомъ, еще болѣе поразительнымъ по двойному его интересу. Мы убѣждаемся, что человѣкъ не только пребывалъ весьма продолжительное время въ томъ мѣстѣ, гдѣ оставилъ массу памятниковъ своей жизни, но что здѣсь же послѣ своихъ, можетъ быть—весьма тяжелыхъ трудовъ онъ и кончалъ свое существованіе, какъ это свойственно всякому смертному созданію. По археологическимъ даннымъ мы видимъ, что покойниковъ тогда хоронили, и притомъ какъ разъ около того мѣста, гдѣ, по видимому, сосредоточивалась самая дѣятельная жизнь людей, остававшихся въ живыхъ.

Въ томъ самомъ мѣстѣ на западной сторонѣ Воло́совскихъ холмовъ, гдѣ находятся остатки каменнаго вѣка въ наибольшемъ изобиліи, и гдѣ рѣка Велетьма подмываетъ холмы во время разлива, крестьяне нерѣдко послѣ спада водъ видали человѣческіе черепа. Черепа, очевидно, вымывались изъ холмовъ, образовавшихъ въ пунктахъ, подверженныхъ размыву, болѣе или менѣе значительные обрывы. Въ мѣстахъ, ближайшихъ къ селу Воло́сову, холмы наиболѣе возвышены; поэтому здѣсь и обрывы столько же высоки, сколько круты; далѣе на сѣверъ, внизъ по теченію Велетьмы, холмы, а вмѣстѣ съ ними и обрывы, понижаются; и здѣсь-то именно и сосредоточены всѣ археологическія богатства. Еще ранѣе моего пріѣзда графъ А. С. Уваровъ уже производилъ здѣсь раскопки, давшія весьма поучительные результаты; но въ настоящемъ очеркѣ я коснусь только того, что̀ произошло на моихъ глазахъ. Именно тамъ, гдѣ крестьяне замѣчали нерѣдко вымытые черепа людей послѣ разлива рѣкъ, было усмотрѣно измѣненіе въ толщинѣ растительнаго слоя, содержащаго въ себѣ каменныя орудія. Противъ обыкновенія слой черной земли уходилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ глубину въ формѣ конуса, основаніе котораго находилось на поверхности почвы, а въ глубинѣ лежала его нѣсколько притупленная вершина. Высота подобнаго конуса доходила приблизительно до $1^1/_2$ —

2 аршинъ; его діаметръ у поверхности почвы или основанія достигалъ $1\frac{1}{2}$ аршина, а около вершины этотъ діаметръ не уходилъ болѣе какъ за $\frac{3}{4}$ или за одинъ аршинъ протяженія. Имѣя въ виду въ данныхъ случаяхъ уклоненіе распредѣленія черной земли на поверхности холмовъ отъ нормы и принимая во вниманіе то, что она въ нѣкоторыхъ случаяхъ уходила въ глубину коническими гнѣздами, неизбѣжно приходилось допустить, что въ мѣстахъ съ наиболѣе утолщеннымъ слоемъ черной земли были сдѣланы первоначально искуственныя ямы, болѣе широкія въ высотѣ и узкія въ глубинѣ. Рядъ раскопокъ показалъ, что дѣйствительно, въ наносахъ, составляющихъ холмы, были сдѣланы первоначально ямы рукой человѣка, и что затѣмъ тотъ же человѣкъ засыпалъ эти ямы, сравнялъ ихъ съ поверхностью холмовъ, не обозначивъ никакимъ знакомъ, ни насыпью, ни грудой камней того, что́ онъ оставилъ въ глубинѣ земли. Изъ раскопокъ сдѣлалось очевиднымъ, что человѣкъ именно каменнаго вѣка, а не какого-либо другаго, оставилъ въ вырытыхъ имъ, а затѣмъ засыпанныхъ ямахъ слѣды своихъ ощущеній, обычаевъ, обстановки: здѣсь онъ хоронилъ покойниковъ; онъ отправлялъ умершихъ въ вѣчность съ тѣми же чувствами, которыя знакомы и современнымъ обитателямъ земнаго шара различныхъ племенъ и самыхъ разнообразныхъ степеней культурнаго развитія, начиная отъ дикарей до представителей всѣхъ высокоцивилизованныхъ расъ. Вмѣстѣ съ чувствомъ скорби, человѣкъ каменнаго вѣка зарывалъ въ землю съ покойникомъ все лучшее его достояніе; поступая такимъ образомъ, онъ, какъ и современные люди, готовилъ научную пищу для кропотливыхъ археологовъ. Правда, небогатъ былъ доисторическій обитатель Окской долины. Почва, заполняющая могилу, составляетъ какъ бы продолженіе растительнаго слоя въ глубину; въ ней содержатся кремневые обломки, глиняные черепки, разбитыя кости и угли. Все богатство сосредоточено обыкновенно на днѣ могилы; оно состояло изъ болѣе или менѣе цѣлаго человѣческаго черепа, около котораго находились остатки глинянаго горшка и притомъ непосредственно лучшій экземпляръ кремневой стрѣлы или копья. Вообще, разсматривая могилы, легко можно было прійдти къ тому заключенію, что покойники до-историческихъ обитателей сжигались, хотя невполнѣ сохранялась преимущественно голова умершаго, которая и оставля-

лась на днѣ могилы; самое сожиганіе происходило, вѣроятно, надъ могилою, такъ какъ, судя по формѣ этой послѣдней, цѣлый человѣческій трупъ не могъ помѣститься цѣликомъ на днѣ ея. Случалось, вѣроятно, и такъ, что сгоралъ цѣлый трупъ съ головой, и тогда, можетъ быть, только прахъ покойнаго оставался на днѣ могилы. По крайней мѣрѣ встрѣчались могилы безъ всякихъ костей человѣческаго скелета; были и такія, въ которыхъ находились только части черепа, напримѣръ, нижнія челюсти или лобныя кости. Оставивъ на днѣ могилы прахъ или какіе бы то ни было остатки тѣла умершаго, въ особенности болѣе или менѣе цѣлый черепъ, положивъ туда глиняную посудину, можетъ быть, съ какимъ-нибудь яствомъ и лучшее орудіе умершаго, жители каменнаго вѣка зарывали могилу землей, частію ранѣе вырытою, частію взятою съ поверхности. Какъ сожженіе покойника, такъ и засыпаніе могилы землей сопровождалось, вѣроятно, пиромъ или тризной; можетъ быть, лучшая добыча сносилась къ могиламъ и съѣдалась людьми въ память умершаго. Добыча состояла преимущественно изъ звѣрей, которыхъ мясо шло въ пищу, кости же, между которыми трубчатыя разбиты, бросались или непосредственно въ могилу, или же попадали туда вмѣстѣ съ лежавшею около нея землей. Похоронныя почести отдавались въ одинаковой степени какъ мужчинѣ, такъ и женщинѣ: по крайней мѣрѣ между остатками мужскихъ череповъ найденъ въ одной изъ могилъ обломокъ, очевидно, принадлежащій женщинѣ. Когда всѣ обряды кончались, могила вся засыпалась землей и сравнивалась съ общею поверхностью окрестности. По этому отсутствію всякаго знака на могилахъ умершихъ, обитатели Волосовскихъ холмовъ вполнѣ сходствуютъ съ жителями каменнаго вѣка, оставившими слѣды своего пребыванія около села Фатьянова, въ Ярославской губерніи. Эти послѣдніе также хоронили умершихъ, но не сожигали труповъ, поэтому тамъ и встрѣчались черепа вмѣстѣ со скелетами; съ другой стороны, они, можетъ быть, и праздновали тризну, но уже тогда, когда могила была зарыта тою же свѣжею, только что вырытою землей; зарывая могилу, они не дѣлали надъ нею насыпи; по всѣмъ этимъ причинамъ, а въ особенности потому, что земля, которою засыпалась могила, не была перегорѣлою, въ ней не содержалось остатковъ пищи, напримѣръ, костей; могилы въ Фатьяновскомъ кладбищѣ не имѣютъ ни-

какихъ рѣзкихъ отличій въ разрѣзахъ отъ естественной почвы [1]). Итакъ, въ двухъ различныхъ пунктахъ Россіи жители каменнаго вѣка предавали покойниковъ, землѣ но при этомъ похоронные обряды ихъ были различны,—общее же въ этихъ обрядахъ то, что въ обоихъ случаяхъ люди не дѣлали насыпей.

Похоронные обряды, несомнѣнно существовавшіе у жителей каменнаго вѣка, обитавшихъ на Волосовскихъ холмахъ, указываютъ на то, что у нихъ уже были болѣе или менѣе развиты чувства личной и семейной привязанности, а также и на то, что они уже были знакомы съ нѣкоторою много или мало развитою формой общественной жизни. Благодаря именно этимъ обрядамъ, мы можемъ, хотя въ общихъ чертахъ, освѣтить образъ древнѣйшихъ Волосовскихъ жителей, точно также, какъ можемъ составить себѣ приблизительное понятіе о окружавшей ихъ тогда природѣ. При раскопкахъ около Волосова все относившееся непосредственно до человѣка, какъ-то: части его скелета, наиболѣе характерныя орудія, поступало въ распоряженіе графа А. С. Уварова; на мою же долю, какъ зоолога, выпадали всѣ кости различныхъ животныхъ, бывшихъ, очевидно, спутниками до-историческому человѣку. Прежде чѣмъ останавливаться на послѣднихъ, я приведу здѣсь данныя, касающіяся непосредственно самого человѣка. Изъ Волосовскаго кладбища были добыты: одинъ полный человѣческій черепъ, остатки двухъ другихъ и нѣсколько костей скелета; само собою разумѣется, что человѣческій черепъ былъ наиболѣе интереснымъ пріобрѣтеніемъ: въ немъ сосредоточивалась мысль до-историческаго обитателя, въ немъ заключалась кладовая для его знанія и изобрѣтательности; изъ него исходили нити, управлявшія рукою человѣка при выдѣлкѣ его домашнихъ принадлежностей, говоря относительно—уже довольно совершенныхъ, способныхъ играть свою роль во время промысловъ, при столкновеніяхъ съ врагомъ или съ товарищами и союзниками. Судя по найденному черепу, можно сказать, что житель каменнаго вѣка носилъ уже вполнѣ, по своей внѣшности, человѣческій образъ, хотя, можетъ быть, въ складѣ его внутренней,

---

[1]) См. мою статью о кладбищѣ каменнаго вѣка близъ дер. Фатьяновой — въ Изв. Общ. люб. естествозн., антропол. и этногр., т. XXXV. Антропологич. выставка, I, стр. 119.

нравственной жизни было еще много грубаго, первобытнаго, какъ это встрѣчается между дикарями и до сихъ поръ. Черепъ жителя каменнаго вѣка Окской долины не имѣетъ никакихъ рѣзкихъ отличій отъ черепокъ многихъ нынѣ живущихъ народовъ; онъ былъ переданъ графомъ А. С. Уваровымъ для ближайшаго изслѣдованія состоящему при Московскомъ университетѣ А. А. Тихомірову, который пришелъ къ тому заключенію, что названный черепъ „по большинству своихъ признаковъ стоитъ ближе къ черепамъ ближайшей къ намъ культуры, чѣмъ къ другимъ черепамъ каменнаго вѣка, взятымъ изъ другихъ мѣстъ". Сравнивая этотъ черепъ съ черепами каменнаго вѣка изъ западной Европы и изъ Россіи отъ курганнаго періода, изслѣдователь говоритъ: „Волосовскій черепъ всѣхъ ближе къ среднеголовому черепу изъ кургановъ Смоленской губерніи Юхновскаго уѣзда. Сходство это выражается какъ въ указателяхъ, такъ и въ значительномъ большинствѣ абсолютныхъ цифръ". Какъ ни малы вообще отличія череповъ каменнаго вѣка, даже если они относятся къ самому древнему его періоду, тѣмъ не менѣе Волосовскій черепъ во многихъ отношеніяхъ представляетъ замѣтную разницу по сравненію съ черепами западно-европейскими, тогда какъ отъ курганнаго черепа онъ разнится только по формѣ носоваго отверстія [1]). Тотъ же черепъ изображенъ въ разныхъ видахъ фотографически А. П. Богдановымъ въ описаніи краніологическаго отдѣла бывшей въ 1879 году въ Москвѣ антропологической выставки. Не останавливаясь на довольно подробной характеристикѣ черепа, которая сдѣлана въ сопровождающемъ изображенія текстѣ и можетъ имѣть значеніе при сравненіи съ другими черепами, я приведу только слѣдующія слова уважаемаго автора: „Впрочемъ на выставкѣ, благодаря графу А. С. Уварову, находится черепъ, который можно отнести къ протоисторическимъ народамъ, населявшимъ Россію въ древнѣйшую эпоху каменнаго вѣка, можетъ быть—къ современникамъ исчезнувшаго мамонта и носорога. Такихъ протоисторическихъ племенъ теперь дознано нѣсколько въ западной Европѣ, и подъ этимъ именемъ слѣдуетъ подразумѣвать такія пле-

[1]) Изв. Имп. Общ. люб. естествозн., антропол. и этногр., т. XXXV. Антропологъ. выставка, III, 5—6.

мена, кои жили въ столь отдаленную эпоху, что она вполнѣ по условіямъ своего быта была первобытною. О такихъ племенахъ исторія не подозрѣвала даже самаго ихъ существованія, и ихъ указала ей только современная антропологія“ [1]). Въ общемъ я соглашаюсь съ идеей А. П. Богданова — назвать до-историческими по отношенію къ Россіи „такія курганныя племена“, которыя „не оставили ничего послѣ себя въ исторіи, кромѣ вещественныхъ доказательствъ своего существованія въ могилахъ и только нѣкоторыя свои имена въ лѣтописяхъ“. Считаю возможнымъ также допустить названіе протоисторическихъ для племенъ, существованія которыхъ исторія „не подозрѣвала“, то-есть, для племенъ каменнаго вѣка. Волосовскій черепъ относится именно къ послѣднему, протоисторическому періоду; и при всемъ томъ, хотя у него въ особенности развиты лобные бугры и надбровныя дуги, а рѣзцы стерты, но нѣтъ зуба мудрости,—во всякомъ случаѣ онъ относится къ самому новому періоду каменнаго вѣка и чрезвычайно далекъ отъ эпохи мамонта.

Отсутствіе зуба мудрости въ найденномъ черепѣ есть, можетъ быть, только индивидуальная особенность, не распространявшаяся на все племя. Въ общей же сложности островитяне долины Оки, жившіе здѣсь въ каменный періодъ, должны были въ значительной степени проявить свою мудрость въ своихъ наклонностяхъ, промыслахъ и орудіяхъ. Мы уже видѣли нѣкоторые признаки совершенства въ выдѣлкѣ каменныхъ орудій у до-историческихъ обитателей Плеханова бора, Львинаго кургана и Хрѣновскихъ холмовъ около села Павлова. Волосовцы были, вѣроятно, современниками этихъ до-историческихъ жителей; вмѣстѣ съ тѣмъ они оставили намъ рядъ своихъ домашнихъ принадлежностей въ еще наибольшей полнотѣ. Само собою разумѣется, древніе обитатели Волосовскихъ холмовъ прекрасно умѣли точить и шлифовать камень, въ томъ числѣ и самый твердый кремень; слѣдовательно, очевидно, что они относятся къ вѣку сточенныхъ или шлифованныхъ инструментовъ или къ такъ-называемому неолитическому періоду. Кромѣ топориковъ изъ весьма твердаго кремня, въ собранной мною коллекціи

[1]) Изв. Общ. любит. естествозн., антропол. и этногр., т. XXXV. Антропол. выставка, III, ч. 2, стр. 3.

имѣется нѣсколько небольшихъ топориковъ изъ весьма твердаго кремня; они—обыкновенной клиновидной формы и имѣютъ прекрасно заточенное остріе. Топоры и тесла изъ твердаго кремня были, по видимому, распространены весьма сильно; въ моей коллекціи находится масса обломковъ отъ шлифованныхъ кремневыхъ орудій: это—преимущественно различныя части, большей или меньшей величины, острія. Очевидно, что на холмахъ орудія выдѣлывались и употреблялись въ работу. Если у орудія ломалась небольшая часть острія, то мастеръ подтачивалъ его; иногда же ломалось цѣлое остріе, и тогда древній Волосовецъ нерѣдко давалъ остаткамъ топора другое назначеніе, такъ какъ кремневый матеріалъ, вѣроятно, цѣнился дорого. Иногда изъ обломка топора, бывшаго первоначально сточеннымъ, дѣлался новый топорикъ, меньшей величины, и въ такомъ случаѣ остріе выдѣлывалось по способу околачиванія; обломки сточенныхъ топоровъ передѣлывались также въ скребки, въ шилья. Я нашелъ однажды часть острія отъ тесла изъ бѣловатаго, крѣпкаго кремня; тесло было, по видимому, значительной величины и по формѣ вполнѣ напоминало тесла же изъ Олонецкой губерніи; оно имѣло корытообразную выемку, что̀ весьма ясно на найденномъ мною обломкѣ. Въ коллекціи мѣстнаго муромскаго жителя, г. Кудрявцева, я видѣлъ совершенно цѣлое тесло; оно было сдѣлано также изъ весьма крѣпкаго сѣроватаго кремня и имѣло не больше одного вершка въ длину; остріе было дугообразно, выемка же была отшлифована съ великимъ совершенствомъ. Небольшія тесла дѣлались также изъ кости; небольшое тесло, подобное вышеописанному кремневому, изображено на табл. VIII, фиг. 5; большая часть этого орудія обита, выемка и остріе отшлифованы. Вообще, кремень, какъ подѣлочный матеріалъ, во всѣхъ видахъ орудій, вмѣстѣ съ костью, игралъ главную роль, и нужно замѣтить, обработывался, въ особенности же шлифовался съ великимъ искусствомъ. Рѣже встрѣчаются въ подѣлкахъ другіе виды камней; къ числу таковыхъ относится, между прочимъ, глинистый сланецъ; изъ него сдѣланы двѣ принадлежности каменнаго вѣка, изображенныя на таб. VII, фиг. 11 и 12. Это—привѣски; онѣ имѣютъ видъ пластинокъ; первоначально это были просто обточенные водой камушки; на привѣскѣ, фиг. 11, съ одной стороны бока̀ нѣсколько сточены, что̀ видно на рисункѣ, и сдѣлано въ од-

номъ изъ концовъ отверстіе. На второй привѣскѣ, фиг. 12, участіе человѣка видно только въ выдѣлкѣ отверстій, на самой же пластинкѣ осталась ея естественная, сглаженная водой поверхность; кромѣ того, одинъ край пластинки обломанъ, и видно, что не иначе, какъ самимъ человѣкомъ: когда пластинка попала въ руки человѣка, она была цѣльная; на одномъ изъ концовъ ея онъ сдѣлалъ отверстіе, но довольно большое и широкое; очевидно, при отправленіи своего назначенія, край пластинки обломился; но житель каменнаго вѣка все-таки дорожилъ оставшеюся частью, можетъ быть—потому, что матеріалъ былъ дорогъ, трудно добываемъ, а также вѣроятно, трудно было разстаться ему съ предметомъ, къ которому онъ привыкъ. Но разъ уже наученный опытомъ, что большое отверстіе дѣлать не безопасно для прочности самой пластинки, онъ сдѣлалъ пониже стараго отверстія новое, уже меньшей величины; остатокъ стараго и новое отверстіе видны на прилагаемомъ рисункѣ. Привѣски эти меньше по размѣрамъ, нежели найденныя мною въ Плехановомъ бору и изображенныя на таб. VI, фиг. 1 и 2, но въ общемъ онѣ сходны и служили, вѣроятно, для одной и той же цѣли.

Съ неменьшимъ совершенствомъ обдѣлывался и кремень путемъ околачиванія или оббивки; этимъ способомъ обработки получались небольшіе топорики, въ родѣ олонецкихъ, изображенныхъ на т. I, фф. 1—3. Всѣ волосовскія орудія этого рода имѣютъ только меньшіе размѣры и сдѣланы почти исключительно изъ краснаго желѣзистаго кремня. Можетъ быть, въ числѣ ихъ были и такіе, которые представляли собою первую, грубую стадію обработки, и впослѣдствіи изъ нихъ могли быть выдѣлываемы наконечники копій и стрѣлъ. Такіе топорики однакоже могли быть употребляемы для ихъ непосредственной цѣли; они въ Волосовѣ многочисленны. Я остановлюсь, однакоже, прежде всего на самыхъ совершенныхъ орудіяхъ, къ числу которыхъ относятся наконечники копій и стрѣлъ. Эти наконечники измѣняются какъ по формѣ, такъ и по величинѣ. Наиболѣе значительный наконечникъ копья представленъ на т. VII, фиг. 3; бываютъ копья и гораздо бо̀льшихъ размѣровъ. У этого наконечника часть, вставлявшаяся въ древко, довольно ясно обозначена, хотя гораздо меньше, чѣмъ соотвѣтственные концы у наконечниковъ изъ Хрѣновскихъ холмовъ, фиг. 1

и 2 на той же таблицѣ. Но затѣмъ, въ наконечникахъ стрѣлъ изъ Волосова существуетъ цѣлый переходный рядъ отъ формы названнаго копья къ формѣ миндалевидной или ромбоидальной, напримѣръ, фиг. 7 и 8, т. VII; въ противоположность копью, наименьшую величину имѣетъ наконечникъ стрѣлы, представленный на фиг. 10. Что касается до искусства, съ которымъ обдѣланы орудія, то въ этомъ отношеніи замѣчательно прежде всего копье; въ обдѣлкѣ его приложено, видимо, наибольшее стараніе, такъ какъ копье считалось орудіемъ наиболѣе вѣрнымъ; форма наконечника правильная, спереди ланцетная, также частію и съ задняго конца; края его обиты весьма тщательно и довольно остры. Наибольшей ширинѣ наконечника, вѣроятно, соотвѣтствовала толщина древка, въ которое онъ вставлялся. Въ многочисленныхъ наконечникахъ стрѣлъ, находимыхъ около Волосова, замѣтны всѣ стадіи совершенства, съ которымъ они обдѣланы; весьма большое искусство можно уже замѣтить въ обдѣлкѣ наконечниковъ, изображенныхъ на таблицѣ VII, фф. 4, 8 и 10. Впослѣдствіи, при вторичномъ моемъ посѣщеніи Волосовскихъ холмовъ, въ мои руки попали экземпляры наконечниковъ, сдѣланные еще болѣе тонко; въ числѣ ихъ были, кромѣ миндалевидныхъ, ромбоидальныхъ и ланцетныхъ, и трехугольные. Однакоже не всѣ наконечники выдѣлывались здѣсь съ одинаковымъ стараніемъ; хотя древніе Волосовцы и умѣли придавать кремню самыя правильныя и совершенныя формы, однако между хорошо выдѣланными стрѣлами встрѣчаются и такія, которыя не имѣютъ правильнаго вида: онѣ угловаты, съ краями неровными, со слѣдами грубыхъ и торопливыхъ ударовъ; очевидно, не всегда была необходима совершенно правильная стрѣла, и въ обыденныхъ нуждахъ вполнѣ удовлетворяли человѣка стрѣлы съ наконечниками въ родѣ изображеннаго на т. VII, фиг. 9. Вообще видно, что житель каменнаго вѣка берегъ стрѣлу съ особенно хорошимъ наконечникомъ, несомнѣнно требовавшимъ при своей выдѣлкѣ большаго труда и вниманія, для случаевъ болѣе или менѣе важныхъ, торжественныхъ; хорошая стрѣла составляла цѣнное и неотъемлемое достояніе ея хозяина, и какъ мы видѣли, даже клалась съ нимъ въ могилу. Наконечники стрѣлъ, выдѣланные невполнѣ старательно, формы недостаточно правильной,—можетъ быть, это частію даже недодѣланные экземпляры—встрѣчаются около Волосова

также въ большомъ количествѣ. Однакоже, вмѣстѣ съ различными цѣлыми наконечниками копій и стрѣлъ, часто попадаются и обломки таковыхъ; по этимъ обломкамъ можно судить, что они принадлежали отличнѣйшимъ экземплярамъ. Какимъ образомъ экземпляры этихъ орудій подверглись такой участи, при домашнихъ ли мирныхъ занятіяхъ, или здѣсь въ бою много копій и стрѣлъ было поломано? Дѣйствительно, можетъ быть, здѣсь ломались самыя цѣнныя и прекрасныя орудія въ битвѣ, но во всякомъ случаѣ, это должно было быть исключеніемъ,—въ большинствѣ же случаевъ очевидно, что здѣсь текла мирная, труженическая жизнь человѣка. Здѣсь оставлены въ изобиліи доказательства этого болѣе мирнаго теченія жизни, доказательства тому, что человѣкъ на своемъ пепелищѣ, кромѣ производства самыхъ орудій, пилилъ, вѣроятно, деревья, вертѣлъ дыры въ деревѣ или въ камнѣ, скоблилъ эти деревья, выскребалъ и выдѣлывалъ звѣриныя шкуры.

Въ доказательство своего трудолюбія человѣкъ оставилъ намъ массу весьма своеобразныхъ кремневыхъ, орудій: это — скребки, шилья и даже пилы. Между различными кремневыми обломками скребки и шилья составляютъ преобладающія орудія. Скребки встрѣчаются самыхъ разнообразныхъ формъ; они бываютъ въ видѣ четыреугольника или же треугольника, наконецъ, иногда имѣютъ видъ, нѣсколько напоминающій букву *s*. Изъ огромнаго запаса осколковъ, который обыкновенно собираютъ современные Волосовцы послѣ половодья, въ большей части навѣрное можно признать болѣе или менѣе совершенный скребокъ, и опытный глазъ съ какой-либо стороны осколка неизбѣжно отличитъ слѣды человѣческой руки, приноровливавшей осколокъ къ какой-нибудь надобности и практической цѣли. Четыреугольные скребки часто приближаются по формѣ къ квадрату; одна сторона ихъ обыкновенно гладкая, другая—гранчатая, выпуклая и шероховатая; одинъ изъ краевъ бываетъ обитъ цѣлымъ рядомъ весьма правильныхъ и осторожныхъ ударовъ; послѣ этихъ ударовъ нижняя грань, лежащая на гладкой сторонѣ скребка, является весьма ровною и острою, могущею въ нѣкоторой степени дѣйствовать подобно рубанку. У скребковъ болѣе удлиненныхъ, не представляющихъ квадрата, рѣжущій или скребущій край дѣлается обыкновенно на продольной оси. Эти послѣдніе скребки совершенно подобны находимымъ въ разныхъ

частяхъ западной Европы и въ особенности еще до сихъ поръ существующимъ у Эскимосовъ [1]). Скребки, приближающіеся по своей формѣ къ треугольнымъ, имѣютъ обыкновенно съ трехъ сторонъ рѣжущіе края; точно также пріострены всѣ края съ нижней гладкой стороны у скребковъ, имѣющихъ форму буквы *s*. Шилья также весьма многочисленны, и ихъ нерѣдко можно смѣшать съ плохо сдѣланными наконечниками стрѣлъ; одинъ конецъ ихъ пріостренъ на подобіе того, какъ это видно на наконечникѣ стрѣлы на т. VII, фиг. 9; другой конецъ, болѣе или менѣе широкій, неправильный, безъ всякихъ слѣдовъ обдѣлки; этотъ конецъ держался въ рукѣ или вставлялся въ черенъ. Конецъ, противоположный плоскому, пріострялся рядомъ осторожныхъ ударовъ; онъ имѣетъ шиловидную форму и на самомъ концѣ довольно тонокъ; у многихъ экземплярахъ онъ превосходитъ въ нѣсколько разъ не обработанную часть орудія, у другихъ же онъ коротокъ, но пластинка довольно широка. Во всѣхъ случаяхъ, былъ ли шиловидный конецъ длиненъ или коротокъ, на самой его оконечности остались на нѣкоторыхъ экземплярахъ шильевъ слѣды употребленія, и именно въ этихъ случаяхъ на самой оконечности остраго конца находится отшлифованная площадка; въ такихъ случаяхъ шило употреблялось видимо для сверленія твердыхъ предметовъ, напримѣръ, камней въ родѣ вышеописанныхъ подвѣсокъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда шильями сверлили дерево и другіе относительно мягкіе предметы, на нихъ не замѣтно слѣдовъ употребленія. Наконецъ, у древнихъ Волосовцевъ, несомнѣнно, существовалъ еще одинъ родъ инструментовъ, сдѣланныхъ изъ кремня: то были пилы. Одна такая пила находится и въ моей коллекціи; это — четыреугольная кремневая пластинка, вершка до полутора длиной и до полувершка въ ширину; изъ всѣхъ четырехъ сторонъ ея только одна обращаетъ на себя вниманіе по своей правильности, именно—сторона продольная: она совершенно прямая, слегка зазубренная рядомъ самыхъ тщательныхъ ударовъ и въ общей сложности острая. Всѣ три остальныя стороны не носятъ на себѣ никакихъ слѣдовъ обивки; если пластинку взять въ руки такъ, чтобъ обдѣланная сторона оставалась свободною, и приложить ее къ дереву, то можно производить пилку

---

[1]) *Лёббокъ*, До-историческія времена, переводъ *Д. Анучина*, стр. 62—63.

довольно успѣшно и скоро. Находя вообще примѣненіе названной пластинки, какъ пилы, вполнѣ возможнымъ, я долженъ сказать, что она по формѣ совершенно отлична отъ пилъ, находимыхъ въ западной Европѣ—въ Швеціи, въ сѣверной Германіи и въ Даніи, гдѣ зазубренный край у пилъ былъ въ большей или меньшей степени дугообразно выгнутый, а противоположный ему край—выпуклый, или же оба края выпуклые [1]). Вообще пила между предметами, и весьма многочисленными, оставленными древними Волосовцами,—инструментъ рѣдкій; у нихъ, очевидно, не было придумано особой, болѣе или менѣе своеобразной формы пилы; найденная мною пила носитъ какъ бы случайный видъ, тогда какъ пила въ вышеназванныхъ странахъ западной Европы является всегда въ формѣ вполнѣ опредѣленной. Моя пила напоминаетъ нѣсколько найденныя г. Мережковскимъ въ крымскихъ пещерахъ, только зубцы ея мельче, вся пластинка шире и безъ слѣдовъ граней на бокахъ [2]).

Если до-историческіе обитатели Волосовскихъ холмовъ достигли замѣчательнаго совершенства въ обработкѣ камня, то тѣмъ болѣе искусства нужно ожидать отъ нихъ въ выдѣлкѣ костяныхъ издѣлій; дѣйствительно, факты убѣждаютъ насъ не только въ томъ, что у древнихъ Волосовцевъ существовали костяныя орудія, но и въ томъ, что ихъ костяныя орудія были столько же совершенны, сколько разнообразны. Это и не удивительно: человѣкъ въ древнѣйшій, палеолитическій періодъ, когда еще не умѣлъ не только шлифовать кремень, но и не могъ сдѣлать изъ него болѣе или менѣе совершенной стрѣлы или копья способомъ околачиванія,—выдѣлывалъ уже изъ кости прекрасныя орудія и даже украшалъ эти орудія изображеніями окружавшихъ его животныхъ; такія костяныя подѣлки вырыты изъ пещеръ Франціи. Ниже я укажу на тотъ длинный промежутокъ времени, который отдѣляетъ палеолитическаго человѣка отъ жителей каменнаго вѣка на Волосовскихъ холмахъ; вообще, древнимъ

---

[1]) См. *Nilsson,* Les habitants primitifs de la Scandinavie, т. V, фф. 88, 89, 90, гдѣ, впрочемъ, пилки названы ножиками; также *Montelius,* Antiquités suédoises, ф. 74.

[2]) См. Отчетъ о предварительныхъ изслѣдованіяхъ каменнаго вѣка въ Крыму, въ Изв. Имп. Р. Г. Общ. 1880 г., вып. II, стр. 135, т. III, фф. 6—8.

Волосовцамъ было много времени не только сохранить, но даже усовершенствовать искусство древнѣйшихъ своихъ предшественниковъ обработывать кость. И въ самомъ дѣлѣ, еслибы собрать все то, что было найдено до сихъ поръ на Волосовскихъ холмахъ изъ костяныхъ издѣлій, мы получили бы прекрасныя доказательства тому, съ какимъ искусствомъ древніе Волосовцы обработывали кость, давая издѣліямъ изъ нея самыя разнообразныя назначенія. На основаніи костяныхъ издѣлій можно судить прежде всего о томъ, что вымершіе обитатели Волосовскихъ холмовъ были хорошіе рыбаки, такъ какъ располагали хорошими костяными рыболовными снарядами. Къ числу таковыхъ нужно прежде всего отнести гарпуны; самый лучшій волосовскій гарпунъ, изъ видѣнныхъ мною, принадлежитъ Московскому публичному музею; онъ былъ найденъ на Волосовскихъ холмахъ г. Добрынкинымъ, живущимъ въ Муромѣ и принесшимъ гарпунъ въ даръ музею. Гарпунъ этотъ имѣетъ зубы съ двухъ сторонъ, на концѣ острые и полуобращенные назадъ. Онъ принадлежитъ къ типу тѣхъ гарпуновъ, которые были находимы въ пещерахъ Франціи, а также въ Швеціи [1]). Затѣмъ нѣсколько гарпуновъ изъ Волосова имѣется въ коллекціи графа А. С. Уварова. Видѣлъ я также экземпляръ гарпуна между орудіями, собранными въ Волосовѣ г. Кудрявцевымъ; гарпунъ этотъ вполнѣ напомнилъ мнѣ подобнаго же рода орудія, найденныя на берегу озера Буртнекъ графомъ Сиверсомъ. Гарпуны могли быть употребляемы столько же на большихъ рыбъ, сколько и на живущихъ въ водѣ звѣрей, въ родѣ бобра. Но около Волосова встрѣчаются орудія чисто рыболовныя: это—костяные крючки, служившіе при уженьи рыбы. Крючки были составные, то-есть, состояли изъ двухъ костей, которыя связывались при изгибѣ, совершенно въ томъ же родѣ, какъ это замѣтно на крючкахъ, еще въ наше время дѣлавшихся изъ дерева, напримѣръ, на островахъ Отаити [2]). На Отаити дѣлались и гарпуны изъ цѣльныхъ кусковъ раковинъ, а въ Скандинавіи, именно въ Сканіи, находились рыболовные крючки, выдѣланные изъ цѣльныхъ кусковъ кремня или же изъ

[1]) *Nilsson*, Les habitants primitifs de la Scandinavie, т. IV, ф. 72.
[2]) Тамъ же, т. II, ф. 27.

кости [1]). Крючекъ, сдѣланный изъ цѣльной же кости, былъ найденъ и на Волосовскихъ холмахъ; онъ изображенъ на т. VIII, фиг. 4, и находится теперь въ собранной мною коллекціи. Очевидно, древніе Волосовцы усердно ловили рыбу и не только ѣли ее, но даже умѣли дать весьма полезное приложеніе различнымъ рыбьимъ костямъ; именно изъ нихъ они дѣлали шилья и иглы. Въ особенности широкое примѣненіе имѣла кость, составляющая первый лучъ въ грудныхъ плавникахъ стерляди; она представлена на табл. VIII, фиг. 6; тонкій конецъ ея сточенъ, спиленъ или срѣзанъ съ боковъ, вообще искусственно пріостренъ; эти стерляжьи кости, какъ обдѣланныя на концѣ, такъ и не обдѣланныя, встрѣчаются около Волосова весьма часто; онѣ въ обдѣланномъ видѣ, то-есть, съ искусственно пріостреннымъ концомъ, употреблялись, вѣроятно, въ видѣ шильевъ, а можетъ быть, служили и въ видѣ иголокъ. Но главнымъ образомъ иголки замѣнялись мелкими рыбьими костями, напримѣръ, колючеперыхъ рыбъ; это по преимуществу кости, входящіе въ составъ лучей спиннаго плавника, напримѣръ, у ерша и окуня; на тонкомъ концѣ онѣ искусственно пріострялись. Рыбьи кости шли, впрочемъ, только на мелкія подѣлки; болѣе же крупныя костяныя издѣлія выдѣлывались изъ костей млекопитающихъ. Одно изъ такихъ весьма часто встрѣчающихся въ Волосовѣ издѣлій представлено на т. VIII, фиг. 3; сдѣлано оно изъ медвѣжьей кости, одинъ конецъ его тщательно обточенъ и представляется весьма острымъ, какъ это видно на рисункѣ. Такое орудіе могло имѣть различныя назначенія: могло быть шиломъ, могло быть примѣняемо и какъ гарпунъ; въ моей коллекціи находится еще другое, подобное же орудіе, только оно пріострено нѣсколько долотообразно. Вообще, издѣлія изъ кости достигаютъ въ древнихъ Волосовскихъ поселеніяхъ большаго разнообразія. Тутъ встрѣчаются обломки отъ долотообразныхъ костяныхъ орудій; есть и такія, которыя съ двухъ концовъ представляютъ два типа орудій, и которыя, слѣдовательно, предназначались въ одно и то же время для двухъ различныхъ цѣлей. Такъ, въ моей коллекціи существуетъ орудіе, которое съ одного конца представляетъ желобообразную выемку и вполнѣ напоминаетъ

---

[1]) *Nilsson*, т. II, фф. 26, 28 и 29.

*

по общему своему виду орудіе, изображенное на т. VIII, фиг. 5, и о которомъ я уже говорилъ выше; съ другаго же конца оно шиловидно, такъ что въ одно и то же время оно могло служить и тесломъ, и шиломъ. Кромѣ костяныхъ орудій, такъ сказать промысловыхъ, въ моей коллекціи находится еще одно, очевидно служившее при обыденныхъ домашнихъ занятіяхъ: оно изображено на табл. VIII, фиг. 8. Сначала опредѣлить его назначеніе довольно трудно: оно со всѣхъ сторонъ, а также и съ обоихъ концовъ, обточено, при чемъ концы его совершенно тупы, такъ что оно никакъ не могло быть ни рѣжущимъ, ни сверлящимъ инструментомъ; невзрачное на видъ, оно, вѣроятно, не могло служить и предметомъ украшенія. Остается допустить одно предположеніе, именно— что оно употреблялось при выдѣлкѣ горшковъ. Подобное предположеніе можетъ показаться на первый разъ страннымъ, но все дѣло въ слѣдующемъ: горшечная посуда у древнихъ Волосовцевъ была, вѣроятно, уже въ сильномъ употребленіи, такъ какъ повсюду въ старыхъ жилищахъ горшечные обломки встрѣчаются въ громадномъ количествѣ; слѣдовательно, процессъ приготовленія горшковъ для домашняго обихода имѣлъ весьма существенное значеніе въ обыденныхъ занятіяхъ древнѣйшихъ здѣшнихъ жителей; при такихъ условіяхъ очевидно, что при приготовленіи глиняной посуды должны были существовать болѣе или менѣе постоянные инструменты. Какъ и около Плеханова бора, здѣсь между горшечными обломками встрѣчаются весьма часто такіе, на внѣшней поверхности которыхъ находится большое количество ямокъ, весьма близко другъ отъ друга стоящихъ и имѣющихъ слегка коническую форму; ямки эти бываютъ иногда нѣсколько большей, иногда нѣсколько меньшей величины. Вышеназванное костяное орудіе, изображенное на фиг. 8, съ того или другаго конца какъ разъ подходитъ къ формѣ и величинѣ горшечныхъ ямочекъ: въ виду этого едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что означенное костяное орудіе служило именно для производства этихъ ямочекъ, о вѣроятномъ назначеніи которыхъ, для ускоренія кипѣнія содержимаго въ толстостѣнномъ горшкѣ, я уже говорилъ. Кстати долженъ прибавить здѣсь о волосовскихъ горшкахъ еще слѣдующее: они состоятъ изъ глины съ большею или меньшею примѣсью песку или обломковъ рѣчныхъ раковинъ; при этомъ послѣд-

немъ случаѣ раковины на-мелко разбиты; то же обстоятельство замѣчалъ я на горшкахъ, найденныхъ графомъ Сиверсомъ на озерѣ Буртнекѣ. Съ внѣшней стороны горшковъ существуетъ обыкновенно, кромѣ рядовъ ямокъ, какой-либо узоръ, особенно около верхнихъ краевъ; этотъ узоръ всегда болѣе или менѣе приближается къ узору, находящемуся на описанныхъ мною горшкахъ каменнаго вѣка изъ Олонецкой губерніи [1]), а также напоминаетъ узоръ на горшечномъ обломкѣ каменнаго вѣка, найденномъ мною въ верховьяхъ Волги и изображенномъ на т. IX, фиг. 5. Что касается до внутренней стороны горшечныхъ обломковъ, то она часто гладкая, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда на внѣшней нѣтъ ямочекъ, иначе—внутри горшка, какъ я уже сказалъ, существуютъ выпуклины, соотвѣтствующія ямкамъ, и на выпуклинахъ часто слѣды прикосновенія пальцевъ. Часто, при отсутствіи ямочекъ, внутренняя сторона горшка усѣяна горизонтально и болѣе или менѣе параллельно идущими полосками, которыя иногда пересѣкаются подъ углами различной величины. Эти полоски, параллельныя другъ другу или пересѣкающіяся, указываютъ на то, что послѣ того, какъ горшокъ выдѣлывался обыкновеннымъ способомъ, онъ обтирался извнутри соломой, дабы сгладить его внутреннюю поверхность. Такимъ способомъ готовилась, очевидно, вся масса посуды, которая была до сихъ поръ найдена; исключеніе представляютъ нѣсколько черепковъ, найденныхъ г. Кудрявцевымъ, и которые я видѣлъ у него въ Муромѣ. Въ письмѣ въ комитетъ по устройству Московской антропологической выставки 1879 года онъ говоритъ касательно найденныхъ имъ (не обозначено—гдѣ именно) горшечныхъ черепковъ слѣдующее: „Изъ черепковъ нѣкоторые указываютъ на самый способъ дѣланія горшковъ. Глина, какъ видно, намазывалась на пластинки, которыя впослѣдствіи сожигались, а оставшіяся углубленія и неровности замазывались“. А. В. Григорьевъ, также бывшій на Волосовскихъ холмахъ, имѣя въ виду, очевидно, тѣ же черепки, говоритъ въ рефератѣ о своей поѣздкѣ на Волосово между прочимъ слѣдующее: „На внутренней сторонѣ горшка отпечатокъ плетенки, на которую налѣплена была глина, видѣнъ отчетливо, а съ наружной стороны бока украшены искусственно нанесеннымъ узо-

[1]) Зап. по Отдѣл. Этногр., III, стр. 367—369, и тамъ же, т. VII.

ромъ, подражающимъ внутренней плетенкѣ; толщина стѣнокъ до полутора сантиметровъ" [1]). Слѣды плетенки на видѣнныхъ мною горшечныхъ обломкахъ съ внутренней стороны, дѣйствительно, существуютъ въ полной ясности, и нельзя не согласиться, что плетенка могла быть основой, на которую налѣплялась глина. Но обломки съ ясными слѣдами плетенки съ внутренней стороны весьма рѣдки среди громадной массы остатковъ горшечной посуды, находимой съ каменными орудіями около Волосова; поэтому именно нужно думать, что приготовленіе горшковъ посредствомъ плетенки у древнихъ Волосовцевъ было только исключеніемъ; что же касается до подражанія плетенкѣ съ внѣшней стороны, то по моему мнѣнію, его вовсе не существовало; на громадной массѣ горшечныхъ обломковъ, находимыхъ около Волосова, Плеханова бора, Львинаго кургана, въ верховьяхъ Волги, во всей сѣверной Россіи, въ томъ числѣ и въ Олонецкой губерніи, господствуетъ съ внѣшней стороны одинъ и тотъ же весьма характерный узоръ, тогда какъ съ внутренней стороны горшковъ нѣтъ никакого слѣда плетенки.

Мнѣ остается упомянуть еще о нѣкоторыхъ принадлежностяхъ домашняго быта первобытнаго человѣка, сдѣланныхъ также изъ кости, но которыя не служили, очевидно, орудіями при какихъ-либо производствахъ; эти принадлежности должны скорѣе характеризовать духовную или нравственную сторону давно вымершихъ обитателей Окской долины. Къ числу такихъ издѣлій относится, между прочимъ, вещица изъ кости, изображенная на т. VIII, фиг. 7, *a* и *b*; это—немного долотообразная костяная пластинка, по видимому — обломанная на верхнемъ концѣ и съ одного изъ боковъ. На обѣихъ ея сторонахъ находятся ряды черточекъ; вообще, эта костяная вещица, какъ по своей формѣ, такъ и по расположенію черточекъ, вполнѣ напоминаетъ подобное же костяное издѣліе, найденное въ пещерахъ Горжъ д'Анферъ (Gorge

---

[1]) Извѣстія Общества любит. естествозн., антропол. и этногр., т. XXXI. Антропол. выставка, т. II, Письмо *П. П. Кудрявцева* о пріобрѣтеніи каменныхъ орудій, стр. 163; ср. тамъ же, его же письма на стр. 34 и 65; *А. В. Григорьевъ*, Протоколъ засѣданія отдѣленія геологіи и минералогіи С.-Пбургск. Общества естествоиспытателей 21-го октября 1878 года, стр. 10 отдѣльн. оттискъ).

d'Enfer), въ департаментѣ Дордонья, во Франціи, въ одной изъ боковыхъ долинъ Везèра [1]). Французское костяное издѣліе относится къ глубокой древности, именно къ палеолитическому періоду; какъ у французской вещицы, такъ и у нашей, отличающейся отъ первой меньшею величиной, черточки расположены съ обѣихъ сторонъ группами и направлены отъ краевъ къ срединѣ предмета въ нѣсколько косвенномъ направленіи. Съ одной стороны (фиг. 7 *b*), у нашего костянаго издѣлія идутъ два ряда черточекъ съ обоихъ краевъ, притомъ съ одного края ихъ видно двѣ группы, а съ другаго—три; то же самое замѣтно и на французскомъ орудіи. Съ другой стороны (фиг. 7 *a*) наша принадлежность нѣсколько отлична отъ французской: черточки расположены здѣсь у нашего издѣлія съ обоихъ краевъ также группами; у французскаго издѣлія онѣ короче, съ одной стороны болѣе многочисленны и идутъ почти поперекъ пластинки, тогда какъ у нашего онѣ идутъ косвенно, довольно длинны, и даже послѣдній отъ основанія рядъ пересѣкаетъ пластинку, притомъ двѣ черты около другаго края образуютъ развилину. Въ той части, которая у нашего издѣлія обломана, на французскомъ находятся болѣе или менѣе косвенные ряды точекъ. Предполагаютъ, что французская костяная пластинка съ черточками и точками служила счетнымъ реестромъ; если это такъ, то сходная съ нею и здѣсь описываемая волòсовская имѣла то же назначеніе. На орудіяхъ современныхъ первобытныхъ народовъ встрѣчаются нерѣдко знаки, обозначающіе принадлежность вещи тому или другому хозяину [2]); это—знаки собственности или то, чтò у насъ называется тамгой или мѣткой. Въ виду этого я долженъ сказать, что на волòсовскомъ издѣліи на сторонѣ *a* въ послѣдней группѣ двѣ первыя вилообразныя черты весьма напоминаютъ тѣ знаки или тамги, которыми донынѣ Остяки и Самоѣды около Обской губы обозначаютъ принадлежащія имъ орудія. Во всякомъ случаѣ, служила ли волòсовская костяная пластинка

---

[1]) *Лёббокъ*, До-историческія времена, стр. 264, ф. 157. Другое болѣе полное изображеніе того же орудія съ обѣихъ сторонъ и въ разрѣзѣ находится въ Reliquiæ Aquitaniæ, parts XIII and XIV, tab. I, fig. *a*, *b*, *c*, статья *Thomas Rupert Jones*: On some bone and other implements from the cave of Périgord, France.

[2]) См. такіе знаки въ той же статьѣ *Jones*.

счетнымъ реестромъ, или же какимъ-либо другимъ орудіемъ, она доказываетъ, что обитатели каменнаго вѣка Окской долины обладали уже нѣкоторыми отвлеченными понятіями касательно счета, а также имѣли понятіе, присущее и нынѣ живущимъ народамъ, о собственности.

Есть еще рядъ костяныхъ принадлежностей, которыя частію могутъ характеризовать умственную и нравственную сторону жизни вымершихъ нынѣ до-историческихъ обитателей Окской долины; эти принадлежности состоятъ изъ просверленныхъ у корня или же такъ или иначе обдѣланныхъ зубовъ разныхъ животныхъ. Практическое значеніе такихъ зубовъ, именно употребленіе ихъ въ видѣ запонокъ, а также и болѣе глубокое—какъ талисманъ, можно наблюдать у современныхъ мало развитыхъ народовъ, каковы Остяки и Самоѣды. Просверленные зубы употреблялись и у различныхъ давно вымершихъ народовъ, даже принадлежавшихъ къ древнѣйшему періоду каменнаго вѣка въ западной Европѣ [1]. Просверленными зубами сопровождались различныя домашнія принадлежности палеолитическаго человѣка, найденныя въ Мамонтовой пещерѣ, въ Польшѣ [2]; не меньшую распространенность имѣли просверленные зубы различныхъ млекопитающихъ и въ болѣе новый періодъ каменнаго вѣка въ Россіи и въ Сибири. Просверленные или такъ или иначе обдѣланные зубы разныхъ звѣрей встрѣчаются и около Волосова; въ моемъ распоряженіи имѣются зубы лося и волка, просверленные или обдѣланные; но наиболѣе интересны зубы медвѣдя, встрѣчающіеся въ обдѣланномъ видѣ весьма часто. Можетъ быть, зубы жвачныхъ, въ томъ числѣ и хищниковъ, въ родѣ волка, входили въ составъ ожерелій, носимыхъ на шеѣ женщинъ, и можетъ быть, медвѣжій зубъ занималъ всегда одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ шейномъ украшеніи. Но въ то же время, если принять во вниманіе, что у нынѣшнихъ Остяковъ медвѣдю приписывается божественное происхожденіе, и что пе-

---

[1]) См. мои Письма и отчеты о путешествіи въ долину р. Оби, стр. 112.

[2]) Wiadomosci Archeolog. 1876, III. На многихъ лошадиныхъ костяхъ и на оленьихъ рогахъ, найденныхъ въ Мамонтовой пещерѣ, также замѣтны царапины, напоминающія тѣ знаки, которые описаны выше на костяной пластинкѣ изъ Волосова.

редъ всякими его остатками, въ особенности передъ зубами и лапой, дается клятва, то весьма легко можно остановиться на предположеніи, что подобное же значеніе имѣлъ зубъ медвѣдя и у вымершихъ обитателей Окской долины. Такимъ образомъ, если у древнихъ Волосовцевъ взглядъ на медвѣдя уподоблялся нѣсколько остяцкому, то можно думать, что они обладали нѣкоторыми религіозными вѣрованіями; уже и похоронные обряды обитателей Окской долины указываютъ на то, что они въ теченіе каменнаго вѣка выработали нѣкоторыя понятія о загробной жизни. Вообще, жители каменнаго вѣка Окской долины уже значительно приближались къ различнымъ нынѣ живущимъ полудикимъ народамъ, какъ по своему внѣшнему образу, такъ и по складу своего культурнаго и нравственнаго развитія. Это и понятно, ибо эпоха, во время которой они жили, отстоитъ отъ насъ сравнительно не слишкомъ далеко.

На сравнительную недавность времени, когда жили обитатели каменнаго вѣка Окской долины, указываютъ и хорошо отполированныя ихъ каменныя орудія; та же недавность проглядываетъ въ самомъ, иногда высокомъ совершенствѣ ихъ кремневыхъ издѣлій; на этомъ пути они достигли той высшей степени развитія искусства, дальше которой въ обдѣлкѣ камня идти было не возможно. Наконецъ, главный свидѣтель сравнительной недавности каменнаго вѣка непосредственно въ Окской долинѣ—это физико-географическая обстановка, среди которой жилъ здѣсь человѣкъ. Топографія мѣстности, служившей пріютомъ для человѣка,—та же, что нынѣ: отличія заключались лишь въ ничтожныхъ частностяхъ: послѣ того, какъ исчезъ человѣкъ, сверхъ почвы, на которой онъ обиталъ, отложился только ничтожный, тонкій слой растительной земли. Климатъ, вѣроятно, не рознился отъ современнаго; древесная растительность была, конечно, та же, какую можно видѣть здѣсь донынѣ. Разница противъ современныхъ условій мѣстности лишь въ томъ, что въ глубокой древности лѣса были дѣвственны, не тронуты рукою человѣка, а населявшіе ихъ звѣри являлись въ наибольшемъ изобиліи. Человѣкъ того времени не только не имѣлъ возможности вырубать лѣса, но даже не было къ этому никакой необходимости. Понятно, что въ лѣсахъ, не тронутыхъ топоромъ и всесокрушающимъ пожаромъ, и звѣри легче плодились и множились. Принимая, что жители Плеханова бора были современниками древнимъ

Волòсовцамъ, я долженъ сказать, что во время каменнаго вѣка, и именно неолитическаго его періода, въ составъ лѣса Окской долины входилъ дубъ, достигавшій часто громаднѣйшихъ размѣровъ. Къ нему были примѣшаны рощи изъ березы и осины, по берегамъ водъ густыми чащами росли ивняки; на песчаныхъ холмахъ, также какъ и нынѣ, раскидывались сосновые боры. Вообще, долина, какъ и теперь, была богата лугами, въ особенности поемными; и общій видъ она уже имѣла почти тотъ же, какой представляетъ теперь. Можетъ быть, благодаря дѣвственнымъ лѣсамъ, рѣка была болѣе многоводною; рыбы, въ ней водившіяся, были въ большемъ изобиліи, хотя всѣ виды тогдашнихъ рыбъ были тѣ же, чтò водятся въ Окѣ донынѣ, но только, кромѣ изобилія, онѣ отличались огромною величиной: жители каменнаго вѣка ловили весьма большихъ стерлядей и сомовъ; сверхъ того, щуки, ерши, окуни и различныя карповыя рыбы составляли предметъ ихъ лова. Въ старицахъ, около береговъ озеръ, болѣе или менѣе болотистыхъ, бобры возводили свои постройки, здѣсь же бродили кабаны. Густые, не тронутые рукою человѣка лѣса были заселены дикими первобытными плосколобыми быками (Bos latifrons), близко напоминавшими тѣхъ быковъ—туровъ, которые были извѣстны древнимъ Славянамъ. Кромѣ бобра, кабана и первобытнаго быка, вымершихъ уже въ наши историческія времена, въ долинѣ Оки, въ лѣсахъ Муромскихъ, обитали звѣри, еще нынѣ продолжающіе существовать: то были лось, сѣверный олень, затѣмъ хищники—медвѣдь, барсукъ, волкъ, куница, также заяцъ, водяная полевка или крыса (Arvicola amphibius). Кости всѣхъ этихъ животныхъ были найдены нами или при раскопкахъ въ могилахъ, или въ почвѣ, вмѣстѣ съ каменными орудіями; большая часть изъ нихъ составляла, вѣроятно, предметъ промысла для первобытнаго человѣка. И такъ, относительно высокое совершенство орудій, которыя человѣкъ выдѣлывалъ изъ камня и кости, близкая къ нынѣшней по своему характеру физико-географическая обстановка, въ которой онъ жилъ, бòльшая часть нынѣ живущихъ животныхъ, которыя его окружали и составляли предметъ его промысла, — вотъ характерныя черты только что описаннаго мною періода каменнаго вѣка въ Окской долинѣ. Это—позднѣйшій неолитическій періодъ каменнаго вѣка; вѣроятно, онъ непосредственно смѣнился вѣкомъ металлическимъ, сперва бронзовымъ и затѣмъ

желѣзнымъ. Можетъ быть, племена, владѣвшія металломъ, частію культивировали, частію уничтожали этихъ древнихъ жителей, знавшихъ только кость и камни. Но затѣмъ, почти тутъ же, рядомъ съ пепелищами людей каменнаго вѣка позднѣйшаго періода, встрѣчаются слѣды людей, жившихъ при физико-географическихъ условіяхъ на столько необычайныхъ, такъ отклоняющихся отъ современныхъ, что приходится положительно теряться въ соображеніяхъ касательно древности, отдѣляющей насъ отъ этихъ людей. Во всякомъ случаѣ, древность эта должна быть глубокая, даже въ геологическомъ смыслѣ; главные представители животныхъ, съ которыми жилъ тогда человѣкъ, не встрѣчаются уже въ послѣдующую, новую эпоху каменнаго вѣка: они вымерли. Эта эпоха называется палеолитическою; орудія, которыя выдѣлывалъ въ это время человѣкъ, грубы, однообразны; главные же его спутники были мамонтъ и носорогъ, вмѣстѣ съ другими, также вымершими млекопитающими. Мѣсто, гдѣ были найдены слѣды палеолитическаго человѣка,—это село Карачарово, къ которому я и перейду въ слѣдующемъ очеркѣ.

3.

Карачарово.

Мнѣніе Лепехина объ археологическомъ значеніи мамонтовыхъ костей и кости слона, вырытыя недавно въ Петербургѣ.—Человѣкъ жилъ одновременно съ мамонтомъ.—Доказательство тому найдено около Карачарова.—Вѣроятный способъ охоты на мамонта и его спутниковъ.—Отдаленность эпохи, когда человѣкъ жилъ вмѣстѣ съ мамонтомъ.— Предполагаемыя измѣненія въ характерѣ природы, происшедшія съ того времени, когда человѣкъ жилъ вмѣстѣ съ мамонтомъ.

Вопросъ о мамонтѣ или его костахъ по отношенію къ человѣку имѣетъ у насъ свою исторію; натуралисты прошлаго столѣтія, отожествляя мамонта со слономъ, считали его выходцемъ изъ Азіи; они предполагали, что мамонтъ—это слонъ, выведенный изъ Азіи тамошними народами, являвшимися въ Европу съ завоевательными цѣлями, или же—что нѣкоторое количество слоновъ забрело изъ мѣстъ своего обитанія, южной Азіи, на сѣверъ — въ Сибирь и Европейскую Россію, и здѣсь погибло. Это послѣднее мнѣніе было высказано во второй половинѣ прошлаго вѣка Гме-

линымъ [1]). Другой ученый путешественникъ, современный Гмелину, Лепехинъ, также высказалъ свой взглядъ на „слоновыя кости" и ихъ отношеніе къ человѣку. Онъ говоритъ: „По выѣздѣ изъ Симбирска предметомъ была намъ рѣчка Бирючь, впадающая въ Свіягу, которая тѣмъ большаго любопытства достойна, что по ней вымываетъ огромной величины кости, которыя отъ простаковъ почитаются за остатки, не знаю какихъ, древнихъ исполиновъ. Такое собраніе костей найдено было при селѣ Нагашкинѣ, стоящемъ на помянутой рѣчкѣ, въ 35 верстахъ отъ Симбирска. По пріѣздѣ нашемъ въ село Нагашкино, помѣщикъ онаго села г. гвардіи капитанъ-поручикъ Плещеевъ принялъ насъ ласково и употреблялъ всякое стараніе доставить намъ исполиновы кости; но стараніе его было тщетно, ибо онѣ, валяяся долгое время безъ призору, были растащены невѣдомо кѣмъ. Мы уже собирались оставить село Нагашкино, какъ одинъ изъ посланныхъ людей принесъ вѣсть, что въ Бирючѣ, въ которомъ тогда еще весенняя вода играла, вымыло кость отмѣнной величины. Сія вѣдомость была намъ не непріятна, и мы, не медля пошедъ на оное мѣсто, видѣли, что то былъ обломокъ слоноваго клыка, длиною четвертей въ пять, а въ отрубѣ около шести дюймовъ. Правда, онъ уже былъ поможденъ, а особливо внутри, отъ древности и кропокъ; однако слои его ясно показывали того животнаго, которому онъ принадлежалъ. Изъ сего, кажется, не невѣроятно заключить можно, что и прежде найденныя кости были изъ слоноваго остова. Имѣя въ рукахъ нитку, хотѣли по ней добраться до клубка: но трудъ и иждивеніе были тщетны. Отрывая рыхлой берегъ сажень на пять во всѣ стороны, ничего найдти не могли, что̀ бы удовлетворило нашему любопытству. Песчаный слой, въ которомъ обмытый лежалъ клыкъ, отъ поверхности земной отстоялъ не болѣе одной сажени. Верхній слой составляла огородная земля толщиною четверти на двѣ. По ней слѣдовалъ хрящъ, смѣшанный съ суглин-

---

[1]) Указанія Гмелина о нахожденіи имъ „слоновыхъ", то-есть, мамонтовыхъ костей около Костенска (въ Воронежской губерніи) изъ его „Путешествія по Россіи для изслѣдованія трехъ царствъ естества", 1771 года, я привелъ въ моей Антропологической поѣздкѣ въ центральн. и восточн. Россію, стр. 10—13

комъ, аршина на полтора, а за хрящемъ желтоватый песокъ. О такихъ чужестранныхъ покойникахъ разные различно думаютъ. Иные съ большею заглумостію, гдѣ нынѣ господствуетъ мракъ, тамъ за многіе вѣки опредѣлили мѣсто зною. Другіе всемірный потопъ причиною тому почитаютъ. Но есть и такіе, которые подобныя симъ находки игрушками роскошествующей природы называютъ. Исчислять всѣ ихъ доказательства, какъ не нужно, такъ и скучно бы было. Сего съ меня довольно, когда я скажу, что въ нашемъ случаѣ нѣтъ нужды такъ далеко забираться. Въ прошломъ 1767 году, при копаніи колодца близъ Бирюча, въ полуторосаженной глубинѣ найдены были груды человѣческихъ костей безъ всякихъ домовищъ; да и самый Бирючъ нерѣдко вымываетъ такіе кости. Попадаются случайно между костьми и обломки желѣзныхъ копейцовъ и прочаго ратнаго снаряда, что все несумнѣннымъ служитъ доказательствомъ о бывшемъ нѣкогда на сихъ мѣстахъ сраженіи. Но что азіатскіе народы по-часту на сраженіе вываживаютъ слоновъ, кажется дѣло извѣстное. И такъ мнѣ мнится, что сіи иностранные покойники не за многія тысячи, но за нѣсколько сотъ лѣтъ близъ Волги были погребены. Возраженія противъ сей истины, взятыя отъ цѣнности слоновыхъ клыковъ, отъ лакомства людей и отъ порядочныхъ слоевъ земли, подъ которыми они погребены находятся, не весьма на твердомъ поставлены основаніи. Сколь ни лакомъ былъ бы воинъ на сраженіи, однако лакомство страхъ или радость преодолѣть могутъ. Иное дѣло содрать съ убитаго на сраженіи непріятеля военный снарядъ, иное—вышелить и возить съ собою слоновые клыки, а особенно если мы себѣ представимъ асійскія ополченія. Въ нашемъ случаѣ много говорить о глубинѣ нѣтъ нужды. Что касается до порядочныхъ слоевъ земли, и сіе также большаго затрудненія не имѣетъ. Наша мамонтова кость и въ самой Сибири находится въ крутизнахъ рѣчныхъ береговъ. Но кому не извѣстно, что стремнина безпримѣрныхъ водъ россійскихъ часто и твердые подмываетъ берега; и гдѣ прежде рѣки свое имѣли теченіе, тутъ является суша. Кто бывалъ на Волгѣ, тотъ о сей истинѣ сумнѣваться не будетъ. Волга при людской памяти цѣлые поглощаетъ острова, цѣлые и вновь производитъ; а иногда, оставивъ свое прежнее теченіе, новый себѣ открываетъ путь, отъ чего толь многія волошки или старицы имѣ-

ютъ свое начало. Ставрополь стоитъ нынѣ на нарочито высокомъ мѣстѣ, котораго и самая большая весенняя вода не понимаетъ; а что Ставропольскій округъ въ старину былъ волжское дно, съ перваго взгляда угадать не трудно. Свидѣтельствуютъ о томъ песчаные и безъ всякаго порядка взрытые бугры, изобилующіе черепокожными, живущими въ сладкой водѣ. Положивъ сіе, не неудобно понять и о порядочныхъ земныхъ слояхъ, составъ слоновыхъ костей покрывающихъ. Вымытыя изъ береговъ кости могутъ паки завалены быть новыми земными слоями, когда рѣка перемѣняетъ свое теченіе, и если осядутъ по правиламъ жидковѣснымъ: ибо что̀ можетъ возпящать сіи права естественнаго устава, когда старица премѣняется въ сушу, гдѣ со временемъ и крутой яръ возрости можетъ. Если бы судьба опредѣлила намъ прожить по крайней мѣрѣ столѣтіе, и еслибы въ оное время случай открылъ погребенныя въ самомъ Петербургѣ издохшихъ слоновъ кости, безъ сомнѣнія, съ немалымъ бы нашимъ удивленіемъ услышали многихъ умниковъ разсужденія, проницающія въ самую глубочайшую древность земнаго шара" [1]).

Итакъ, Лепехинъ приписываетъ появленіе слоновъ въ Россіи человѣку, именно „асіатскимъ народамъ" или „асійскимъ ополченіямъ" [2]). Поэтому и самый методъ его доказательствъ, столько же геологическій, сколько и археологическій, — совершенно вѣренъ по

---

[1]) Дневныя записки путешествія доктора и Академіи Наукъ адъюнкта Ивана Лепехина по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства, 1768 и 1769 году; вторымъ тисненіемъ, 1795 г., часть I, стр. 296—300.

[2]) Мнѣніе о принадлежности костей мамонта слону было весьма распространено въ прошломъ столѣтіи; его раздѣлялъ даже Петръ Великій по крайней мѣрѣ Голландецъ Де-Бруинъ, путешествовавшій по Россіи въ началѣ прошлаго вѣка, говоритъ, очевидно—разумѣя тѣ же Костёнки или Костенскъ, гдѣ былъ Гмелинъ: „Въ мѣстности, въ которой мы были, къ великому удивленію нашему, нашли мы много слоновыхъ зубовъ, изъ которыхъ я сохранилъ одинъ у себя ради любопытства, но не могу понять. какимъ образомъ зубы эти могли попасть сюда. Правда, государь разказывалъ намъ, что Александръ Великій, проходя этою рѣчкой—какъ увѣряютъ нѣкоторые историки,—доходилъ до небольшаго городка Костенска (Kostinke), находящагося верстахъ въ 8 отсюда, и что очень могло быть, что въ то время пало тутъ нѣсколько слоновъ, остатки которыхъ и находятся здѣсь еще и понынѣ" (*Де-Бруинъ*, Путешествіе черезъ Московію, стр. 130).

существу, но только, очевидно, предусмотрительный авторъ имѣлъ въ рукахъ мало вѣрно наблюденныхъ фактовъ; такъ вполнѣ возможно допустить, что на берегахъ рѣкъ находились, послѣ подмыва береговъ, не только слоновыя кости, но и человѣческія, при которыхъ могли находиться „и обломки желѣзныхъ копейцевъ". Но при этомъ нужно было знать, гдѣ и какъ первоначально залегали въ почвѣ всѣ эти остатки, не были ли человѣческія кости зарыты вмѣстѣ съ орудіями, а „слоновыя" не были ли принесены водами изъ другихъ мѣстъ,—о чемъ можно судить по характеру, по слоистости, содержавшей остатки почвы. При установленіи своего взгляда, авторъ, кромѣ обычая южно-азіатскихъ народовъ употреблять во время войны слоновъ, имѣлъ еще другой, живой фактъ, такъ какъ, вѣроятно, на его глазахъ погребены были около Петербурга „издохшіе слоны". Нерѣдко весьма юмористичный въ своихъ описаніяхъ и мѣткій наблюдатель, онъ живо представлялъ то немалое „удивленіе", которое онъ испыталъ бы, „еслибъ судьба опредѣлила" ему „прожить по крайней мѣрѣ столѣтіе"; удивленіе это онъ предвидѣлъ въ томъ случаѣ, если зарытыя кости издохшихъ слоновъ будутъ откопаны, и тогда онъ считалъ вполнѣ вѣроятнымъ услышать по поводу этихъ костей „многихъ умниковъ разсужденія, проницающія въ самую глубочайшую древность земнаго шара". Едва ли, впрочемъ, предвѣдѣніе по отношенію къ методамъ научныхъ наблюденій не было когда-либо болѣе трудно, какъ именно для прошлаго и текущаго столѣтій. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то-есть, около ста-десяти лѣтъ послѣ того, какъ Лепехинъ высказывалъ свое мнѣніе о слоновыхъ костяхъ, на Петербургской сторонѣ нашей столицы, около церкви Введенія, при постройкѣ дома г. Паруновымъ, дѣйствительно, были найдены кости, принадлежащія большому хоботному животному. Мнѣ пришлось принять ближайшее участіе въ развѣдкѣ мѣстонахожденія, вмѣстѣ съ академикомъ А. А. Штраухомъ и проф. А. А. Иностранцевымъ. Хотя намъ и было въ общихъ чертахъ извѣстно, что въ Петербургѣ бывали слоны и гибли, и что кости ихъ погребались, но гдѣ именно, — объ этомъ у насъ не было никакихъ свѣдѣній; поэтому, намъ предстоялъ вопросъ: какому животному принадлежать кости, слону или мамонту—хотя къ рѣшенію вопроса въ пользу мамонта не было особенной вѣроятности. Въ массѣ костей, выры-

тыхъ изъ ямы, былъ между прочимъ и черепъ; въ черепахъ слона и мамонта самые существенные отличительные признаки являются въ коренныхъ зубахъ и бивняхъ: бивни мамонта болѣе огромной величины, чѣмъ слоновые, и притомъ они нѣсколько спирально изогнуты; въ найденномъ черепѣ какъ разъ не оказалось ни коренныхъ зубовъ, ни бивней: обстоятельство довольно подозрительное для того, чтобы свидѣтельствовать въ пользу древности костей; затѣмъ верхняя часть черепа при ближайшемъ осмотрѣ оказалась какъ бы отпиленною, что̀ и было на самомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ не больше, какъ въ полчаса или часъ, было рѣшено тутъ же на мѣстѣ, что кости принадлежатъ слону, находившемуся въ домашнемъ состояніи и затѣмъ зарытому,—можетъ быть, именно одному изъ тѣхъ, о которыхъ говоритъ Лепехинъ. Но, кромѣ того, въ рукахъ современныхъ изслѣдователей находится еще одно средство прійдти къ болѣе или менѣе вѣрнымъ заключеніямъ; это—методы наблюденія, созданные геологіей, наукой, находившейся во времена Лепехина только въ зародышѣ. Всѣ острова, лежащіе при устьяхъ Невы,—не болѣе не менѣе, какъ ея дельта, которая произошла въ гораздо болѣе новый періодъ, чѣмъ жилъ мамонтъ. Въ то время, когда жилъ мамонтъ, Финскій заливъ, вѣроятно, вдавался далеко на востокъ и даже, можетъ быть, составлялъ съ Ладожскимъ озеромъ одно цѣлое. Такимъ образомъ, если мамонтъ могъ погибнуть гдѣ-либо, то только въ пунктахъ гораздо болѣе возвышенныхъ, чѣмъ дельта Невы, и если кости его могли оказаться въ осадкахъ дельты, то только въ томъ случаѣ, еслибы проточныя воды вынесли ихъ изъ болѣе высокихъ мѣстъ,—но тогда едва ли можно было бъ ожидать найдти эти кости въ видѣ цѣлой массы, принадлежащей одному и тому же экземпляру.

Какъ ни отдаленъ отъ насъ тотъ періодъ времени, когда жилъ мамонтъ, какъ ни отличны физико-географическія условія, среди которыхъ онъ существовалъ, тѣмъ не менѣе, современная геологія и юная отрасль ея, до-историческая археологія, доказали, что человѣкъ существовалъ вмѣстѣ съ мамонтомъ; спутникомъ мамонта, который—какъ извѣстно—покрытъ былъ длинными волосами, былъ и ископаемый нынѣ носорогъ, тоже носившій волосяной покровъ: въ этомъ, между прочимъ, отличіе этихъ двухъ громадныхъ ископаемыхъ отъ ихъ въ настоящее время живущихъ собратій. Со-

существованіе человѣка вмѣстѣ съ мамонтомъ и съ другими вымершими животными въ западной Европѣ доказано самыми несомнѣнными и убѣдительными данными. Въ самое недавнее время сдѣлано это и у насъ: находки эпохи мамонта сдѣланы въ пещерахъ Польши и въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, на р. Удаѣ. Такую же находку сдѣлалъ я въ Воронежской губерніи, у села Костенокъ, и въ описаніи этой находки представилъ цѣлый рядъ, по моему мнѣнію, самыхъ несомнѣнныхъ доказательствъ въ пользу одновременнаго существованія человѣка съ мамонтомъ [1]). Собственно въ Карачарово, годомъ раньше моей поѣздки въ Воронежскую губернію въ село Костёнки, я былъ приглашенъ графомъ А. С. Уваровымъ, который уже велъ предварительныя раскопки въ мѣстѣ залеганія костей различныхъ вымершихъ млекопитающихъ съ остатками человѣческой дѣятельности. Ко времени моего пріѣзда работа была уже на столько двинута, что оставалось только главное гнѣздо, въ которомъ сосредоточивались кости вмѣстѣ съ кремневыми орудіями. Въ теченіе двухъ дней гнѣздо это было разобрано съ надлежащею тщательностью и вниманіемъ; общіе результаты этой раскопки я и очерчу здѣсь съ своей точки зрѣнія, подтверждая въ то же время мнѣніе графа А. С. Уварова, заявленное на Казанскомъ археологическомъ съѣздѣ 1877 года, о совмѣстномъ нахожденіи костей мамонта съ каменными орудіями: наша раскопка доказала это самымъ неоспоримымъ образомъ [2]).

Село Карачарово растянулось длинною вереницею избъ по лѣвому, на этотъ разъ крутому и возвышенному берегу Оки; нѣсколько сѣвернѣе отъ него, или сказать точнѣе, сѣверо-западнѣе, на томъ же берегу, верстахъ въ трехъ, расположился городъ Муромъ. На самомъ сѣверномъ концѣ Карачарова тянется глубокій и длинный оврагъ; оврагъ направленъ почти перпендикулярно къ долинѣ Оки; стѣны его вообще весьма круты, а во многихъ мѣстахъ и совер-

---

[1]) См. мою Антропологическую поѣздку въ центральную и восточную Россію. С.-Пб. 1880. Находки эпохи мамонта въ Польшѣ и въ Полтавской губерніи описаны мною въ сборникѣ „Живописная Россія", т. I, вып. 8, стр. 386—389.

[2]) См. Журн. Мин Нар. Просвѣщ. 1878 г., февраль, стр. 119.

шенно отвѣсны. Какъ пространство, на которомъ расположены Муромъ и Карачарово, такъ и промежутокъ между ними, составляютъ часть плоской возвышенности, уходящей вдаль на западъ. Въ окрестностяхъ оврага, а также вообще между Муромомъ и Карачаровымъ, нѣтъ болѣе или менѣе замѣтныхъ, рѣзко выдающихся высотъ или холмовъ, а равно нѣтъ и рѣзко замѣтныхъ ложбинъ или впадинъ, за исключеніемъ опять-таки небольшаго оврага, лежащаго ближе къ Мурому и впадающаго въ долину Оки. При устьѣ Карачаровскаго оврага, на сѣверной его сторонѣ, расположена роскошная усадьба графа А. С. Уварова, съ великолѣпнымъ громаднымъ домомъ, окруженнымъ службами и прекраснымъ садомъ, изъ котораго открывается обширный видъ на широкую долину Оки и на самую рѣку, съ ея прихотливыми извивами, озерами, старицами и курьями. На самомъ незначительномъ разстояніи отъ усадьбы, позади ея, по направленію вглубь материка, на той же сѣверной сторонѣ Карачаровскаго оврага, въ обрывѣ и были найдены слѣды до-историческаго человѣка, относящіеся къ временамъ глубочайшей древности.

При раскопкѣ можно было видѣть слѣдующее: Сначала слѣдовалъ слой чернозема, измѣнявшійся на поверхности въ своей толщинѣ отъ четверти до полуаршина. Подъ черноземомъ лежала сѣрая, болѣе или менѣе песчанистая, весьма плотная глина, которая во время бездождія и засухи очень трудно поддается топору, весной же, съ таяніемъ снѣговъ, дѣлается вязкою и расплывчатою, въ силу чего и происходитъ размываніе стѣнъ оврага и ихъ обвалы. При такихъ-то обвалахъ или при оплывѣ стѣнъ оврага и было обнаружено въ нихъ присутствіе костей разныхъ животныхъ вмѣстѣ съ остатками человѣческой дѣятельности. Кости лежали въ глинѣ, на глубинѣ отъ поверхности почвы больше одного метра; низшій же горизонтъ, до котораго кости доходили, превышаетъ полтора метра. Къ моему пріѣзду всѣ предварительныя работы были сдѣланы, и мнѣ пришлось участвовать въ трудахъ по обнаженію отъ глины главной массы костей. Вскорѣ это дѣло было исполнено, и затѣмъ мѣсто раскопокъ было снято фотографически, при чемъ было обращено вниманіе на самое положеніе костей; весьма вѣроятно, что эти фотографіи будутъ обнародованы графомъ А. С. Уваровымъ. Я былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ того, какъ

кости различныхъ по большей части гигантскихъ и нынѣ вымершихъ животныхъ были скучены на весьма небольшомъ пространствѣ, равняющемся нѣсколькимъ квадратнымъ аршинамъ; тутъ были какъ бы навалены другъ на друга кости конечностей, позвонки, зубы, кости таза, принадлежавшія преимущественно носорогу и мамонту. Общее, основное впечатлѣніе лежавшей передомною картины, изображавшей остатки или слѣды давно погасшей жизни, я уже выразилъ между прочимъ слѣдующимъ образомъ: „Кости не попали сюда произвольно; онѣ не были принесены сюда водой; напротивъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что ихъ сложилъ здѣсь человѣкъ. Онъ оставилъ между костями громадное количество кремневыхъ орудій, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, во всей массѣ остатковъ, можно было замѣтить небольшія частицы угля. Очевидно, человѣкъ имѣлъ здѣсь жилье, ѣлъ мясо всѣхъ названныхъ животныхъ; онъ разбивалъ кости и вынималъ изъ нихъ костный мозгъ, а въ доказательство этого оставилъ въ кучѣ своихъ кухонныхъ остатковъ осколки трубчатыхъ костей, тогда какъ кости, не содержащія костнаго мозга, сохранились всѣ въ большей или меньшей цѣлости; тутъ найдены всѣ кости таза, принадлежащія мамонту, также части тазовыхъ костей первобытнаго быка и оленя; сохранилась въ совершенной цѣлости лопатка носорога; остались также его зубы, вмѣстѣ съ бивнями мамонта, хотя и значительно разрушившимися. Но замѣчательнѣе всего позвонки мамонта и носорога; человѣкъ легко могъ вынуть спинной мозгъ изъ цѣлаго ряда позвонковъ, скрѣпленныхъ между собою крѣпкими связками или сухожиліями; ему не было надобности отдѣлять всѣ позвонки одинъ отъ другаго; поэтому, обглодавъ мясо и вынувъ мозгъ, человѣкъ, не нуждаясь въ сухожиліяхъ, бросалъ связанные между собою позвонки въ массу негодныхъ костей, и прежде чѣмъ связки перегнили, позвонки занесло землей, гдѣ они и остались въ томъ же самомъ отношеніи другъ къ другу, въ какомъ они были первоначально, хотя связки затѣмъ перегнили“ [1]). Замѣчательно между прочимъ то, что между остатками находились также кости таза, принадлежавшія мамонту, въ томъ числѣ была часть таза съ вертлужною чашеобразною впадиной; совершенно подобную

[1]) Живописная Россія, томъ I, 390.

*

же кость я нашелъ впослѣдствіи въ Костёнкахъ, въ Воронежской губерніи; впадина была наполнена углями и золою, притомъ была обращена вверхъ въ моментъ открытія ея во время раскопокъ; по всей видимости тазовыя части мамонта съ вертлужною впадиной служили посудиной для первобытнаго человѣка [1]). Такъ примѣнена была тазовая кость мамонта, вѣроятно, въ Костёнкахъ, и около Карачарова. Вообще, кости разныхъ, преимущественно вымершихъ, млекопитающихъ, были скучены, въ главной своей массѣ, около Карачарова на весьма ограниченномъ пространствѣ, едва ли большемъ, чѣмъ полутора квадратные метра; затѣмъ отъ главнаго гнѣзда ихъ, по сторонамъ, кости встрѣчались разъединенно, рѣдко,—хотя все-таки встрѣчались и сопровождались каменными орудіями. Итакъ, при видѣ той картины, которую обнаружила раскопка, неизбѣжно приходилось остановиться на заключеніи, что мы находимся на одномъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ въ глубокой древности обиталъ человѣкъ, окруженный своеобразными и необычайными для насъ спутниками изъ животнаго міра. Судя по весьма мелкимъ частицамъ угля, которыя въ разныхъ мѣстахъ были разсѣяны въ глинѣ между костями, нужно думать, что человѣкъ того періода уже зналъ огонь; принимая въ соображеніе положеніе костей, напримѣръ, позвонковъ, сохранившихъ свое естественное отношеніе, приходится заключить, что огонь этотъ разводился человѣкомъ тогда именно, когда масса найденныхъ костей была въ свѣжемъ видѣ. Однимъ словомъ, выводъ, что человѣкъ жилъ одновременно съ различными вымершими млекопитающими, кости которыхъ вырыты были нами около Карачарова, нужно считать безусловно вѣрнымъ. Но этого мало; безспорно еще то, что человѣкъ того времени охотился за вымершими гигантами и питался ихъ мясомъ. При этомъ поразительно только то, что человѣкъ достигалъ своихъ охотничьихъ цѣлей съ помощію вполнѣ несовершенныхъ, въ истинномъ смыслѣ слова первобытныхъ отдаленнаго орудій. Дѣйствительно, каменныя орудія, которыми располагалъ первобытный человѣкъ эпохи мамонта и ископаемаго носорога, крайне несовершенны. Въ массѣ костей, закутанныхъ

---

[1]) Это предположеніе я уже высказалъ въ „Антропологической поѣздкѣ въ центральную и восточную Россію“, стр. 24.

глиной, въ которой, какъ я сказалъ, встрѣчались и частички угля, можно было находить громадное количество кремневыхъ осколковъ. Въ числѣ этихъ кусковъ и осколковъ кремня, почти съ каждымъ ударомъ желѣзной лопатки встрѣчавшихся между костями, было много, хотя и не вполнѣ правильныхъ, ядеръ, то-есть, тѣхъ именно кусковъ кремней, отъ которыхъ отбивались осколки, употреблявшіеся какъ орудія. Въ громадной массѣ кремневыхъ осколковъ можно было находить и такіе, которые служили вмѣсто ножей; затѣмъ, кромѣ ядеръ и ножей, вмѣстѣ съ костями находились и скребки, хотя весьма рѣдко; по крайней мѣрѣ въ моей коллекціи находится только два совершенно типичные скребка. Въ надеждѣ, что графъ А. С. Уваровъ издастъ изображенія принадлежностей каменнаго вѣка, найденныхъ около Карачарова вмѣстѣ съ костями мамонта, я ограничусь здѣсь касательно этого предмета только общими замѣчаніями. При видѣ кремневыхъ ядеръ, разнаго рода осколковъ и скребковъ, найденныхъ нами около Карачарова, ни одинъ опытный наблюдатель не усомнится въ ихъ искусственномъ происхожденіи,—хотя правда, всѣ эти остатки каменнаго вѣка, въ общей сложности, весьма грубы и далеко уступаютъ по своему совершенству кремневымъ орудіямъ, найденнымъ мною въ селѣ Костёнкахъ также съ костями мамонта; не достигаютъ они и того разнообразія, въ какомъ являются костёнскія кремневыя орудія; около Карачарова не достаетъ ни ланцетообразныхъ ножей, ни сколько-нибудь отчетливо обдѣланныхъ копій. Всѣ карачаровскія орудія сдѣланы изъ краснаго желѣзистаго кремня, относящагося, по видимому, къ юрской формаціи, осадки которой встрѣчаются около Мурома, а самые кремни можно видѣть значительными кусками въ наносахъ въ видѣ валуновъ. Кремень этотъ не такъ красивъ въ изломѣ, какъ служившій матеріаломъ для издѣлій въ Костёнкахъ. Кромѣ кремневыхъ орудій, между костями встрѣчались небольшой величины камни; въ моей коллекціи находится одинъ такой камень— діоритъ, вѣроятно искусственно, но грубо обитый въ видѣ сентъ-ашёльскаго топора; края его довольно остры, и онъ въ нѣкоторой степени могъ удовлетворять своему назначенію.

И такъ, человѣкъ каменнаго періода, эпохи мамонта, оставилъ намъ только весьма грубыя произведенія своихъ рукъ: запасъ орудій, которыми онъ располагалъ въ то время, былъ, очевидно,

бѣденъ. Между тѣмъ, ему приходилось сталкиваться съ громадными животными; въ томъ числѣ были, кромѣ мамонта и носорога, первобытный быкъ и благородный олень. Вмѣстѣ съ костями всѣхъ этихъ животныхъ была найдена еще одна, принадлежавшая также оленю, но такому, который, по всему вѣроятію, не былъ до сихъ поръ извѣстенъ для науки; этотъ остатокъ оленя состоитъ изъ одного только междуребернаго хряща, соединяющаго грудную кость съ нижнимъ краемъ одного изъ реберъ. Судя по этому хрящу, нужно думать, что вымершій олень былъ громаднымъ животнымъ; онъ стоялъ довольно близко къ лосю, но былъ больше его ростомъ, а по виду стройнѣе. Кости всѣхъ этихъ млекопитающихъ находились вмѣстѣ съ каменными орудіями, притомъ кости мамонта и носорога преобладали; всѣ эти остатки, вмѣстѣ съ орудіями и частицами угля, были перемѣшаны между собою безъ всякаго порядка, составляя одну главную кучу: отсюда ясно, что всѣ названныя млекопитающія жили одновременно съ человѣкомъ и составляли для него предметъ охоты. Является вопросъ: какъ же въ самомъ дѣлѣ первобытный человѣкъ, съ такими несовершенными орудіями, могъ охотиться за такимъ звѣремъ, какъ мамонтъ? Господствуетъ по этому поводу довольно справедливое мнѣніе, что мамонта ловили въ ямы, какъ это дѣлается до сихъ поръ при ловлѣ слоновъ. Но, съ другой стороны, наши современники мамонта, живя въ климатѣ холодномъ, гдѣ господствовали зимы, изобиловавшія снѣгомъ, могли охотиться за мамонтомъ и его спутникомъ носорогомъ весною, по насту, загоняя ихъ въ овраги, наполненные снѣгомъ, при чемъ сами могли пользоваться лыжами. Однимъ словомъ, они могли располагать при охотѣ на большихъ млекопитающихъ тѣми двумя способами—ямами и промысломъ по насту, который до сихъ поръ господствуетъ въ лѣсной полосѣ Сибири и Россіи, напримѣръ, у Зырянъ и Остяковъ. Вообще, какъ я уже сказалъ въ другомъ мѣстѣ [1]), первобытные обитатели эпохи мамонта, какъ въ нынѣшней Воронежской губерніи, такъ и около Карачарова, должны были представлять прообразъ нынѣшнихъ Остяковъ и Самоѣдовъ по ихъ жилищу, такъ какъ они жили не въ пещерахъ, а на открытомъ воздухѣ.

---

[1]) Антрополог. поѣздка въ центральную и восточную Россію, стр. 84.

Во всякомъ случаѣ около Карачарова найдена, хотя и невполнѣ ясная, страница, изъ исторіи человѣческой дѣятельности, относящейся къ весьма отдаленному отъ насъ прошлому; эта страница, не смотря на ея неясность и неполноту, чрезвычайно для насъ поучительна. Изъ раскопокъ прежде всего очевидно, что человѣкъ жилъ одновременно съ млекопитающими, нынѣ по большей части вымершими, изъ коихъ нѣкоторыя составляютъ и въ настоящее время предметы удивленія для человѣка по ихъ болѣе или менѣе рѣдкимъ остаткамъ: таковы мамонтъ и носорогъ; другія изъ этихъ животныхъ, какъ благородный олень, существуютъ теперь только внѣ предѣловъ Европейской Россіи, и наконецъ, третьи, какъ огромный олень, близкій къ лосю, но по видимому, не сходный съ такъ-называемымъ гигантскимъ или исландскимъ оленемъ (Cervus megaceros), составляютъ только загадку для науки. По медвѣжьему черепу, найденному въ Муромѣ, очевидно, что человѣкъ жилъ одновременно и съ громаднымъ пещернымъ медвѣдемъ (Ursus spelacus). Всѣ эти спутники человѣка, враги его и предметы его пропитанія, относятся (кромѣ благороднаго оленя) къ такъ-называемому диллувіальному періоду, который, несомнѣнно, отдѣленъ отъ насъ чрезвычайно длиннымъ промежуткомъ времени; диллувіальный періодъ на столько отдаленъ отъ насъ, что древность его можетъ оцѣнить только тотъ, кто привыкъ измѣрять время геологическою мѣрою. И въ самомъ дѣлѣ, прежде всего нужно принять во вниманіе то обстоятельство, сколько именно нужно было времени для того, чтобы господствовавшіе во времена древнѣйшаго человѣка звѣри, какъ мамонтъ и носорогъ, совершенно исчезли съ лица земной поверхности. Если они вымерли потому, что ихъ усиленно истреблялъ человѣкъ, то могло ли это истребленіе идти быстро при самомъ первобытномъ вооруженіи человѣка? Напротивъ того, первобытные дикари, населявшіе равнины Европейской Россіи, должны были напоминать собою современные бродячіе народы сѣвера Россіи и Сибири; нѣтъ ни одного сухопутнаго животнаго, которое было бы истреблено этими народами, прежде чѣмъ они познакомились съ орудіями болѣе совершенными, принесенными къ нимъ представителями болѣе цивилизованныхъ расъ, а въ данномъ случаѣ преимущественно Русскими. Вмѣстѣ съ постепеннымъ истребленіемъ окружавшихъ пер-

вобытнаго человѣка животныхъ, нужно допустить еще и другой фактъ: это—вѣроятное измѣненіе климатическихъ условій, которыя въ концѣ концовъ, какъ нужно думать, сдѣлались неблагопріятными для вымершихъ или исчезнувшихъ съ земной поверхности гигантовъ. Вліяніе климатическихъ условій на вымираніе диллувіальныхъ млекопитающихъ, кажется мнѣ, признать необходимо, ибо истребленіе ихъ рукою человѣка, вооруженною крайне несовершенными орудіями, допустить всецѣло весьма трудно. Если же такъ, то извѣстно, какъ медленно измѣняются на земной поверхности эти климатическія условія, рядомъ со всякими другими физико-географическими явленіями. Каковы ни были бы однако же условія исчезновенія или вымиранія диллувіальныхъ млекопитающихъ, во всякомъ случаѣ человѣкъ, имъ современный, обиталъ при условіяхъ, для насъ необычайныхъ, непонятныхъ, даже поразительныхъ, если возсоздать теоретически картину природы нашихъ странъ во время диллувіальнаго періода. Въ самомъ дѣлѣ, судя по животнымъ, условія, въ которыхъ обитали древніе Карачаровцы и жители каменнаго вѣка долины Оки, очерченные мною въ двухъ предшествующихъ статьяхъ, были рѣзко различны: то былъ рѣшительный контрастъ между обитателями эпохи мамонта и жителями, охотившимися на животныхъ, оставшихся въ живыхъ и до сихъ поръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы видимъ самыя несовершенныя каменныя орудія у древнихъ Карачаровцевъ и въ то же время находимъ большое разнообразіе каменныхъ и костяныхъ орудій, достигшихъ большаго совершенства, у древнихъ Волосовцевъ и обитателей Плеханова бора. Обстановка, въ которой жили послѣдніе, вполнѣ напоминаетъ намъ нашу современную эпоху,—только природа ея находилась въ дѣвственномъ состояніи: то были извѣстные по пѣснямъ и сказаніямъ Муромскіе лѣса, съ куницей, вепремъ, бобромъ и проч. Другое дѣло—древніе Карачаровцы; орудія ихъ на столько же несовершенны и грубы, на сколько отмѣнны отъ современныхъ окружавшія ихъ млекопитающія. Однимъ словомъ, теперь пока мы не имѣемъ переходныхъ стадій между этими двумя рѣзко различными лагерями, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ по окружавшимъ его животнымъ къ диллувіальному періоду, а другой—къ новѣйшему, аллувіальному. Открытіе переходныхъ звеньевъ между жителями этихъ двухъ періодовъ вре-

мени—это многообѣщающая по своей плодотворности для исторіи нашего отечества задача будущаго; она предлежитъ будущимъ послѣдователямъ, которые неизбѣжно должны вооружиться настойчивостью и современными физико-географическими и антропологоэтнографическими методами наблюденія.

Есть еще одно весьма важное обстоятельство, по которому можно судить о той глубокой древности, къ коей относятся слѣды человѣка въ окрестностяхъ Карачарова. Это—условія физико-географическія или геологическія, въ которыхъ названные слѣды человѣка найдены. Сѣрая, нѣсколько песчанистая глина, въ которой лежали кости и орудія, пронизана по разнымъ направленіямъ трубочками и волокнами отъ растительныхъ корней; эти остатки корней, часто длинные, тонкіе и нитевидные, въ особенности распространялись въ глинѣ около костей. На основаніи этихъ растительныхъ остатковъ нужно думать, что глина, содержащая въ себѣ ископаемые остатки, есть образованіе сухопутное, а не водное. Слой глины по направленію къ Окѣ утолщается, пріобрѣтая мощность болѣе 3—4 аршинъ; дальше же отъ Оки вверхъ по оврагу, слѣдовательно—на западъ, слой этотъ довольно быстро уменьшается въ толщинѣ. Песчанистая глина лежитъ на красной, ледниковой глинѣ, содержащей въ себѣ валуны; по мѣрѣ того какъ на западъ слой сѣрой глины утончается или даже почти совершенно исчезаетъ, эта красная глина выступаетъ яснѣе и наконецъ появляется весьма толстымъ пластомъ; затѣмъ вмѣсто сѣрой глины на красную ледниковую налегаетъ песокъ. Еще далѣе на западъ по разрѣзу оврага красная ледниковая глина начинаетъ снова понижаться, уходитъ подъ горизонтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ песокъ также выклинивается. Въ общемъ, въ разрѣзѣ, красная ледниковая глина представляетъ изъ себя округленный холмъ, съ песчаною вершиной; на восточномъ склонѣ этого холма лежитъ сѣрая глина, пластъ которой постепенно, начиная съ вершины ледниковаго холма къ его основанію, утолщается. То же самое происходитъ и на западномъ склонѣ этого первобытнаго холма; сѣрая глина, почти исчезающая на вершинѣ холма, къ западу утолщается, между тѣмъ какъ слой песку выклинивается, а красная глина теряется внизу. Однимъ словомъ, если представить себѣ довольно высокій холмъ, въ окрестностяхъ котораго находившіяся низины заполнены сѣрою

глиной, сравнявшею вершину холма со всѣми другими окрестными высотами, то мы будемъ близки къ истинѣ. Послѣ того, какъ сѣрая глина заровняла впадины, она образовала сверху довольно ровную поверхность, на которой расположился растительный или черноземный слой, толщиною, какъ я уже сказалъ, отъ одной четверти до полуаршина. Итакъ, черноземъ здѣсь — послѣдняя страница, хотя и для его образованія необходимы были, конечно, цѣлыя тысячелѣтія; и именно въ періодъ образованія этого чернозема въ самой долинѣ рѣки обитали тѣ жители каменнаго вѣка, которые были мною очерчены въ предшествующихъ статьяхъ. Но подъ черноземомъ лежитъ еще болѣе громадная толща сѣрой, песчанистой глины, въ которой погребены человѣческія произведенія съ костями мамонта и другихъ вымершихъ млекопитающихъ. Если же глина есть въ самомъ дѣлѣ образованіе атмосферное, сухопутное, мѣстная разновидность лёса,—къ чему имѣется наиболѣе вѣроятности,—то нужно допустить, что пребываніе человѣка палеолитическаго періода около Карачарова дѣйствительно должно относиться къ глубокой древности. Нужно себѣ представить, что окрестности Мурома и Карачарова были въ эту эпоху менѣе ровны, что онѣ не имѣли того совершенно равниннаго характера, какой представляютъ теперь. Здѣсь находились холмы болѣе высокіе, съ вершинъ которыхъ вѣтрами и дождевыми водами сносились частицы почвы въ болѣе низменныя впадины; высота холмовъ уменьшалась вмѣстѣ съ глубиною лежавшихъ около нихъ впадинъ именно,—мѣстность стремилась принять вполнѣ равнинный характеръ. Если взять въ соображеніе, что лёсъ, являющійся въ данномъ случаѣ въ видѣ песчанистой глины, обязанъ своимъ происхожденіемъ главнымъ образомъ вѣтрамъ, уносившимъ составные его элементы съ окрестныхъ высотъ въ видѣ пыли,—то будетъ понятно, какой продолжительный періодъ времени нужно было для того, чтобы надъ найденными нами слѣдами человѣка образовать толщу около одного метра или почти до полутора аршина толщиной. Если допустить, что черноземъ и лесъ могли образоваться съ одинаковою быстротой, или сказать точнѣе, медленностью, то можно допустить, что жители палеолитическаго періода, жившіе около Костенокъ, были почти современны съ древними Карачаровцами, такъ какъ надъ остатками человѣческой дѣятельности въ Костёнкахъ лежитъ приблизи-

тельно та же толща, но только не леса, а чернозема, именно отъ 1,15 метра до 1,4 м. (отъ 1 арш. 10 верш. до 2 арш.) [1]. Если такъ, то прійдется допустить, что и климатическія, и почвенныя условія около Карачарова были еще долго не такъ благопріятны для растительности, какъ это было около Костёнокъ. Подобное же обстоятельство весьма легко могло стоять въ связи съ ледниковымъ періодомъ, да и вообще, палеолитическій человѣкъ Костёнокъ и Карачарова стоялъ, очевидно, ближе къ этому періоду, чѣмъ къ современному. Такой выводъ приходится неизбѣжно сдѣлать, если принять во вниманіе окружавшихъ въ то время человѣка диллувіальныхъ животныхъ—мамонта, носорога и другихъ, служащихъ до сихъ поръ самымъ рѣшительнымъ палеонтологическимъ признакомъ при опредѣленіи времени; не было еще, кажется, ни одного сколько-нибудь обстоятельнаго геолога, который отнесъ бы почвы, въ коихъ встрѣчаются кости этихъ животныхъ, къ аллувіальному или современному періоду. Съ другой стороны, принимая въ соображеніе тотъ фактъ, что во время ледниковаго періода большая часть сѣверо-западной и средней Россіи была покрыта ледниками, нужно думать, что съ наступленіемъ болѣе благопріятныхъ климатическихъ условій, неблагопріятное вліяніе ледниковъ на растительность скорѣе прекратилось для окрестностей Воронежа, чѣмъ для болѣе удаленныхъ на сѣверъ окрестностей Мурома. И очень можетъ быть, что въ то время, когда въ Воронежской губерніи уже разстилались луга, когда тамъ развилась богатая растительность, въ окрестностяхъ Мурома господствовала еще скудная сѣверная флора, а въ Финляндіи и Олонецкой губерніи наиболѣе выдающіяся высоты были закованы льдомъ, низины же были заполнены многочисленными и обширными озерами; и если окрестности Воронежа и Мурома были болѣе или менѣе благопріятны для обитанія человѣка, то возвышенный сѣверо-западный уголъ Россіи, Финляндія и Олонецкая губернія не могли быть обитаемы человѣкомъ уже потому, что его спутники, носорогъ и мамонтъ, не водились еще тамъ въ должномъ изобиліи: по крайней мѣрѣ остатки ихъ изъ этихъ областей крайне рѣдки или совер-

[1]) Антропологическая поѣздка въ центральную и восточную Россію, стр. 22.

шенно неизвѣстны. Вообще, судя по исторіи ледниковъ, нужно предполагать, что въ ледниковый періодъ и въ концѣ его въ Европейской Россіи людское населеніе сосредоточивалось преимущественно въ среднихъ и южныхъ частяхъ ея, и вѣроятно, древніе обитатели окрестностей Костёнокъ и Карачарова принадлежатъ къ числу этихъ коренныхъ жителей. Въ такомъ случаѣ періодъ времени, отдѣляющій ихъ отъ насъ, долженъ быть громаденъ. По этому предмету позволю себѣ привести здѣсь соображенія, уже высказанныя мною въ другомъ мѣстѣ: „Теперь же пока все говоритъ за то, что у насъ былъ развитъ ледниковый періодъ въ чрезвычайно широкихъ размѣрахъ, и трудно себѣ представить, какъ велико было время, въ теченіе котораго онъ господствовалъ. Уже только для образованія снѣговой или ледяной толщи въ 3000 футовъ мощностью, требовалось время; точно также, въ какое количество времени валуны могли пропутешествовать разстояніе въ одну тысячу верстъ отъ мѣста ихъ залеганія? Если даже представить себѣ наибольшую скорость, съ которою нынѣ двигаются только при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ ледники съ высокихъ Альпъ, именно со скоростью 84 метровъ (275 футовъ) въ годъ, то и тогда валунъ долженъ пропутешествовать разстояніе въ одну тысячу верстъ вмѣстѣ съ ледникомъ только въ 13 тысячъ лѣтъ. Наши же ледники не имѣли крутыхъ скатовъ для движенія и поэтому двигались, вѣроятно, со скоростью въ два или три раза меньшею, поэтому и разстояніе въ тысячу верстъ они могли пройдти только въ 30 до 40 тысячъ лѣтъ" [1]). Если взять при всемъ этомъ въ соображеніе тотъ фактъ, что климатическія условія измѣняются всегда медленно, и что было необходимо для накопленія чрезвычайныхъ массъ снѣговъ и льду въ Европейской Россіи также много времени, какъ и для исчезновенія этихъ массъ, и если ледники еще господствовали на крайнемъ сѣверо-западѣ Россіи въ ту эпоху, когда въ центральныхъ ея частяхъ обитали люди вмѣстѣ съ носорогомъ и мамонтомъ,—то и для таянія этихъ остатковъ, долженствовавшихъ имѣть еще большую мощность, были необходимы десятки тысячъ лѣтъ. Такимъ образомъ несомнѣнно, что промежутокъ времени, отдѣлявшій жителей эпохи мамонта

[1]) Живописная Россія, т. I, стр. 349.

около Карачарова отъ древнихъ Волосовцевъ, долженъ быть считаемъ чрезвычайно продолжительнымъ; между этими двумя періодами лежитъ пробѣлъ, который въ западной Европѣ имѣетъ переходное звѣно въ періодѣ сѣвернаго оленя, а у насъ еще ждетъ дальнѣйшихъ изслѣдованій.

III.

Верховья Волги.

Мое пребываніе въ верховьяхъ Волги.—Остатки каменнаго вѣка на озерѣ Сигѣ: на сѣверо-восточной его сторонѣ и на мысахъ Коровкѣ и Бѣлкѣ.—Остатки каменнаго вѣка на берегахъ Селигера: около Осташкова, слободы Рожковской, Ниловой пустыни и селенія Новыхъ Ельцовъ.—Орудія изъ долины Волги, около озеръ Стержа и Овселука.—Городища въ долинѣ Волги и на берегу озера Глубокаго.—Дальнѣйшій путь.

Большую часть лѣта 1874 года я провелъ въ окрестностяхъ города Осташкова, изслѣдуя, по порученію Общества естествоиспытателей при С.-Петербургскомъ университетѣ, водную и сухопутную фауну здѣшняго края. При этомъ всѣ главныя озера, лежащія въ верховьяхъ Волги, были искрещены мною на лодкахъ, а берега ихъ были обойдены пѣшкомъ, съ ружьемъ въ рукахъ. Рядомъ съ современною жизнью природы и человѣка, мнѣ не могли не броситься въ глаза и слѣды уже угасшей жизни, которые, можно сказать, здѣсь повсемѣстно весьма многочисленны. Многіе въ настоящее время пустынные углы здѣшняго края, какъ оказывается, были уже обитаемы человѣкомъ въ эпоху каменнаго вѣка. Эти слѣды до-исторической жизни относятся всѣ къ неолитическому или позднѣйшему періоду, здѣшніе представители котораго были, вѣроятно, современны съ жителями каменнаго вѣка Олонецкой губерніи, а также долины Оки и самой Волги въ среднемъ ея теченіи, какъ напримѣръ, въ Казанской губерніи, около селенія Карташихи [1]). Каменныя орудія находятся въ верховьяхъ Волги преимущественно въ растительномъ слоѣ, по берегамъ озеръ, а также на прибрежныхъ песчаныхъ холмахъ; остатки каменнаго вѣка нерѣдко можно находить въ бе-

---

[1]) Антропологич. поѣздка въ центр. и вост. Россію, стр. 71—74.

реговой гальке, куда они попадают после того, как берега подмываются водою. Вообще в верховьях Волги, как и в большей части северо-западной России, в особенности же в так-называемой озерной области, жители каменнаго века преимущественно избирали местами своего пребывания берега озер. Конечно, уже по самому существу предмета, мои наблюдения были только поверхностны, так как я не имел средств предпринимать значительныя раскопки, возможныя только в виду каких-либо практических или технических целей. С подобнаго рода раскопками, может быть, памятники быта жителей каменнаго века увеличились бы в количестве, нашлись бы в таком случае существенныя данныя, замытыя водой в глубину почвы и скрытыя теперь от наблюдателей; но я должен был ограничиваться тем, что доступно наблюдению, что пока открыто для изследователя в естественных обнажениях берегов и почвы. Здесь я укажу на пункты наиболее характерные, в которых обитали жители каменнаго века в верховьях Волги.

Верстах в десяти к югу от Осташкова лежит довольно большое, верст до 6 в длину, озеро Сиг. На северо-восточной его стороне есть мыс, довольно далеко вдающийся в озеро; мыс приходится между деревнями Буковицами и Алкатовой. Все пространство между этими деревнями пустынно, берег по большей части низменный, а во многих местах и болотистый; 25-го апреля 1874 года озеро было уже чисто от льда, кроме берегов, на которых лед был набит громадными кучами; в тех же местах, где берега состояли из болот и торфяников, напор льда оставил следы своего действия, образовав на этих берегах валы, совершенно подобные тем, которыя я видел в Олонецкой губернии, например, около Тудозера [1]). Если лед сдвигает торфяные берега, при чем результатом сдвигов являются валы, то то же самое он мог сделать и с валунами, находившимися в воде около берегов. Подобное явление здесь также существует; валы из валунов были встречены мною по берегам в нескольких местах, но в одном месте они были в особенности характерны. Южнее д. Алкатовой был встречен мною

[1]) Записки по Отд. Этногр., т. III, стр. 340—341.

валъ до такой степени правильный, что я сначала готовъ былъ признать его за искусственный; впрочемъ, это даже не одинъ валъ, а два, совершенно параллельные другъ къ другу. Первый валъ находится отъ обыкновеннаго уровня озера въ разстояніи саженъ двухъ; онъ состоитъ изъ цѣлаго ряда валуновъ, изъ коихъ нѣкоторые достигаютъ нѣсколькихъ аршинъ въ наибольшемъ поперечникѣ; на нѣкоторыхъ же вверху существуютъ площадки настолько просторныя, что на нихъ свободно могутъ сидѣть два человѣка; валъ этотъ имѣетъ около двухъ аршинъ высоты, а въ длину простирается на нѣсколько саженъ, и притомъ валуны стоятъ почти сплошь или на самомъ близкомъ разстояніи другъ отъ друга. На разстояніи сажени въ глубь материка, около перваго вала расположенъ совершенно ему параллельно другой, состоящій преимущественно изъ еще бо̀льшихъ валуновъ; поэтому онъ еще выше и какъ бы массивнѣе перваго. Всѣ валуны крѣпко замыты въ озерный наносъ, состоящій изъ гальки, растительной земли и даже торфа. Первоначальное свое предположеніе объ искусственномъ происхожденіи каменныхъ валовъ я смѣнилъ затѣмъ заключеніемъ, что они имѣютъ аналогичное начало съ береговыми валами изъ торфа; именно, я думаю, что валуны были снесены льдомъ, хотя, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ частностяхъ въ устройствѣ ихъ проявилось и участіе человѣка. Во всякомъ случаѣ эти валы были извѣстны уже до-историческому человѣку, и именно тому, который зналъ только искусство готовить свои домашнія принадлежности и орудія изъ камня, и слѣдовательно, кости. Однимъ словомъ, этихъ валовъ, находящихся въ настоящее время въ самомъ пустынномъ углу озера, въ самой необитаемой части его прибрежій, никто правильно и систематически не посѣщалъ, не имѣлъ здѣсь постояннаго мѣстопребыванія, кромѣ жителей каменнаго вѣка, которые, какъ это станетъ ясно изъ дальнѣйшихъ фактовъ, были нѣкогда на берегахъ озера Сига многочисленны. Въ доказательство того, что жители каменнаго вѣка на этихъ валахъ оставались продолжительно, они оставили обломки посуды весьма грубой, сдѣланной изъ глины, а главнымъ образомъ массу кремневыхъ осколковъ, весьма типичныхъ, служившихъ орудіями, напримѣръ, ножами, или же происшедшихъ отъ обдѣлки орудій. Я не только находилъ всѣ эти остатки въ щебнѣ и въ озерномъ на-

носѣ, лежащемъ у основанія валовъ, но даже больше: кремневые осколки часто встрѣчались въ разсѣлинахъ огромныхъ валуновъ или въ промежуткахъ между разными валунами. Остается только поставить вопросъ: жили ли обитатели каменнаго вѣка здѣсь постоянно, или же появлялись только временно, тѣмъ болѣе, что, вѣроятно, въ періодъ ихъ существованія озеро имѣло высшій уровень, и валы находились частію въ водѣ. Они могли пребывать здѣсь временно съ двоякою цѣлью: или они ловили здѣсь рыбу въ тотъ или другой періодъ времени, или же, можетъ быть, отдавали этимъ каменнымъ валамъ божескія почести: извѣстно, что и нынѣшніе Самоѣды и Остяки поклоняются въ низменной долинѣ Оби и въ плоскихъ прибрежьяхъ Ледовитаго океана валунамъ, выдающимся своей болѣе или менѣе необыкновенною формой и размѣрами, а также метеорнымъ камнямъ. Я по личному опыту знаю, что Остяки поклоняются камню, лежащему въ водахъ Оби, и значительная часть котораго выдается надъ поверхностью воды; такой валунъ я видѣлъ не въ дальнемъ разстояніи отъ Кондинска. Описанные мною каменные валы на сѣверо-восточномъ берегу озера Сига составляютъ явленіе рѣдкое и почти исключительное не только для береговъ этого озера, но даже и вообще для всего верховья Волги и озерной области; поэтому было бы неудивительно, что они, какъ явленіе исключительное, могли обратить на себя вниманіе жителей каменнаго вѣка. Къ сожалѣнію, дѣлать какія-либо раскопки около этихъ валовъ я не имѣлъ возможности.

Укажу еще на два пункта въ прибрежьяхъ озера Сига, на которыхъ были найдены мною явные слѣды каменнаго вѣка. Первый изъ нихъ—это мысъ, лежащій на сѣверо-западной сторонѣ озера, противъ погоста Сига, недалеко отъ усадьбы Уткино-Іевлево, принадлежащей С. П. Уткину, и въ которой я пользовался во время своихъ изслѣдованій гостепріимствомъ и любезностью хозяевъ. Мысъ носитъ названіе Коровка, какъ говорятъ, потому, что въ его болотистой почвѣ завязла нѣкогда и погибла корова. Въ самомъ дѣлѣ мысъ имѣетъ совершенно болотистый характеръ; онъ—низменный, поверхность его кочковатая, почва—торфянистая, покрытая мелкими кустарниками. Около окраинъ торфа, по берегу озера, по большей части въ водѣ, и только въ немногихъ случаяхъ на сушѣ, я нашелъ множество кремневыхъ обломковъ, до-

вольно грубыхъ кремневыхъ топоровъ и наконечниковъ стрѣлъ; вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь была масса обломковъ отъ грубой глиняной посуды. Прослѣживая естественное, коренное залеганіе остатковъ, я пришелъ къ заключенію, что ихъ не имѣется въ самомъ торфѣ, составляющемъ самый верхній пластъ почвы; показалось же мнѣ болѣе вѣроятнымъ, что орудія залегаютъ въ пескѣ и въ щебнѣ, на которыхъ собственно и покоится торфъ; однимъ словомъ, толща торфа отъ одной четверти до полуаршина показалась мнѣ образованіемъ, происшедшимъ послѣ того, какъ здѣсь обитали жители каменнаго вѣка. Но въ такомъ случаѣ, если вмѣсто торфа нынѣшній мысъ былъ покрытъ водой, то какимъ образомъ могли попасть сюда въ почву каменныя орудія? Этотъ вопросъ остается для меня пока загадочнымъ. Второй пунктъ, на которомъ были найдены остатки каменнаго вѣка, лежитъ на юго-западномъ берегу, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Уткиной-Іевлевой, немного южнѣе деревни Новаго Курмева; здѣсь находится такъ-называемый заливъ Бѣлки. Мысъ, за которымъ начинается заливъ, и служилъ мѣстопребываніемъ жителей каменнаго вѣка. Самый мысъ состоитъ изъ низины, образованной торфомъ; наибольшая ширина торфяной части мыса простирается до 50 саженъ, съ общею длиной въ два раза большею. На окраинѣ мыса находится торфяной валъ, образовавшійся, очевидно, вслѣдствіе напора льда. Затѣмъ, пройдя торфяную низину по направленію вглубь материка, можно встрѣтить настоящій материкъ, являющійся въ видѣ пологаго холма. Въ основаніи холма лежитъ ледниковый наносъ съ валунами, и на немъ въ свою очередь покоится нетолстый глинистый или песчаный слой безъ валуновъ, за которымъ слѣдуетъ наконецъ растительная или пахотная почва. На этой возвышенной части мыса и раскинуты пашни современныхъ жителей. На этихъ именно поляхъ я и находилъ большое количество кремневыхъ, весьма типичныхъ обломковъ, такъ что, несомнѣнно, возвышенная часть мыса и была нѣкогда обитаема жителями каменнаго вѣка. Притомъ нужно думать, что низменная торфяная окраина мыса въ періодъ каменнаго вѣка не существовала: вмѣсто торфа здѣсь была вода. Къ числу безспорныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ, что возвышенная часть мыса была обитаема жителями каменнаго вѣка, относится, между прочимъ, наконечникъ стрѣлы, найденный здѣсь въ

растительномъ слоѣ; этотъ наконечникъ, изъ темнаго кремня, изображенъ въ настоящую величину на таблицѣ IX, фиг. 1. По типу онъ напоминаетъ многіе экземпляры наконечниковъ, происходящіе изъ долины Оки; такъ наконечники, изображенные на таблицѣ VII, отличаются только болѣе изящною и аккуратною обдѣлкой. Очевидно также, что встрѣчающіеся на мысу Бѣлкахъ кремневые обломки относятся къ каменному вѣку; но вмѣстѣ съ ними находятся въ пахотномъ слоѣ множество горшечныхъ обломковъ, также кости различныхъ, преимущественно домашнихъ животныхъ. Касательно этихъ горшечныхъ обломковъ и костей трудно сказать, чтобъ они относились къ каменному вѣку,—скорѣе это принадлежности жителей курганнаго періода. Такое заключеніе можетъ быть даже вполнѣ справедливо по той причинѣ, что тутъ же, въ глубинѣ залива, недалеко отъ мыса расположено шесть кургановъ правильнымъ рядомъ и почти съ одинаковыми промежутками между собою. Вообще, по отношенію къ верховьямъ Волги, я пришелъ къ тому заключенію, что, вѣроятно, каменный вѣкъ смѣнился здѣсь непосредственно курганнымъ періодомъ, или во всякомъ случаѣ, что эти двѣ до-историческія эпохи стояли здѣсь въ тѣсной связи: повсемѣстно, гдѣ только встрѣчаются слѣды каменнаго вѣка, тамъ же попадаются и слѣды курганнаго періода; по видимому, жители курганнаго періода тѣснили своихъ предшественниковъ, шли по пятамъ за ними; рѣдко гдѣ случается найдти каменныя орудія или кремневые обломки въ совершенной чистотѣ, безъ примѣси костей, хотя и подвергавшихся отдѣлкѣ, домашнихъ животныхъ. Предстоящее еще изслѣдованіе многочисленныхъ кургановъ, расположенныхъ иногда группами въ нѣсколько десятковъ и раскинутыхъ въ разныхъ мѣстахъ верховьевъ Волги (таковы, напримѣръ, мѣста около Заисперечья и Кустыни на Волгѣ, около Березовскаго погоста на Селигерѣ, въ окрестностяхъ Ширкова и т. д.) выяснитъ, вѣроятно, культурныя отношенія расъ, относящихся къ двумъ разнымъ періодамъ; во всякомъ же случаѣ изслѣдованіе верхне-волжскихъ кургановъ должно дать весьма интересный научный матеріалъ.

По берегамъ всѣхъ другихъ озеръ остатки каменнаго вѣка также весьма обыкновенны, и притомъ въ условіяхъ ихъ нахожденія нѣтъ никакихъ особенно выдающихся фактовъ; все это остатки неолитическаго періода. Нѣтъ точно также какихъ-либо

явленій, которыя указывали бы на сколько-нибудь существенныя измѣненія въ физической географіи тѣхъ мѣстъ, гдѣ жители каменнаго вѣка оставили свои слѣды. Очевидно, что жители каменнаго вѣка селились на озерахъ около мысовъ и заливовъ, въ которыхъ они искали спасенія на своихъ ладьяхъ во время непогодъ. И если взять озеро Селигеръ, то очевидно, здѣсь эти неудобства были повсюду, благодаря изобилію, какъ мысовъ и заливовъ, такъ и острововъ. Такъ, слѣды каменнаго вѣка встрѣчаются повсюду, даже около самаго города Осташкова, расположеннаго на мысу, въ южной части озера Селигера; на песчаныхъ берегахъ озера, въ окрестностяхъ самаго города, типичные кремневые осколки, принадлежащіе несомнѣнно къ каменному вѣку, встрѣчаются повсюду. Встрѣтить настоящія орудія около города, конечно, трудно, такъ какъ подъ именемъ громовыхъ стрѣлъ они имѣютъ значеніе у мѣстныхъ жителей; тѣмъ не менѣе въ одномъ изъ самыхъ посѣщаемыхъ горожанами пунктовъ Осташкова, я нашелъ на берегу Селигера весьма хорошее орудіе. Это было на самой крайней оконечности того полуострова, на которомъ расположенъ городъ, именно на мысу, гдѣ находится монастырь; орудіе это очевидно находилось въ растительномъ слоѣ острова, но такъ какъ послѣдній подмывается водами озера, то оно и обрушилось въ воду, вмѣстѣ съ частью берега; оно изображено на таблицѣ IX, фиг. 3, въ настоящую величину. Какъ ясно и изъ рисунка, это — небольшой, довольно остро-заточенный топоръ; сдѣланъ онъ изъ красноватаго роговика. Какъ матеріалъ, изъ котораго топорикъ сдѣланъ, такъ и форма его, весьма напоминаютъ орудія изъ Волосова и Плеханова бора. Судя по этому топору, а также по цѣлой массѣ кремневыхъ осколковъ, можно думать, что каменный вѣкъ новѣйшаго періода существовалъ на югѣ озера Селигера въ весьма чистомъ видѣ. То же самое нужно сказать и о всѣхъ другихъ прибрежьяхъ озера. Такъ, слѣды каменнаго вѣка были найдены мною верстахъ въ четырехъ отъ Осташкова, черезъ заливъ, недалеко отъ свободы Рожковской. Это мѣсто лежитъ по берегу озера, южнѣе самой слободы. Главные пункты его—мысъ Ветла, ограниченный съ одной стороны заливомъ Острицей, съ другой—лукою или заливомъ Кальчугомъ. Мысъ и его окрестности состоятъ изъ песчаныхъ и частію супесчаныхъ холмовъ; по общему характеру топографіи

мѣстности слѣдуетъ заключить, что холмы эти суть продуктъ болѣе или менѣе древнихъ дюнныхъ образованій озера Селигера. Большое количество часто очень тонкихъ, призматическихъ кремневыхъ осколковъ, вполнѣ типичныхъ для каменнаго вѣка, было находимо мною на поверхности песчаныхъ холмовъ или во впадинахъ, въ растительномъ слоѣ, перепаханномъ для пашень. Вмѣстѣ съ кремневыми осколками, встрѣчались въ большомъ количествѣ и обрѣзки костей, часто весьма мелкіе, попадались и человѣческіе зубы. И здѣсь опять-таки есть вѣроятность предполагать, что въ растительномъ слоѣ и на поверхности песчаныхъ холмовъ, кромѣ остатковъ каменнаго вѣка, существуютъ и курганные, хотя представители этихъ двухъ періодовъ могли жить и разновременно; по крайней мѣрѣ встрѣчающіеся обломки горшковъ, вмѣстѣ съ остатками, имѣли отдѣлку болѣе совершенную, чѣмъ мы видимъ то въ издѣліяхъ настоящаго каменнаго вѣка; вообще, присутствіе горшечной посуды, болѣе напоминающей курганный періодъ, наводитъ на мысль о довольно тѣсныхъ отношеніяхъ жителей курганнаго періода къ представителямъ эпохи каменнаго вѣка. Пункты, на которыхъ встрѣчаются собственно остатки жителей каменнаго вѣка, лежатъ надъ уровнемъ озера на высотѣ не болѣе одного или полтора аршина; поэтому есть вѣроятность предполагать, что всѣ пункты около мыса болѣе низкіе, чѣмъ на аршинъ или полтора, были въ каменный вѣкъ залиты водой, и притомъ часть мыса вдавалась въ озеро въ видѣ острова, а между холмами были внутреннія озерки, какъ это обыкновенно бываетъ въ дюнныхъ образованіяхъ.

Сдѣлаю перечень еще другихъ мѣстъ по берегамъ Селигера, гдѣ были найдены болѣе или менѣе характерныя орудія каменнаго вѣка. Въ весьма близкомъ разстояніи отъ извѣстнаго монастыря—Ниловой пустыни, на материковомъ берегу существуютъ и песчаные холмы, и плотные глинистые, покрытые слоемъ чернозема. Осколки кремней находятся здѣсь какъ въ пескахъ, такъ и въ черноземѣ или въ черноземно-растительномъ слоѣ. Судя по типической, призматической формѣ найденныхъ мною осколковъ, съ острыми гранями, не могу не причислить ихъ всѣ къ каменному вѣку, а затѣмъ укажу на одно издѣліе изъ рыбьей кости: это—игла, которая была найдена въ черноземно-растительномъ слоѣ, вмѣстѣ съ осколками.

Ушкомъ ей служило естественное отверстіе, при чемъ края около него не были достаточно сглажены, конецъ же иглы былъ тщательно обточенъ и пріостренъ. Эта игла изображена на таб. IX, фиг. 4; она совершенно сходна съ иглами изъ рыбьихъ костей, которыя я находилъ въ долинѣ Оки, около Волòсова. Есть еще одно весьма оригинальное орудіе, которое было найдено при подобныхъ же условіяхъ, въ другомъ мѣстѣ, именно въ имѣніи графа Толстаго, Новыхъ Ельцахъ, при началѣ той части или вѣтви Селигера, которая называется Березовскими плесами. Это орудіе изображено на таблицѣ VI, фиг. 4, въ половинную величину. Оно состоитъ изъ сланцеваго валуна, довольно тяжелаго, пересѣченнаго вдоль болѣе твердыми прослойками, образующими выступы или какъ бы карнизы; этотъ валунъ частію, можетъ быть, обмытъ водой, хотя поверхность его шероховатая. Человѣкъ старался приноровить этотъ валунъ къ той или другой цѣли съ двухъ его концовъ: на концѣ болѣе тонкомъ валунъ обитъ, по видимому, очень вѣрными ударами какого-либо другаго орудія, и здѣсь появилась довольно правильная плоскость, пересѣкающая валунъ поперекъ. На другомъ, болѣе толстомъ концѣ, валунъ также былъ какъ бы обрубленъ поперекъ, и притомъ эта площадь сѣченія весьма тщательно обточена, чтò и доказываетъ, что валунъ подвергался отдѣлкѣ съ какой бы то ни было цѣлью. При всей формѣ валуна, по его вѣсу, очевидно, что онъ служилъ бьющимъ орудіемъ, замѣнялъ палицу: при этомъ рукояткой служилъ для него узкій конецъ, который совершенно удобно обхватывается рукой, чтò даетъ возможность держать его крѣпко и направлять ударъ вѣрно; бьющею стороной, направленною на какой-либо предметъ, или можетъ быть, на врага, должна была служить та, которая болѣе выпукла.

Остатки каменнаго вѣка находятся и на берегахъ озеръ, лежащихъ непосредственно въ верховьяхъ Волги; такъ подобные остатки, притомъ весьма типичные, были найдены мною при впаденіи Волги, по выходѣ ея изъ озера Стержа, въ Овселукъ, какъ разъ около погоста Ширкова. Здѣсь разнаго рода остатки и принадлежности каменнаго вѣка сохранились въ наибольшей чистотѣ, безъ примѣси какихъ бы то ни было предметовъ, которые наводили бы на мысль о другихъ, болѣе новыхъ эпохахъ человѣческой культуры.

Это мѣстонахожденіе орудій—невысокій, иловато-песчаный холмъ, лежащій по лѣвому берегу Волги, на той именно сторонѣ, гдѣ расположенъ Ширковъ погостъ; на холмѣ распахано поле, на которомъ нынѣ разводится картофель. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что вообще находить самыя совершенныя орудія на пашняхъ въ настоящее время почти не возможно, такъ какъ пашни давно распахиваются, и крестьяне еще въ недавнія времена собирали кремни для добыванія огня, а другіе болѣе характерные предметы брали какъ рѣдкость или какъ громовыя стрѣлы. Тѣмъ не менѣе я нашелъ здѣсь нѣсколько прекрасныхъ скребковъ и ножей. Одинъ изъ такихъ скребковъ представленъ на таблицѣ IX, фиг. 2, въ настоящую величину. Одинъ сдѣланъ изъ плотнаго, каменноугольнаго чернаго кремня и имѣетъ острые края; скребущій же край его обитъ въ видѣ весьма правильнаго полукруга вѣрными и тщательно направленными ударами. По формѣ онъ совершенно сходенъ со скребками окскими и олонецкими, только онъ относительно длиннѣе, чѣмъ тѣ, что̀ встрѣчаются въ этихъ послѣднихъ мѣстностяхъ. Впрочемъ, какъ скребки въ Олонецкой губерніи и въ долинѣ Оки измѣнчивы по величинѣ, формѣ, длинѣ и ширинѣ, такъ видимо они были разнообразны и въ верховьяхъ Волги; по крайней мѣрѣ, вмѣстѣ съ изображеннымъ я нашелъ другой скребокъ, подобной же формы, изъ того же кремня, но болѣе короткій и потому почти тожественный со многими олонецкими и окскими экземплярами. Вмѣстѣ съ этими скребками и ножами были найдены также горшечные обломки; одинъ изъ такихъ изображенъ на таблицѣ IX, фиг. 5. По узору этотъ обломокъ горшка почти не отличимъ отъ многихъ типичныхъ горшечныхъ обломковъ Олонецкой губерніи и Окской долины [1]).

Здѣсь кстати будетъ сказать, что по другую сторону Волги, также недалеко отъ Ширкова погоста, находятся земляныя сооруженія, относящіяся, по видимому, къ болѣе новой эпохѣ, чѣмъ каменный вѣкъ. Къ числу такихъ принадлежитъ четыреугольникъ, имѣю-

---

[1]) Нѣсколько найденныхъ по берегамъ оз. Селигера горшечныхъ обломковъ съ узорами и нѣсколько мелкихъ каменныхъ орудій, по большей части нецѣльныхъ, доставлено было И. С. Поляковымъ въ Тверской музей; описаніе ихъ помѣщено въ изданіи Моск. археолог. общества: Древности, т. VII, вып. 3, стр. 187—189.

Ред.

щій около 15 шаговъ по діагонали; онъ ограниченъ выложенными въ рядъ валунами, при чемъ по угламъ стоятъ валуны наибольшей величины; по срединѣ четырехугольника находится возвышеніе, въ которомъ валуны перемѣшаны съ почвой; средина возвышается около сажени надъ окраинами. Есть четыреугольникъ или квадратъ, обложенный только валунами, безъ всякаго внутри возвышенія. Недалеко отъ этихъ сооруженій находится такой же рядъ изъ шести кургановъ, какой я видѣлъ около залива Бѣлки на озерѣ Сигъ. Считаю необходимымъ указать еще на одинъ памятникъ, вѣроятно, имѣющій нѣкоторое отношеніе къ каменному вѣку, хотя можетъ быть—только посредственное. Между Селигеромъ и озеромъ Овселукомъ лежитъ озеро Глубокое. На сѣверо-западномъ его берегу находится высокій холмъ, который видимо былъ обдѣланъ какъ укрѣпленіе. Этотъ холмъ напоминаетъ вполнѣ городище, осмотрѣнное мною въ Тульскомъ уѣздѣ по р. Тулицѣ [1]), точно также какъ рядъ другихъ, находящихся въ западной Сибири по Оби и на Кавказѣ. О холмѣ на берегу озера Глубокаго сохранилась въ моемъ дневникѣ слѣдующая замѣтка: „Одинъ изъ самыхъ высокихъ холмовъ имѣетъ совершенно плоскую столовидную вершину, тогда какъ всѣ окрестные—округлены. Холмъ называется у мѣстныхъ жителей „городкомъ“, съ неизбѣжнымъ о немъ преданіемъ о принадлежности его ко временамъ Литвы. Спускъ съ холма чрезвычайно крутъ, стѣны его обрывисты, почему и видно, что своимъ внѣшнимъ видомъ онъ обязанъ рукамъ человѣка. На верхней площадкѣ находится заброшенная пашня; среди нея я находилъ весьма грубые обломки горшковъ съ пережженными камнями, изъ коихъ нѣкоторые видимо были въ рукахъ человѣка, умѣвшаго обдѣлывать камень посредствомъ обиванія“. У подошвы холма находится огромная куча камней, подъ которою, вѣроятно, и покоятся бывшіе строители крѣпости, какъ то было по р. Тулицѣ. Рядомъ съ первымъ находится другой холмъ, также съ площадкой на вершинѣ, имѣющею до 25 шаговъ въ діаметрѣ; она вся выложена всякаго рода валунами. Подобные же, искусственно обдѣланные холмы находятся на озерѣ Стермянкѣ противъ де-

[1]) Антропологическая поѣздка въ центральную и восточную Россію, стр. 7—8

ревни Конца, на Волгѣ, версты на полторы внизъ по теченію отъ селенія Ясенскаго, на лѣвомъ берегу. Кучи изъ валуновъ видны также на Коровкѣ, на озерѣ Сигѣ, около усадьбы Уткиной. На берегу озера Глубокаго, противъ Карповщины, существуетъ еще кругъ изъ валуновъ, около котораго я нашелъ много кремней, а на берегу, около воды, добылъ грубый наконечникъ стрѣлы; мѣстные крестьяне находили здѣсь много кремневыхъ стрѣлъ.

Оставляя въ сторонѣ указанія на многіе другіе пункты, въ которыхъ я находилъ остатки каменнаго вѣка, въ особенности же по берегамъ Селигера, около [многочисленныхъ его заливовъ, я долженъ сказать, что и на дальнѣйшемъ своемъ пути, лѣтомъ 1874 года, я замѣчалъ слѣды жителей каменнаго періода въ разныхъ частяхъ сѣверо-восточной Россіи. Къ числу такихъ мѣстностей принадлежитъ, между прочимъ, озеро Кафтино, лежащее по Рыбинско-Бологовской желѣзной дорогѣ, недалеко отъ станціи Бологого.

IV.

Новый Сясьскій каналъ.

Изслѣдованія профессора А. А. Иностранцева.—Оцѣнка значенія каменныхъ орудій для исторіи человѣчества и находка ихъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія на Ладожскомъ каналѣ. — Каменныя орудія, найденныя на Ладожскомъ побережьѣ, какъ въ прошломъ вѣкѣ, такъ и нынѣ, относятся къ неолитическому періоду.—Сравнительная отдаленность палеолитическаго періода, эпохи мамонта. — Физико-географическія условія нахожденія до-историческихъ остатковъ на новомъ Сясьскомъ каналѣ. — Дельты Нила и другихъ большихъ рѣкъ. — Почему нельзя приписывать большую геологическую древность остаткамъ, найденнымъ на Сясьскомъ каналѣ. — Дюнный характеръ побережья. — Предполагаемый островъ, гдѣ жилъ человѣкъ. — Каналъ за Сясью. — Обитатели каменнаго вѣка относятся, вѣроятно, къ Финскому племени; животныя, ихъ окружавшія; растенія; орудія.— Заключеніе.

28-го декабря 1879 года, въ годовомъ торжественномъ засѣданіи С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей, въ присутствіи громаднаго количества гостей, членовъ VI-го съѣзда натуралистовъ и врачей, я имѣлъ удовольствіе слышать докладъ профессора А. А. Иностранцева о находкахъ различныхъ принадлежностей и

остатковъ каменнаго вѣка, сдѣланныхъ при проведеніи новаго Сясьскаго канала, на юго-восточномъ побережьѣ Ладожскаго озера. Интересъ мой къ сдѣланнымъ находкамъ еще болѣе усилился, когда я осмотрѣлъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ самые предметы находокъ, добытые какъ самимъ докладчикомъ, такъ и его спутниками. Собранная почтеннымъ профессоромъ коллекція, по своей полнотѣ по отношенію къ возстановленію быта до-историческихъ обитателей выдается изъ всѣхъ, которыя были до сихъ поръ составлены въ предѣлахъ Россіи; она должна послужить ключемъ къ разрѣшенію весьма многихъ вопросовъ, которые до сихъ поръ были темны въ исторіи природы и человѣка на сѣверо-западѣ Россіи. Само собою разумѣется, что такой матеріалъ достоинъ глубокаго вниманія; это слѣдуетъ и изъ слѣдующихъ словъ самого докладчика, сказанныхъ имъ на одномъ изъ засѣданій антропологической секціи VI-го съѣзда естествоиспытателей: „Нахожденіе въ данной мѣстности возможно полно выраженной ископаемой фауны и флоры, вмѣстѣ съ издѣліями до-историческаго человѣка, съ одной стороны, даетъ намъ возможность реставрировать его обстановку, а съ другой — такія мѣста могутъ служить основными центрами для извѣстнаго района, съ которымъ мы и будемъ сравнивать болѣе бѣдныя находки изъ ближайшихъ мѣстностей. Полное сходство этихъ послѣднихъ съ остатками такого центра, какъ по нѣкоторымъ удѣлѣвшимъ животнымъ, такъ и въ характерѣ издѣлій до-историческаго человѣка, даетъ намъ возможность приравнять ихъ другъ къ другу по времени. Различіе, выступающее при такомъ сравненіи, заставитъ насъ новыя находки ближайшихъ мѣстностей относить, не смотря даже на ничтожное количество сопровождающихъ ихъ остатковъ животныхъ, къ слѣдующему или предшествующему періоду“ [1]). Именно однимъ изъ такихъ „основныхъ центровъ“ нужно считать новый Сясьскій каналъ, по собранному здѣсь матеріалу для изученія до-историческаго человѣка. Поэтому находка должна быть подвергнута тщательному изученію; лично же для меня, какъ послѣ осмотра

---

[1]) Рѣчи и протоколы VI-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ, отд. II, стр. 288, рефератъ: „О подраздѣленіяхъ каменнаго вѣка на періоды“.

коллекцій, такъ и послѣ сообщенія А. А. Иностранцева о человѣкѣ каменнаго вѣка у Ладожскаго озера [1]), осталось еще много загадочнаго и неяснаго, а иногда и несогласнаго съ тѣми выводами, къ которымъ я пришелъ, изучая въ теченіе многихъ лѣтъ каменный вѣкъ Россіи. По этимъ соображеніямъ лѣтомъ 1880 года, въ концѣ іюля, я рѣшился лично совершить и поѣздку на Сясьскій каналъ. Новый каналъ былъ уже готовъ, и стѣны его обложены дерномъ, такъ что я не могъ видѣть разрѣзовъ, кромѣ матеріаловъ, какъ-то песку и торфа въ отвалахъ. Но затѣмъ я прослѣдилъ еще продолженіе канала по ту сторону р. Сяси. Послѣ этой поѣздки нѣкоторое мое разногласіе съ выводами профессора Иностранцева укрѣпилось еще болѣе.

Прежде всего позволю себѣ заявить, что въ самомъ началѣ упомянутаго сообщенія г. Иностранцева о находкахъ на южномъ берегу Ладожскаго озера существуетъ нѣкоторая фактическая неточность. Отыскивая на основаніи словъ Бэра и Шифнера „причину недостатка у насъ изслѣдованій древняго человѣка въ недостаткѣ образованія нашего общества“, почтенный профессоръ говоритъ: „Если въ западной Европѣ первыя несомнѣнныя находки издѣлій человѣка каменнаго періода были сдѣланы въ концѣ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, то для Россіи мы должны отмѣтить только конецъ шестидесятыхъ“ [2]). Это неточно для исторіи изученіе каменнаго вѣка, какъ въ западной Европѣ, такъ у насъ. Въ одинъ изъ лучшихъ западно-европейскихъ музеевъ, въ Стокгольмскій, въ Швеціи, гдѣ археологическія изслѣдованія еще въ концѣ семнадцатаго столѣтія служили самою существенною задачей ученыхъ, въ теченіе 25 лѣтъ— съ 1801 по 1825 г. поступило 58 предметовъ, относящихся къ каменному вѣку. Этотъ фактъ показываетъ, что интересъ къ остаткамъ каменнаго вѣка существовалъ на западѣ уже раньше конца двадцатыхъ годовъ. Съ другой стороны, этотъ интересъ усилился именно въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ; такъ въ теченіе пяти лѣтъ, съ 1869 по 1874 годъ, въ Стокгольмскій музей вновь поступило 1,298 предметовъ ка-

---

[1]) Напечатано въ журналѣ *Вѣстникъ Европы* 1880 года, кн. 5-я.

[2]) *Вѣстн. Евр.* 1880 г., кн. 5-я, стр. 276.

меннаго вѣка, то-есть, дѣятельная работа шла здѣсь въ то же время, какъ и у насъ въ Россіи. Интересъ къ каменному вѣку усилился именно съ того времени, когда было ясно доказано его значеніе для исторіи человѣчества, благодаря трудамъ Шмерлинга, Нильсона, Томсена, Келлера, описавшаго въ первый разъ швейцарскія озерныя жилища, Лартэ, Кристи, Лайэлля, Тейлора, Леббока и др. Что же касается собиранія каменныхъ орудій просто какъ рѣдкостей, безъ настоящаго опредѣленія научнаго значенія этихъ предметовъ, то это дѣлалось образованными людьми уже въ прошломъ столѣтіи во многихъ мѣстахъ западной Европы. Но самый интересный примѣръ подобнаго рода собиранія относится къ Россіи, и именно относится непосредственно къ южному побережью Ладожскаго озера, почти къ той самой мѣстности, которая служитъ предметомъ настоящаго очерка. Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія при работахъ по проведеніи (стараго) Ладожскаго канала, были найдены каменныя орудія, которыя и были переданы въ Академію Наукъ; эти орудія хранятся въ антропологическомъ музеѣ Академіи до сихъ поръ. Такъ, въ каталогѣ минералогическаго кабинета Академіи, составленномъ въ 1732 году Гмелинымъ, старшимъ, то-есть, почти полтораста лѣтъ назадъ, изданномъ въ 1745 году Ломоносовымъ, подъ его редакціей и съ его дополненіями, между прочимъ значится: „Cum anno 1731 *aquaeductum Ladogaensem* inviserem, jussu celsissimi comitis de *Münnich*, varii lapides oblati sunt, in terra quae effodiebatur, *copiose reperti*, qui argillae induratae substantiam habent et ita figurati sunt ac si vel torno fabricati fuissent, vel in cavitate rerum tornatilium formati“ [1]). Эти орудія включались тогда въ особый классъ минераловъ, при чемъ подразумѣвалась и ихъ искусственная обработка По мнѣнію же г. Гёбеля, къ числу этихъ *lapides figurati*, вмѣстѣ съ орудіями, относились, вѣроятно, и различныя фигурчатыя гальки и камни Иматры, или то, что̀ называется фигурчатыми конкреціями: любопытно, что и г. Иностранцевъ при своихъ изысканіяхъ находилъ вмѣстѣ съ орудіями тѣ же конкреціи [2]).

---

[1]) *Ad. Goebel*, Ueber die von *Lomonossow* edirten Cataloge des Mineral. Mus. der Akademie, und deren Inhalt въ *Bulletin de l'Académie Imperiale de Sc. de St.-Petersb.*, vol. IX, p. 31.

[2]) *Вѣстн. Евр.* 1880 г., кн. 5-я, стр. 280.

Судя по обрѣзкѣ и формѣ шлифованныхъ орудій изъ сланца, открытыхъ при проведеніи Ладожскаго канала полтораста лѣтъ тому назадъ, они принадлежатъ жителямъ той же эпохи, къ которой относятся и жители каменнаго вѣка, оставившіе слѣды своего пребыванія на Сясьскомъ каналѣ. Отсюда можно вывести заключеніе, что южное и юго-восточное побережья Ладожскаго озера имѣли въ эпоху каменнаго вѣка довольно густое и многочисленное населеніе.

По своей формѣ и характеру орудія и принадлежности каменнаго вѣка, найденныя на Ладожскомъ побережьи какъ въ прошломъ вѣкѣ, такъ и нынѣ, вполнѣ сходствуютъ съ подобными же предметами, находимыми въ разныхъ мѣстахъ Олонецкой губерніи, въ особенности же съ находимыми по всему юго-восточному прибрежью Онежскаго озера, а также по берегамъ озера Лача; вмѣстѣ съ тѣмъ они сходствуютъ и съ принадлежностями каменнаго вѣка изъ Прибалтійскаго края, напримѣръ, съ береговъ озера Буртнека. Всѣ остатки каменнаго вѣка, найденные какъ на юго-восточномъ берегу Ладожскаго озера, въ томъ числѣ на Сясьскомъ каналѣ, такъ и во всѣхъ другихъ вышеназванныхъ областяхъ, принадлежатъ къ тому сравнительно новому періоду времени, который у антропологовъ принято называть неолитическимъ, и который, составляя одну изъ послѣднихъ страницъ до-исторической жизни, въ противоположность палеолитическому характеризуется присутствіемъ шлифованныхъ или обточенныхъ каменныхъ орудій. Такое дѣленіе остатковъ каменнаго вѣка на два главнѣйшіе періода принято, вмѣстѣ съ другими учеными, и мною и проведено во всѣхъ моихъ работахъ, въ томъ числѣ и въ предшествующихъ очеркахъ. Но г. Иностранцевъ считаетъ это дѣленіе „невѣрнымъ“ [1]). Такое отрицаніе общепринятой въ общихъ чертахъ и справедливой классификаціи періодовъ каменнаго вѣка происходитъ—по видимому—отъ того, что г. Иностранцевъ приписываетъ слишкомъ глубокую древность находкамъ, сдѣланнымъ на Сясьскомъ каналѣ. Такъ въ статьѣ своей объ этихъ находкахъ онъ говоритъ: „Наиболѣе рельефное указаніе относительно древности нашего че-

---

[1]) Рѣчи и протоколы VI-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей, отдѣлъ II, стр. 258.

ловѣка каменнаго вѣка мы находимъ въ сообщенномъ раньше геологическомъ разрѣзѣ. Мы видѣли, что лѣсной слой торфа, который могъ образоваться только изъ растительности наземной, мѣстами на каналѣ обнаруженъ на глубинѣ *трехъ саженъ подъ уровнемъ Ладожскаго озера*. Таковое его положеніе указываетъ намъ, что горизонтъ воды въ Ладогѣ въ то время, когда жилъ въ побережьи доисторическій человѣкъ, былъ, по крайней мѣрѣ, *на три сажени* ниже, что затѣмъ этотъ уровень сталъ повышаться, и у насъ есть доказательство, что онъ былъ еще много выше, чѣмъ въ настоящее время, затѣмъ наступило его пониженіе до настоящаго уровня.... Всѣ такія крупныя гидрографическія измѣненія показываютъ намъ, что промежутокъ времени, отдѣляющій насъ отъ человѣка каменнаго вѣка въ побережьи Ладожскаго озера, громадный" [1]). Хотя профессоръ Иностранцевъ и намѣренъ впослѣдствіи изложить причины предполагаемыхъ имъ измѣненій уровня Ладожскаго озера, я съ своей стороны считаю возможнымъ теперь же высказать убѣжденіе, что предположеніе г. Иностранцева „о крупныхъ гидрографическихъ измѣненіяхъ" и о „громадномъ" промежуткѣ времени, отдѣляющемъ насъ отъ до-историческихъ обитателей Приладожья, нужно понимать лишь въ тѣсномъ, ограниченномъ смыслѣ слова.

Можно рѣшительно утверждать, что никакое существованіе человѣка было немыслимо около тѣхъ мѣстъ, гдѣ проходитъ нынѣ Сясьскій каналъ, въ тотъ періодъ времени, который я называю озернымъ періодомъ, непосредственно слѣдовавшимъ послѣ ледниковаго [2]). Весьма вѣроятно, что въ самой полной стадіи развитія этого періода Ладожское озеро занимало приблизительно тѣ размѣры, которые показаны на картѣ профессора Куторги для распространенія новѣйшихъ наносовъ въ окрестностяхъ этого озера [3]). Имѣя въ то время еще болѣе громадные размѣры, чѣмъ нынѣ, Ладожское озеро несомнѣнно давало проливъ къ Финскому заливу; нынѣшней Невы тогда еще не существовало. И при такихъ раз-

---

[1]) *Вѣстн. Европы* 1880 г. кн. 5-я, стр. 294—295.

[2]) Общее понятіе объ озерномъ періодѣ я изложилъ въ одной изъ своихъ статей сборника „Живописная Россія", томъ I, стр. 351—357.

[3]) См. Геогностическую карту С.-Пб. губерніи, л. В.

мѣрахъ Ладожскаго озера, при такомъ его вѣроятномъ состояніи, человѣкъ жилъ уже въ средней и южной Россіи, въ сосѣдствѣ съ мамонтами, носорогами, различными оленями, намъ еще неизвѣстными, съ огромными медвѣдями и пр. Но нужно думать, что это сообщество человѣка съ ископаемыми нынѣ гигантами уже клонилось тогда къ концу. Человѣкъ жилъ въ центральной и южной Россіи, очевидно, въ то время, когда окрестности Ладожскаго озера были покрыты ледниками; это вѣроятно вообще изъ теоріи распространенія ледниковъ въ Россіи въ ледниковый періодъ и изъ находокъ слѣдовъ человѣка съ костями мамонта и носорога на р. Удаѣ, около Карачарова и Костёнокъ, изъ находокъ съ костями тѣхъ именно животныхъ, которыхъ остатки „не были встрѣчаемы" въ крайнемъ районѣ сѣверо-западной части Россіи и въ Финляндіи, вѣроятно — потому, что съ окончаніемъ ледниковаго періода въ этомъ краѣ мамонтъ и носорогъ стали вымирать въ центральныхъ частяхъ ея, и потому на сѣверо-западъ попадали только случайно. Однимъ словомъ, я считаю, что ледники на сѣверо-западѣ Россіи были причиной отсутствія или рѣдкости тамъ мамонта и носорога. Но г. Иностранцеву подобное предположеніе кажется *несправедливымъ* [1]). Вообще признавая вѣроятнымъ, что человѣкъ жилъ въ центральной Россіи въ то время, когда сѣверо-восточная часть ея была покрыта частію ледниками, а затѣмъ такими громадными озерами, какъ предполагаемое для Ладожскаго, состоявшее въ связи съ Балтійскимъ моремъ, я долженъ напомнить, что въ западной Европѣ находятъ возможнымъ допустить существованіе человѣка въ то время, когда континентъ, Англія и Ирландія составляли одно цѣлое [2]). Въ этотъ именно отдаленный періодъ ледниковъ и громадныхъ послѣледниковыхъ озеръ жилъ уже человѣкъ, но употреблявшій только крайне грубыя каменныя орудія; этого-то человѣка и можно, по всей справедливости, назвать представителемъ палеолитическаго періода. Со времени существованія этого палеолитическаго человѣка въ истинномъ смыслѣ слова протекъ громадный промежутокъ времени, по отношенію къ которому „продолжительность историческаго періода.... покажется совершенно

---

[1]) Рѣчи и протоколы VI-го съѣзда естествоиспытателей и врачей, отд. II, стр. 280.

[2]) *Лайэлль*, Древность человѣка, стр. 276.

ничтожною", какъ говоритъ Лайэлль. Прежде, чѣмъ Ладожское озеро приняло свой теперешній видъ и размѣры, нынѣшніе берега его отступили отъ прежнихъ часто на нѣсколько верстъ; въ то же время стокомъ водъ его проложена цѣлая долина Невы. И только при такомъ, почти современномъ видѣ озера, появился человѣкъ на его берегахъ, въ томъ числѣ и во многихъ изъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ проходитъ Сясьскій каналъ; это уже человѣкъ неолитическаго періода, употреблявшій отточенныя каменныя орудія. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ существовалъ, прошелъ ничтожный по отношенію къ началу нашей исторіи промежутокъ времени сравнительно съ тѣмъ, который отдѣляетъ насъ отъ палеолитическаго періода; не произошло и рѣзкихъ, особенно бросающихся въ глаза физико-географическихъ измѣненій. Въ основаніе этого вывода я ставлю слѣдующіе факты:

Мѣстность, черезъ которую проходитъ новый Сясьскій каналъ, лежитъ между рѣками Волховомъ и Сясью; наибольшее разстояніе канала отъ современнаго берега озера, недалеко отъ Волхова, доходитъ почти до двухъ верстъ, наименьшее же, около Сяси,—до полуверсты. На всемъ пространствѣ между новымъ каналомъ и берегомъ озера раскинуты длинными, параллельными современному берегу озера рядами дюнные холмы; эти холмы тянутся и дальше за новимъ каналомъ въ глубь материка. По показанію инженера Ю. Θ. Бальца, строителя канала, и технолога О. В. Гаевскаго, непосредственно наблюдавшаго за земляными работами, остатки до-историческихъ обитателей находились преимущественно въ трехъ пунктахъ; самые богатые остатки находились въ самомъ началѣ канала, считая отъ Волхова, на протяженіи полутора версты. Затѣмъ, по словамъ г. Бальца, они встрѣчались при пересѣченіи каналомъ двухъ рѣчекъ; первая изъ нихъ, задняя, лежитъ около третьей версты, вторая—около пятой. Отсюда видно, что древніе обитатели Приладожья селились при устьяхъ рѣкъ или въ ихъ долинахъ, то-есть, въ выборѣ мѣстъ пребыванія не отличались отъ жителей каменнаго вѣка Олонецкой губерніи, водворившихся при устьяхъ рѣчекъ Ольги, Кинемы и Тихманги, на озерѣ Лачѣ или при протокѣ Тудозера въ Онего. Остатки до-историческихъ обитателей были находимы преимущественно около дна канала, значитъ—иногда и значительно выше. Изъ плана и профиля мѣстности, черезъ

которую проходитъ каналъ, а также изъ словъ г. Бальца, видно, что уровень Ладожскаго озера находится надъ дномъ канала въ самую низкую воду на 0,84 сажени выше; средній уровень или „горизонтъ меженныхъ водъ“ лежитъ на 1,21 сажени выше, и наконецъ, самый высшій—на 1,83 сажени (по профилю) и на 2,05 сажени (по словамъ г. Бальца). Такимъ образомъ, если возможно допустить пониженіе уровня Ладожскаго озера во время пребыванія на берегахъ его до-историческихъ обитателей, то уже никакъ не на *три* сажени, какъ думаетъ то г. Иностранцевъ, а только на 2,05 сажени. Но принимая во вниманіе, что высота уровня озера еще и нынѣ колеблется отъ 0,84 до 2,05 сажени, то-есть, измѣняется на 1,21 сажени, намъ слѣдуетъ думать только о 0,84 сажени и лишь на такую величину допустить предполагаемое пониженіе. Но такъ какъ остатки до-историческаго человѣка встрѣчались между дномъ канала и этимъ низшимъ горизонтомъ стоянія воды въ Ладожскомъ озерѣ, то предполагаемое нѣкогда пониженіе уровня Ладожскаго озера слѣдуетъ допустить не только не на 3 сажени, но на цифру гораздо меньшую даже и 0,84 сажени; цифра эта можетъ явиться до такой степени незначительною, что нахожденіе человѣческихъ остатковъ подъ наименьшимъ уровнемъ озера объяснится мѣстными причинами, безъ допущенія какихъ бы то ни было колебаній въ уровнѣ озера.

Разсмотримъ однако еще—на сколько вѣроятно предположеніе г. Иностранцева о пониженіи уровня Ладожскаго озера. Ладожское озеро, какъ огромный прѣсноводный водоемъ, по своимъ механическимъ отношеніямъ къ его прибрежьямъ, должно представлять аналогію съ отношеніями морей къ ихъ берегамъ и къ впадающимъ въ нихъ рѣкамъ. И такъ, обратимся къ дельтѣ Нила. Извѣстно, что тамъ кусокъ краснаго кирпича былъ найденъ „въ буровой скважинѣ, на 72 футахъ глубины, то-есть, *на два или на три фута ниже уровня моря*, подъ параллелью вершины дельты, на разстояніи 200 метровъ отъ рѣки, на Лавійскомъ берегу рукава Розетты“ [1]). Извѣстно также, „что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ артезіанскіе колодцы были опускаемы въ дельтахъ *на глубину нѣсколькихъ сотъ футъ ниже поверхности моря* (напримѣръ, въ дельтахъ

---

[1]) *Лайэлль*, Древность человѣка, стр. 82.

По и Ганга), оказалось, *вопреки всѣмъ ожиданіямъ*, что проходимые слои, во всю ихъ толщу, были *рѣчного происхожденія*. Изъ этого можно съ нѣкоторою достовѣрностью заключить объ общемъ пониженіи этихъ дельтъ и наносныхъ образованій" [1]). Въ подтвержденіе этихъ указанія Лайэлль приводитъ примѣры различныхъ человѣческихъ сооруженій, сравнительно недавнихъ, строенныхъ на сушѣ, но теперь всецѣло или частію находящихся подъ водою. Въ этомъ случаѣ мѣстныя материковыя вліянія на отложенія при устьяхъ рѣкъ становятся тѣмъ болѣе вѣроятными, что въ этихъ отложеніяхъ не найдено никакихъ морскихъ раковинъ, никакихъ морскихъ остатковъ, и потому то или другое состояніе отложеній при устьяхъ рѣкъ не даетъ возможности предполагать какія бы то ни было измѣненія въ уровнѣ смежныхъ съ ними морскихъ бассейновъ. Это же можно отнести и къ озернымъ водоемамъ. Итакъ, наибольшее, что̀ можно предположить для устьевъ Волхова,—это пониженіе его ближайшихъ береговыхъ окрестностей, но не Ладожскаго озера. Но существующіе факты положенія остатковъ до-историческаго человѣка въ Приладожьѣ не представляютъ и къ тому никакой необходимости. Они могутъ быть вполнѣ законно объяснены мѣстными, обыденными причинами, дѣйствующими механически и до сихъ поръ.

Главными факторами, обусловливающими тамъ положеніе остатковъ до-историческаго человѣка, были: вопервыхъ, дюнный характеръ мѣстности, въ измѣнчивости котораго едва ли кто можетъ сомнѣваться въ виду самыхъ яркихъ для того примѣровъ, и вовторыхъ, самое простое, однообразное строеніе отложеній, составляющихъ прибрежье. Самъ А. А. Иностранцевъ говоритъ касательно этого: „Геологическое строеніе мѣстности, пройденной каналомъ, крайне простое" [2]). Не только геологу, но и всякому общеобразованному человѣку будетъ понятно, что при „крайне простомъ" геологическомъ строеніи мѣстности и явленія, здѣсь происходившія, были крайне просты, и что при такихъ условіяхъ нѣтъ возможности предполагать какіе-либо крупные и сложные физико-географическіе или „гидрографическіе" перевороты, въ родѣ, напримѣръ, экстра-

---

[1]) Тамъ же, стр. 31.

[2]) *Вѣстн. Европы* 1880 г., кн. 5-я, стр. 279.

ординарныхъ повышеній и пониженій уровня озера и т. д. Геологическій разрѣзъ, черезъ который идетъ каналъ, даетъ сѣрую песчанистую глину, или же красноватую, мѣстами, по словамъ г. Иностранцева, „бог. тую громаднымъ скопленіемъ валуновъ, иногда громадныхъ размѣровъ. На новомъ Сясьскомъ каналѣ"—по словамъ г. профессора,—„она выходитъ у дна канала только, какъ при выходѣ канала изъ рѣки Волхова, такъ и при впаденіи его въ рѣку Сясь" [2]). Кромѣ этихъ двухъ мѣстъ, во всѣхъ другихъ пунктахъ преобладаютъ послѣдующія образованія, связанныя съ судьбою человѣка; налегая на глинѣ съ валунами, онѣ заполняютъ своими толщами все пространство между Волховомъ и Сясью и простираются на глубину, можетъ быть—огромную, подъ дномъ канала. Это налеганіе послѣдующихъ наслоеній, господствующихъ въ большей части протяженія канала, на глину съ валунами не служитъ доказательствомъ ихъ непосредственной связи по происхожденію, даже еслибъ эта глина была ледниковая и дѣйствительно была остаткомъ морены ледниковаго періода. Это доказывается видѣннымъ и изслѣдованнымъ мною островамъ Ситъ-Сари около Выборга, состоящимъ изъ чистаго ледниковаго наноса, *кростенсъ-груса*: поверхность этого острова теперь только едва покрыта тощимъ растительнымъ слоемъ, и растительность ея состоитъ изъ сосны и вереска. Разумѣется, зная, что въ окрестностяхъ, на цѣлые десятки футовъ находятся слоистыя, водныя, послѣледниковыя образованія, было бы неосновательно признать тощій растительный слой происшедшимъ непосредственно послѣ того, какъ этотъ остатокъ поддонной или конечной морены очистился отъ льда. Точно также, на пути между Вытегрой и Каргополемъ я встрѣчалъ неперемытый или едва тронутый водою ледниковый наносъ, накрытый сверху чрезвычайно тонкимъ растительнымъ слоемъ, въ которомъ иногда можно было находить даже гвозди. Въ виду этого, я принужденъ былъ неизбѣжно остановиться на мысли, что долженъ былъ протечь громадный періодъ времени, прежде чѣмъ наступила благопріятная пора для развитія на этихъ слѣдахъ ледниковъ растительности, способной дать перегной. Съ другой стороны, самый составъ песчанистой глины съ валунами, на

[2]) *Вѣстн. Европы* 1880 г., кн. 5-я, стр. 279.

которой лежатъ образованія съ человѣческими остатками около Волкова,—тотъ же, изъ котораго состоитъ большая часть островов, лудъ и мелей на множествѣ сѣверно-русскихъ озеръ, въ томъ числѣ и на Ладожскомъ. Такимъ образомъ пункты около Волкова и Сяси, гдѣ новѣйшія образованія лежатъ на песчанистой глинѣ съ валунами, при прежнемъ высокомъ стояніи уровня Ладожскаго озера, когда обитаніе на этихъ пунктахъ для человѣка было еще не возможно, могли быть мелями и подводными лудами. И можно допустить, что только съ пониженіемъ водъ озера до уровня, немного отличнаго отъ современнаго, отложились тѣ наносы, въ которыхъ встрѣчены остатки человѣка. Иное заключеніе было бы неосновательно и по слѣдующему соображенію: Въ далекомъ будущемъ уровень Ладожскаго озера, вѣроятно, понизиться еще болѣе, берега его отступятъ отъ современныхъ на нѣсколько верстъ, и на существующихъ нынѣ меляхъ и лудахъ отложатся дюнные пески, на которыхъ въ свою очередь рыбаки оставятъ остатки ихъ орудій; но было бы даже болѣе чѣмъ опрометчиво, еслибы будущій геологъ сказалъ, что происхожденіе лудъ и лежащихъ на нихъ отложеній съ человѣческими остатками стоитъ въ непосредственной связи съ ледниковымъ періодомъ.

И такъ, въ виду того, что Ладожское озеро въ періодъ времени, слѣдовавшій непосредственно за ледниковымъ, должно было занимать весьма высокій уровень сравнительно съ современнымъ, съ его берегами, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, и которые лежали далеко южнѣе, чѣмъ теперь, обратимся къ современнымъ силамъ и явленіямъ: ихъ вполнѣ достаточно, чтобъ объяснить происхожденіе господствующихъ современныхъ отложеній, черезъ которыя проходитъ Сясьскій каналъ. Главная составная часть этихъ отложеній—песокъ, то сыпучій, то болѣе или менѣе плотный и иловатый; въ пескѣ—прослойки торфа, состоящаго изъ камыша и болотныхъ растеній, частію изъ торфа лѣснаго, въ составѣ котораго находятся сухопутныя растенія и остатки деревьевъ и кустарниковъ; торфъ лежитъ какъ около дна канала, такъ и выше его на разныхъ высотахъ: такое явленіе можно было хорошо наблюдать въ разрѣзахъ части канала, идущей отъ Сясьскихъ Рядковъ къ устьямъ Свири, на протяженіи первыхъ четырехъ верстъ. Чтобъ объяснить себѣ происхожденіе этихъ отложеній,

нужно взглянуть на современные берега и прибрежья Ладожскаго озера, хотя между Волховомъ и Сясью. Тамъ по современному берегу, почти какъ разъ около воды озера, лентой тянутся валы, состоящіе изъ сыпучаго песку; около нихъ лежитъ масса камыша, древесныхъ вѣтвей и сучьевъ, выкинутыхъ волнами озера на сушу. Переносный песокъ около водъ озера—это матеріалъ для дюнъ. Изъ такого песка состоятъ цѣлые ряды песчаныхъ холмовъ, иногда довольно высокихъ, идущихъ параллельно берегу, на все большемъ и большемъ отъ него отдаленіи; эти холмы суть старинныя дюны; они теперь значительно окрѣпли и поросли травянистою, кустарною и даже древесною растительностью. Между холмами лежатъ низины болотистыя, мокрыя; эти низины—типичное явленіе для дюнныхъ образованій всѣхъ странъ; ихъ мѣсто первоначально было, очевидно, занято озерами, которыя въ такихъ случаяхъ обладаютъ нерѣдко необыкновенною глубиной. Озера и трясины, лежащія за дюнными холмами на прибрежьяхъ морскихъ или озерныхъ водоемовъ, часто служатъ пристанищемъ для человѣка, часто мѣстомъ его гибели; озера, задернутыя по окраинамъ торфомъ, или трясины покрываются сверху пескомъ, и неопытные люди, принимая такія замаскированныя пескомъ трясины за материкъ и случайно попадая на нихъ, проваливаются и исчезаютъ въ глубинѣ трясины, а груды осыпающагося песку закрываютъ имъ путь для выхода, сглаживая мѣсто постигшей человѣка бѣды. Такимъ образомъ тотъ несчастный смертный, который сдѣлается жертвою своей неосторожности и опрометчивости, провалившись въ ту или другую изъ дюнныхъ трясинъ, лежащихъ обыкновенно почти на одномъ уровнѣ съ водами сосѣдняго воднаго бассейна, можетъ скоро оказаться далеко ниже уровня этого бассейна, въ особенности подъ давленіемъ массы могущихъ обрушиться на него въ разное время песковъ. Когда впослѣдствіи, черезъ болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени, трясина исчезнетъ, на ея мѣстѣ останется водная растительность, можетъ быть—листья деревьевъ, росшихъ въ окрестностяхъ и наземныхъ травъ; а еще далѣе все это, подъ давленіемъ песку и на горизонтѣ болѣе низкомъ, чѣмъ уровень сосѣдняго водоема, превратится въ слой или прослойку торфа, и въ составѣ послѣдняго окажутся между прочимъ кости того несчастнаго человѣка, которыя затѣмъ при ихъ от-

критіи могутъ обрадовать археолога и послужить болѣе или менѣе плодотворнымъ и поучительнымъ предметомъ для его размышленій.

Переходя отъ горизонта самыхъ низшихъ водъ къ горизонту самыхъ высшихъ, считаю нужнымъ остановиться еще на одной, весьма важной сторонѣ вопроса. Судя по плану и профилю мѣстности, оказывается, что большая часть прибрежья между Волховомъ и Сясью лежитъ ниже наивысшаго горизонта водъ Ладожскаго озера, то-есть, другими словами, большая часть мѣстности, черезъ которую проходитъ новый Сясьскій каналъ, во время самаго высокаго уровня Ладожскаго озера заливается водой, со всѣми высотами, холмами и низинами. Изъ существующихъ высотъ остаются главнымъ образомъ *не залитыми только тѣ, которыя лежатъ около устьевъ Волхова, именно тамъ, гдѣ при проведеніи канала была найдена наибольшая часть остатковъ каменнаго вѣка.* Затѣмъ выше наибольшаго уровня Ладожскаго озера выдается только нѣсколько ничтожныхъ клочковъ пространства, лежащаго около лѣваго берега Сяси. Оставляя пока въ сторонѣ это сравнительно ничтожное пространство свободнымъ отъ воды во время наибольшаго половодья Ладожскаго озера, обращусь къ Волхову. На правомъ берегу, при устьяхъ этой рѣки, во время самаго высокаго стоянія водъ въ озерѣ, остается нынѣ не залитымъ довольно большое пространство, имѣющее около двухъ верстъ въ длину по профилю канала и раскидывающееся на такомъ же протяженіи по теченію Волхова. Во время самыхъ высокихъ водъ все это пространство должно было являться значительнымъ островомъ; на немъ и въ настоящее время расположены двѣ деревни—Немятова и Гладкова; далѣе на высотахъ, также превосходящихъ высшій уровень Ладожскаго озера, на третьей верстѣ отъ Волхова, лежитъ деревня Лопатицы. Недаромъ современные жители избрали себѣ эти пункты мѣстопребываніемъ; зная свойства Ладожскаго озера, они на избранныхъ пунктахъ считаютъ себя безопасными отъ наводненій. И такъ какъ остатки каменнаго вѣка найдены преимущественно, если не исключительно, около этихъ пунктовъ, то нужно думать, *что эти высоты существовали уже въ каменный періодъ,* хотя, вѣроятно, имѣли другую форму и другой видъ. Самое образованіе такихъ какъ бы исключительныхъ высотъ при устьяхъ такихъ рѣкъ, какъ Волховъ и Сясь, вполнѣ

понятно; здѣсь дѣйствуютъ двѣ противоположныя силы въ пользу образованія этихъ возвышеній: съ одной стороны, рѣка наноситъ къ устью матеріалъ для образованія дельты, а съ другой—озеро, по противоположному направленію, набиваетъ пески въ видѣ дюнъ; въ силу такихъ условій возникли, очевидно, высоты при устьяхъ Волхова. Но во времена каменнаго вѣка, вѣроятно, дюнный характеръ преобладалъ въ этихъ высотахъ, и здѣсь были настоящіе дюнные холмы, съ находившимися между ними озерками, а въ общемъ существовалъ скатъ отъ самаго Волхова къ рѣкѣ Сяси. Легко себѣ представить дѣйствіе воды, которая, заливая во время самаго высокаго уровня Ладожскаго озера окрестности, касалась и этихъ высотъ, состоявшихъ преимущественно изъ песковъ и уже находившихся подъ растительнымъ — древеснымъ, кустарнымъ и травянымъ покровомъ. При наводненіяхъ или при повышеніи уровня Ладожскаго озера до наибольшаго горизонта, и въ особенности при содѣйствіи извѣстныхъ издревле бурь и волненій этого озера, заставившихъ подумать о сооруженіи каналовъ, воды должны были оказывать разрушительное вліяніе на прибрежья, въ томъ числѣ и на высоты около Волхова; холмы могли подмываться, образовывались обрывы, съ которыхъ валилась внизъ растительность и древесная, и травянистая; обрушалось и жилье человѣка, съ его хозяйственными принадлежностями, съ орудіями, а затѣмъ все это покрывалось еще слоями песку и оставалось въ глубинѣ впадинъ; если же въ этихъ впадинахъ были озерки, то всѣ остатки человѣческой дѣятельности нисходили ниже существовавшаго уровня озера. Могъ гибнуть и самъ человѣкъ, застигнутый непогодой на водѣ, въ своей утлой ладьѣ, со всѣми своими охотничьими или рыболовными принадлежностями. Однимъ словомъ, временные островитяне Приладожья были въ гораздо болѣе опасномъ положеніи, чѣмъ жители озерно-рѣчныхъ холмовъ въ долинѣ Оки, около Плеханова бора и Волосова. Въ первомъ изъ настоящихъ очерковъ я имѣлъ уже случай указать, какъ сильно даже обыкновенныя повышенія уровня озеръ во время весеннихъ половодій вліяютъ на перенесеніе остатковъ изъ растительнаго слоя, высоко лежащаго на песчаномъ холмѣ, въ глубину озера: примѣръ тому представляетъ Тудозеро [1]). Вслѣдствіе подобныхъ явленій

[1]) См. выше стр. 6.

остатки каменнаго вѣка, и въ томъ числѣ кости человѣка, могли оказаться въ почвѣ на горизонтѣ нисшемъ наименьшаго стоянія уровня Ладожскаго озера; впослѣдствіи, когда черезъ тѣ или другіе періоды времени, наводненія, во время высшаго уровня Ладожскаго озера повторялись, происходило новое подмываніе холмовъ, и мѣстность болѣе или менѣе сравнивалась, а ранѣе обрушившіеся остатки слѣдовъ человѣка и окружавшихъ его животныхъ замывались дальнѣйшими отложеніями наносовъ. Впрочемъ, можетъ быть, что большая часть весьма характерныхъ остатковъ человѣка каменнаго періода находилась значительно выше дна новаго Сясьскаго канала; по крайней мѣрѣ инженеръ Ю. Ѳ. Бальцъ, сообщая мнѣ карту, изображающую прибрежье и профиль новаго Сясьскаго канала, представилъ на профилѣ положеніе торфянаго слоя начинающимся отъ Волхова съ высоты „горизонта меженныхъ водъ“ и только при постоянномъ склоненіи его на второй верстѣ доходящимъ до дна канала. Такъ какъ главные остатки встрѣчались около самаго Волхова, то и нужно думать, что они если не находились на уровнѣ „горизонта низшихъ водъ“ Ладожскаго озера, то были по крайней мѣрѣ на ничтожную величину ниже его. Опредѣленныя же данныя касательно этого вопроса едва ли возможно имѣть; едва ли горизонтъ залеганія всякой найденной вещи будетъ точно указанъ и отмѣченъ на профилѣ; большая часть вещей, именно изъ самаго характернаго и интереснаго мѣста, была собрана непосредственно самими рабочими и уже затѣмъ, черезъ покупку или черезъ строителей и администрацію канала, поступила въ руки людей науки. Притомъ никакъ не нужно думать, чтобы торфяный слой лежалъ непрерывно; напротивъ того, онъ, равно какъ и человѣческіе остатки, встрѣчался разсѣянно, спорадически.

На второй половинѣ канала, прилегающей къ Сяси, остатковъ каменнаго вѣка, какъ говорятъ, совсѣмъ не встрѣчалось. Причина этого заключается, вѣроятно, въ томъ, что эта часть канала прилегаетъ къ современному берегу ближе, слѣдовательно, идетъ черезъ береговыя отложенія болѣе новыя, главнымъ же образомъ — потому, что во время наивысшаго уровня озера эта половина почти вся заливается. Еще ближе къ берегу лежитъ вновь строющійся каналъ по направленію къ Свири; въ немъ на довольно

большомъ протяженіи также не найдено никакихъ особенно древнихъ остатковъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, древность коихъ сомнительна. Такъ на первой верстѣ, недалеко отъ Сяси, были вырыты рабочими кости домашней лошади; по разказамъ рабочихъ, кости эти лежали недалеко отъ дна канала. Далѣе на четвертой верстѣ, тоже около, или даже точнѣе, на самомъ днѣ канала найдена въ одномъ мѣстѣ огромная масса древесныхъ стволовъ, сучьевъ и растительнаго мусора; стволы находились въ полулежачемъ или въ полустоячемъ видѣ. Когда я вышелъ на современный берегъ, то многое сдѣлалось мнѣ понятнымъ; далеко отъ берега, среди водъ озера, торчали деревья или древесные стволы, подъ угломъ около 45^0 къ горизонту воды, при чемъ торчавшіе концы стволовъ были обращены къ берегу: положеніе совершенно такое же, въ какомъ находились деревья около дна канала или около низшаго уровня водъ озера. У берега озера можно было видѣть цѣлыя кучи намытыхъ вѣтвей, сучьевъ и пр.,—то же чтò обнаружено и въ почвѣ канала. У инженера Т. Ѳ. Эйдригевича я видѣлъ два человѣческіе черепа, которые—по разказамъ производителей работъ—были найдены у этого растительнаго мусора. Кости лошади были болѣе бѣлы, чѣмъ черепа людей, а потому нужно думать, что послѣдніе долго лежали въ водѣ; вмѣстѣ съ этими черепами не было найдено никакихъ орудій. Характеръ мѣстности, въ которой залегали черепа мужской и женскій, возбуждалъ во мнѣ сомнѣніе относительно особенной древности послѣднихъ; того же мнѣнія были нѣкоторые изъ техниковъ, производителей работъ. Эти черепа переданы А. А. Иностранцеву, который переслалъ уже ихъ для опредѣленія А. П. Богданову; интересно будетъ знать расу, къ которой они принадлежатъ. На тѣхъ же первыхъ верстахъ канала была найдена лодка, сдѣланная весьма своеобразно изъ цѣльнаго дуба; но такъ какъ ее не сопровождали никакіе остатки другихъ человѣческихъ принадлежностей, то также трудно указать на эпоху, во время которой она сдѣлана. Вообще, мѣстность, по которой идетъ новый каналъ отъ праваго берега Сяси, должна быть весьма молода въ геологическомъ смыслѣ, и если остатки значительно древнихъ до-историческихъ жителей сохранились здѣсь, то ихъ нужно искать дальше отъ современныхъ береговъ Ладоги. При устьяхъ Сяси болѣе или менѣе значительныя

дюнныя высоты начинаются отъ берега озера на разстояніи болѣе одной версты, и только въ недрахъ этихъ высотъ нужно искать слѣдовъ болѣе древняго человѣка; съ другой стороны, топографія мѣстности при устьяхъ Сяси указываетъ, что со временъ каменнаго вѣка уровень Ладожскаго озера долженъ былъ послѣдовательно понижаться, что берега его все болѣе и болѣе отступаютъ, и что въ эпоху чистаго каменнаго вѣка его уровень долженъ былъ быть *не ниже, но выше современнаго*.

Общіе черты типа до-историческаго человѣка, который жилъ нѣкогда на побережьи Ладожскаго озера около Сясьскаго канала, по описанію А. П. Богданова, слѣдующіе: „Имѣя въ виду прежнія курганныя находки длинноголоваго типа, можетъ быть, всего естественнѣе при данныхъ обстоятельствахъ признать особое Чудское племя, населявшее прежде средину и часть сѣвера Россіи, оставившее по себѣ слѣды въ населеніяхъ каменнаго вѣка и въ курганный періодъ. Это Чудское длинноголовое племя, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Суджѣ, Подольскѣ и др.) сохранилось въ болѣе типичныхъ представителяхъ, а въ другихъ пограничныхъ—подверглось смѣшенію и видоизмѣненію, результатомъ чего явились и разновидности его. Къ послѣднему ряду принадлежитъ и то населеніе каменнаго вѣка, которое открыто проф. А. А. Иностранцевымъ". Притомъ проф. А. П. Богдановъ находитъ, что между черепами, собранными А. А. Иностранцевымъ, находятся представители нѣсколькихъ племенъ [1]). И такъ, Финнъ или Чудинъ—это образъ человѣка, знакомаго уже нашей исторіи и преданіямъ Русскаго человѣка; эти разноплеменные представители Чудскаго племени жили, можетъ быть, около устьевъ Волхова по сосѣдству другъ съ другомъ въ одно и то же время, а можетъ быть, и въ разное, смѣняясь послѣдовательно одно другимъ. И нѣтъ ничего невѣроятнаго, что представители этого же племени видѣли впослѣдствіи, какъ призванные изъ-за моря три брата, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, появились въ Ладогѣ. Но разцвѣтъ ихъ жизни могъ быть и гораздо древнѣе. Жили они уже при такой физико-географической обстановкѣ, которая измѣнилась лишь въ наше историческое время:

---

[1]) Рѣчи и протоколы VI-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей, отд. II, стр. 295.

жители каменнаго вѣка, оставившіе свои слѣды при устьяхъ Волхова, были окружены и лѣсами, совершенно подобными современнымъ; лѣсными же обитателями были тѣ же звѣри, которые до сихъ поръ здѣсь водятся, или по крайней мѣрѣ, были нѣкогда хорошо извѣстны нашимъ предкамъ. Всѣхъ главныхъ представителей, обитавшихъ въ русскихъ лѣсахъ, хорошо зналъ еще Владиміръ Мономахъ, говорившій о себѣ такъ: „Тура мя 2 метала на розѣхъ и съ конемъ, олень мя одинъ болъ, а 2 лоси: одинъ ногама топталъ, а другый рогома болъ; вепрь ми на бедрѣ мечь отялъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь (то-есть, волкъ) скочилъ ко мнѣ на бедры и конь со мною поверже" [1]). Туръ, рога котораго такъ хорошо были извѣстны древнимъ Славянамъ, любившимъ брагу,—первобытный быкъ (Bos primigenius), отличавшійся отъ еще нынѣ живущаго зубра огромными и дугообразно загнутыми рогами; отличался онъ и отъ быка, который жилъ одновременно съ Волосовцами на Окѣ: то былъ плосколобый быкъ (Bos latifrons). Вмѣстѣ съ кабаномъ и бобромъ, жили около Ладоги соболь и другія еще животныя, которыя также были распространены около этихъ мѣстъ и въ историческое время [2]). Кромѣ всѣхъ этихъ и другихъ, еще нынѣ живущихъ млекопитающихъ, въ самыхъ водахъ Ладожскаго озера водился тюлень, еще донынѣ тамъ сохранившійся, въ противоположность озерамъ Буртнеку и Лачу, гдѣ во времена каменнаго вѣка также водились тюлени, отличные отъ живущаго теперь въ Ладогѣ и давно тамъ вымершіе. И самая пернатая дичь была та же, которая и нынѣ водится, какъ въ здѣшнихъ лѣсахъ, такъ и на водахъ; весьма вѣроятно, что устья Волхова весной, передъ открытіемъ Ладожскаго озера, представляли собою ту же картину, какую до нынѣ можно наблюдать при устьѣ р. Вытегры въ періодъ перелета птицъ, появляющихся несмѣтными стадами, и надъ которыми часто паритъ благородный хищникъ, орелъ-беркутъ [3]). Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка ловилъ тѣхъ же рыбъ, что водятся въ Приладожьѣ въ настоящее время, и между прочимъ громадныхъ сомовъ, которые теперь уже здѣсь рѣдки и не дости-

---

[1]) Полн. собраніе русск. лѣтописей, I, стр. 104.

[2]) Зап. по Отдѣл. Этногр., III, стр. 383—388.

[3]) См. объ этомъ мою статью въ Живописн. Россіи, т. I, стр. 363—364.

гаютъ крупныхъ размѣровъ. Была уже въ то время и растительность нынѣшняя, кромѣ, впрочемъ, дуба, который прежде былъ здѣсь одною изъ господствующихъ породъ и росъ, вѣроятно, также какъ въ долинѣ Оки, на низшихъ болѣе или менѣе влажныхъ мѣстахъ, при чемъ достигалъ огромныхъ размѣровъ; рѣки, подмывая берега, вѣроятно, сваливали великановъ и уносили ихъ по теченію въ озеро, волны котораго при сѣверныхъ вѣтрахъ насаживали такіе дубы обратно на берегъ и замывали ихъ песками. Нынѣ дубъ также растетъ здѣсь, но является лишь въ приземистомъ видѣ, такъ какъ жители не даютъ ему, какъ дереву, цѣнному въ домашнемъ обиходѣ, подняться. На песчаныхъ дюнахъ неизбѣжно господствовала сосна, какъ и на Окѣ, въ области Муромскихъ лѣсовъ. Вообще въ періодъ каменнаго вѣка, очевидно, были здѣсь лѣса огромные, дѣвственные въ истинномъ смыслѣ этого слова; ихъ изобиліе вліяло на атмосферные осадки, которыхъ было больше; климатъ былъ болѣе сыръ, было больше дождей, чѣмъ теперь, и значитъ, уровень озера, былъ *выше*. Человѣку каменнаго вѣка не зачѣмъ было истреблять лѣса, да и сдѣлать этого было не чѣмъ; орудія его были только относительно совершенны, огонь же онъ не разводилъ въ широкихъ размѣрахъ для усовершенствованія своихъ орудій, такъ какъ еще не зналъ выдѣлки металловъ, да и кромѣ того, вѣроятно, долженъ былъ хранить лѣса отъ пожаровъ, считая, безъ сомнѣнія, многія лѣсныя рощи и заросли священными: желѣзный топоръ и лѣсной пожаръ — это средства, съ помощію которыхъ только въ историческое время поселенцы-земледѣльцы пробирались въ лѣсныя дебри [1]).

Орудія, съ помощію которыхъ до-историческій человѣкъ Приладожья боролся съ могучею и дѣвственною природой, были несовершенны по отношенію къ нашему времени, но для каменнаго періода они представляли верхъ совершенства. То были орудія и принадлежности, сдѣланныя изъ камня, глинистаго сланца по преимуществу, но еще болѣе изъ кости. Касательно послѣдняго обстоятельства интересно одно указаніе Тацита въ его описаніи Германіи: описывая Финновъ, онъ говоритъ, что они, по недостатку желѣза, возлагаютъ

---

[1]) Зап. по Отд. Этногр., III, 466—469.

всѣ свои надежды на стрѣлы съ костяными наконечниками [1]). Изъ костяныхъ орудій, преобладающихъ между найденными въ Приладожьѣ, большая часть, даже, напримѣръ, гарпуны, вполнѣ сходны съ таковыми же съ озера Буртнека, а другія сходны съ гарпуномъ съ озера Лача, изображеннымъ на таблицѣ VIII, фиг. 2. Есть много сходныхъ съ копьемъ, представленнымъ на той же таблицѣ, фиг. 1. Кромѣ шлифованныхъ орудій изъ камня, вполнѣ сходныхъ по формѣ съ олонецкими и финляндскими, жители каменнаго вѣка въ Приладожьѣ оставили и обломки горшковъ, которые также вполнѣ сходны съ олонецкими, верхне-волжскими и окскими; въ Копенгагенскомъ музеѣ я видѣлъ горшки каменнаго вѣка, которые по выдѣланнымъ на нихъ узорамъ вполнѣ сходны съ горшками изъ Олонецкой губерніи и изъ Приладожья. Наконецъ, я долженъ указать еще на одинъ, вполнѣ рѣшительный фактъ, свидѣтельствующій о тѣсномъ отношеніи до-историческихъ обитателей Приладожья съ жителями уже сравнительно близкой къ намъ исторической эпохи; это — обломки горшковъ съ ямками или ячейками, совершенно такими же, какъ на горшкахъ каменнаго вѣка Олонецкой губерніи и Приладожья; эти обломки были найдены Н. Е. Бранденбургомъ въ курганахъ Ново-Ладожскаго уѣзда вмѣстѣ съ различными и

---

[1]) Вотъ мѣсто Тацита о костяномъ оружіи: въ 46-й главѣ „Германіи“ онъ говоритъ о народности, называемой имъ Fenni: «Fennis mira feritas, foeda paupertas: non arma, non equi, non penates; victui herba, vestitui pellis, cubile humus; sola in sagittis spes, quas inopia ferri ossibus asperant». То-есть: „Фенны удивительно дики и грязны въ своей бѣдности: нѣтъ у нихъ ни оружія, ни коней, ни пенатовъ; питаются они травой, одѣваются въ шкуры, спятъ на землѣ; одна надежда у нихъ на стрѣлы, которыя, за неимѣніемъ желѣза, заостряютъ костями“. Нѣчто подобное сообщаетъ и греческій писатель Павсаній (II в. по Р. X.) о Савроматахъ: Attic. 21, 5: Σαυρομάται ἐπὶ τοῖς δόρασιν αἰχμὰς ὀστεΐνας ἀντὶ σιδήρου φοροῦσιν. То-есть: „Савроматы носятъ на своихъ копьяхъ, вмѣсто желѣзныхъ, костяные наконечники“. Къ этимъ указаніямъ, сообщеннымъ намъ проф. И. В. Помяловскимъ, считаемъ нужнымъ прибавить, что, по словамъ Тацита, описываемые имъ Fenni жили на южномъ берегу Балтійскаго моря, въ низовьяхъ Вислы. Тамъ же, во II в. по Р. X., помѣщалъ ихъ и Птолемей (*Y. Koskinen*, Finnische Geschichte. Leipzig. 1874, стр. 2).

Ред.

весьма совершенными издѣліями изъ бронзы и желѣза и кое-какими каменными орудіями [1]).

Я не считаю себя въ правѣ останавливаться на подробномъ описаніи орудій и принадлежностей до-историческихъ обитателей Приладожья, зная, что А. А. Иностранцевъ готовитъ по этому предмету обширную монографію. Вмѣстѣ съ тѣмъ я надѣюсь, что почтенный профессоръ, какъ бывшій мой наставникъ, изъ устъ котораго я прослушалъ курсъ геологіи въ С.-Петербургскомъ универ-

---

[1]) Сообщаемъ, на основаніи данныхъ, любезно доставленныхъ намъ самимъ Н. Е. Бранденбургомъ и до сихъ поръ не обнародованныхъ въ печати, свѣдѣнія о предметахъ, которые были имъ найдены въ курганахъ Ново-Ладожскаго уѣзда и упоминаются г. Поляковымъ.

Раскопанные г. Бранденбургомъ курганы находятся въ низовьяхъ р. Паши. Всѣхъ найденныхъ въ курганахъ каменныхъ орудій четыре, а именно: 1) толстое шлифованное долото изъ глинистаго песчаника въ 3½ дюйма длины и въ 1½ дюйма ширины; къ обѣимъ краямъ, какъ къ острому, такъ и къ тупому, оно тоньше, а въ серединѣ толщина его достигаетъ почти 1 дюйма; 2) обломокъ тонкаго скребка кремневаго, или вѣрнѣе, изъ кремнистаго сланца, длиной 2¼ дюйма; наибольшая ширина 1¾ дюйма; 3) топоръ клинообразный, изъ слюдистаго песчаника, въ 7 дюймовъ длины, съ наибольшею толщиной въ 1 дюймъ; 4) плоское долотцо изъ глинистаго сланца, въ 3 дюйма длины и 1 безъ малаго дюймъ ширины, очень остро заточенное.

Условія, при которыхъ были сдѣланы эти находки, суть слѣдующія: шлифованное долото найдено въ одномъ изъ кургановъ, составляющихъ языческое кладбище на правомъ берегу рѣчки Большой Рыбежки, у впаденія ея въ р. Пашу, ниже деревни Усть-Рыбижны. Курганъ этотъ находился на самомъ краю ежегодно подмываемаго берега, такъ что половина насыпи уже обрушилась въ рѣку. Въ уцѣлѣвшей части кургана были найдены дурно сохранившіеся остатки двухъ костяковъ, находившихся въ южной и западной частяхъ насыпи, между тѣмъ какъ упоминаемое долото найдено совершенно отдѣльно, въ сѣверо-восточной части кургана, въ разстояніи около 3 аршинъ отъ середины. При костякахъ оказалось нѣсколько бусъ, нѣсколько обломковъ бронзы, бронзовая подвѣска съ тремя гусиными на цѣпочкахъ лапками, бубенчикъ, кольцеобразная фибула и двѣ серебряныя монеты (одна англо-саксонская XI в. и одна саманидская X в.). Изъ вещей желѣзныхъ найденъ лишь какой-то остатокъ, сходный съ рогомъ вилы. Скребокъ, или вѣрнѣе, обломокъ скребка и клинообразный топоръ найдены въ одномъ и томъ же огромномъ курганѣ, находящемся на лѣвомъ берегу Большой Рыбежки, у впаденія ея въ Пашу, то-есть,

ситетѣ, не поставитъ мнѣ въ упрекъ взгляды, высказанные мною въ этомъ очеркѣ касательно вѣроятнаго опредѣленія времени, къ коему относятся до-историческіе остатки, въ изобиліи имъ собранные. Ставя до-историческихъ обитателей Приладожья въ довольно тѣсныя хронологическія отношенія, по окружавшей ихъ физико-географической обстановкѣ и по ихъ культурному раз-

---

недалеко отъ вышеупомянутаго кладбища. Курганъ этотъ заключалъ въ себѣ могилу съ сожженными костями, лежавшую въ восточной части насыпи, въ 9 аршинахъ отъ середины, но топоръ и скребокъ найдены въ сѣверной части кургана, на разстояніи 5 аршинъ отъ центра и на разныхъ глубинахъ отъ поверхности; при этомъ топоръ оказался разломаннымъ на двѣ части (изломъ старый), найденныя неодновременно, а одна немного позже другой. Въ могилѣ оказалось вещей довольно много: большой мечь съ слѣдами серебряныхъ украшеній на ручкѣ, копье, желѣзный топоръ, ножи, замокъ и разная мелочь; найдено большое деревянное, облицованное желѣзомъ ведро и остатки деревянной чаши или кубка, окованнаго прорѣзными серебряными пластинками, а изъ предметовъ бронзовыхъ—бубенчикъ, кольцо, пять вѣсовыхъ гирекъ и нѣсколько перегорѣлыхъ остатковъ. Отдѣльно отъ могилы, въ сторонѣ, были найдены еще большой желѣзный котелъ, съ цѣпью для подвѣски его, и серебряная кольцеобразная фибула. Объ этомъ курганѣ слѣдуетъ еще замѣтить, что въ серединѣ его, на протяженіи 14 аршинъ съ сѣвера на югъ, было найдено до сотни небольшихъ желѣзныхъ скрѣпъ, въ родѣ заклепокъ отъ какого-то деревяннаго сооруженія, по видимому—лодки. Наконецъ, небольшое долотцо найдено было также въ большомъ курганѣ съ остатками трупосожженія, лежащемъ у впаденія рѣчки Ковбѣжки въ Пашу, выше деревни Часовенской. Курганъ заключалъ въ себѣ нѣсколько могилъ и былъ обиленъ находками. Изъ бронзовыхъ предметовъ въ немъ оказались: шейная гривна, браслеты, скорлупообразныя фибулы (скандинавскаго типа), кольца, цѣпочки и проч.; изъ желѣзныхъ—топоры, удила, стрѣлы, ножи и т. п. Упоминаемое каменное долотцо найдено однако опять-таки совершенно отдѣльно отъ могилъ; въ разныхъ мѣстахъ насыпи попадались въ пескѣ безформенные кусочки кремней, изъ которыхъ одинъ оказался и въ самой могилѣ, среди горѣлыхъ костей. Въ этомъ же курганѣ встрѣченъ и остатокъ какой-то аббасидской монеты X вѣка.

Какъ извѣстно, примѣры совмѣстнаго нахожденія каменныхъ орудій съ бронзовыми и желѣзными не очень рѣдки и давно уже отмѣчены изслѣдователями (см. *Леббокъ*, переводъ *Анучина*. Доисторическія времена, стр. 3). Въ предѣлахъ Россіи такіе случаи указаны гр. А. С. Уваровымъ, который, раскапывая мерянскіе курганы Ростовско-Суздальской земли, также находилъ въ нихъ иногда каменныя орудія; но такъ какъ здѣсь

витію, къ началу уже исторической эпохи, я во всякомъ случаѣ признаю необходимымъ, руководствуясь геологическими фактами, отодвинуть палеолитическаго человѣка далеко въ глубину вѣковъ и тысячелѣтій, даже и потому, что не извѣстно ни одного историческаго лица, которое охотилось бы на мамонта, носорога и ихъ ближайшихъ спутниковъ.

попадалось не болѣе одного орудія въ курганѣ, и притомъ среди множества желѣзныхъ вещей, то гр. Уваровъ полагаетъ, что эти единичные экземпляры имѣли значеніе амулетовъ или вообще какое-либо символическое (гр. *А. С. Уваровъ*, Археологія Россіи. Каменный періодъ, I, стр. 9—10). По мнѣнію же г. Бранденбурга, найденныя имъ въ курганахъ каменныя орудія не намѣренно положены сюда вмѣстѣ съ желѣзными и бронзовыми вещами, а безъ сомнѣнія — случайно попали въ составъ грунта насыпи. „Мнѣ кажется", пишетъ намъ почтенный изслѣдователь,—„что было бы натяжкой стараться видѣть въ нихъ культурный смыслъ; искать же въ нихъ практическаго значенія, въ виду такого широкаго примѣненія желѣза, какое доказывается раскопанными курганами этой эпохи, также весьма трудно; остается развѣ значеніе символическое,—но и съ этимъ нельзя согласиться въ виду тѣхъ условій, при которыхъ орудія найдены. Гораздо естественнѣе допустить простую случайность, пока не явятся факты болѣе знаменательные въ разбираемомъ отношеніи".

Въ дополненіе къ свѣдѣнію, сообщаемому г. Поляковымъ относительно найденныхъ г. Бранденбургомъ горшечныхъ черепковъ съ ямками или ячейками, не безполезно прибавить, что у г. Бранденбурга имѣется одинъ подобный же горшокъ совершенно цѣлый, найденный въ той же мѣстности. Ямки на немъ выдѣланы очевидно пальцемъ, и вообще—по замѣчанію владѣльца—онъ на столько плохо вылѣпленъ, что едва ли работался на гончарномъ кругѣ.

Ред.

Алфавитный указатель

ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ НАЗВАНІЙ.

Объясненіе сокращеній.

г.—городъ, *губ.*—губернія, *д.*—деревня, *ж. д.*—желѣзная дорога, *зал.*—заливъ, *м.*—море, *о-въ*—островъ, *оз.*—озеро, *пещ.*—пещера, *р.*—рѣка, *с.*—село, *ст.*—станція, *у.* уѣздъ.

Азія, 107.
Алкатова—д., 126.
Алтай, 65.
Альпы, 124.
Америка, 65, 78, 79.
Аминтова дорога, 54 прим.
Амуръ—р., 20.
Англія, 31, 142.
Андома—р., 51.
Арикери (Arickarees)—племя, 66.
Архангельская губ., 28, 46 прим.
Архангельскій погостъ, 49, 50.
Архангельскъ—г., 47, 48.
Атлантическій океанъ, 20.
Ахаликъ—р., 56.

Бабасово—с., 58.
Бадожско-Конецкая ст. 4.
Балтійскій бассейнъ, 51.
Балтійское м., 142, 156 прим.
Березовскіе плесы, 133.
Березовскій погостъ, 130.
Бирючь—р., 108, 109.
Бологое—ст. 136.
Большая Рыбежка—рч., 157 прим.
Большая Шалга—приходъ, 39.
Боровое—оз., 40.
Буковицы—д., 126.
Буркова—ст., 4.
Буртнекъ—оз., 10, 68, 98, 101, 140, 154, 156.
Бѣлки—зал., 129, 130, 135.
Бѣломорскій бассейнъ, 51.
Бѣлый Ручей—селеніе, 4.

Вага—р., 53, прим.
Важскій у., 53.
Варежа—ст., 55.
Везеръ, 103.
Велетьма—р., 74, 82, 84, 86.
Великій океанъ, 20.
Великое—оз., 4, 52.
Вельскъ, 48.
Ветла—мысъ, 131.
Вигкозеро, 4.
Висла—р., 156 прим.
Водла—р., 51.
Водлозеро, 12, 26.
Водлозёры, 21.
Воже—оз., 12.
Вознесенскій посадъ, 3.
Воезерка—р., 42.
Воезеро, 42. 43, 44, 46, 47.
Волга, 35, 36, 59. 67, 83, 101, 102, 109, 125, 126, 130, 133, 134, 136.
Вологодская губ., 40, 43, 48.
Волокъ въ Моши, 44, прим.
Волосово—д., 68, 80 81, 84, 86, 93, 94, 98, 99, 101, 102, 104, 131, 133. 150.
Волосовскіе жители—Волосовцы, 89, 91, 92, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 102, 105, 106, 120, 125, 154.
Волосовскіе холмы, 74, 84, 85, 86, 88, 89, 91, 94, 97, 98, 99, 101.
Волосовскія поселенія, 99.
Волосовское кладбище, 89.
Волоша—р., 39, 44.
Волховъ, 143, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 153, 154.
Воронежская губ., 113, 116, 118, 123.
Воронежъ—г., 69,123.
Восточная Сибирь, 32,61.
Восточный Саянъ, 56, 56 прим.
Выборгъ, 146.
Выгозеро, 12.
Вытегорскій у., 53, 54.
Вытегорское устье, 4.
Вытегра—г., 4, 43, 50, 54, 146.
Вытегра—р., 3. 4, 28, 47, 51, 154.

Гакукса—р., 51.
Гакукса—ст., 51.
Гангъ—р., 145.
Германія, 97, 155.

Гладкова—д., 149.
Горбатовъ, 55, 57, 58.
Горжъ д'Анферъ (Gorge d'Enfer), 102.
Гороховецкая—ст., 57 58.
Глубокое—оз., 135, 136.
Гуртницкій ручей, 4.

Данія, 97.
Демидовская—д., 19.
Днѣпръ—р., 33.
Дордоньи—департаментъ, 103.
Донъ—р., 68.

Европа, 7, 9, 36, 79, 90, 96, 97, 104, 107, 113, 125, 138, 139, 142.
Европейская Россія, 107, 119, 124.
Еменга—р., 42.
Емь, 54 прим.

Задняя Дубровка (Дубравка) — сел., 45, 49.
Закавказье, 66.
Занепречье, 130.
Западная Сибирь, 65.
Зыряне, 118.

Ивановская—д., 44 прим.
Иванъ погостъ, 44 прим.
Икса—р., 44.
Ильинскій мысъ, 45.
Илькино—с., 33.
Иматра, 139.
Индійскій океанъ, 20.
Индоманка—р., 54 прим.
Индѣйцы, 10, 66, 78, 89.
Ирбитская ярмарка, 24.
Иркутъ—р., 56.
Ирландія, 142.
Испанія, 31.

Кавказъ, 135.
Казанская—губ., 35, 59, 125.
Казань—г., 59, 81.
Кальчугъ—зал., 131.
Каменный мысъ, 13, 15.
Канакша—с., 46.
Канакша—р., 43.
Карачарово — с., 76, 80, 81, 107, 113 114, 116, 117, 118, 119, 121, 122, 123 124, 125, 142.
Карачаровскій оврагъ, 114.
Карачаровцы, 120, 122.
Каргополы, 19, 21.
Каргополь—г., 4, 5, 8, 10, 13, 21, 24, 38, 39, 43, 44, 48. 49, 50, 146.
Каргопольскій—у., 27, 28, 53, 54, 54 прим.
Каргопольскія волости, 53 прим.
Кардавга—д., 3.
Карповщина, 136.
Карташиха—д., 35, 59, 125.
Каспійское м., 10.
Кафтино—оз., 136.
Кемь—р., 5, 7.
Кена—р., 50.
Кенозеро, 12, 34, 35, 36, 46, 49, 50, 52.
Кинема—р., 15, 17, 19, 32, 34, 35, 37, 38, 143.
Кіевская губ., 33.
Кій-островъ, 30.
Кіурувеси, 87.
Кладовецъ—о-въ, 43.
Клязьма—р., 57, 58.
Ковжа—р., 16.
Ковжское—оз., 4.
Колодозеро, 50, 51.
Конбѣжка—рч., 158 прим.
Кондинскъ, 128.
Кондратовская—д., 19, 21.
Коневъ, 49.
Конецкая—ст., 4.
Концы—д., 136.
Копенгагенскій музей, 156.
Коровка—мысъ, 128, 136.
Костенскъ—с., 68, 110 прим., 113, 116, 117, 122, 123, 124, 142.
Костенки (Костёнки) 110 прим.
Котечное—оз., 4.
Красновидова—д., 59.
Красноярскъ—г., 32.
Кузнецова—ст., 4.
Кульпинскія соляныя копи, 66.
Кунгуръ, 69.
Курганскій округъ, 65.
Кустынь, 130.

Ладога, 141, 152, 153, 154.
Ладожскій каналъ (старый), 35, 139, 140.
Ладожское—оз., 112, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 147, 148, 149, 150, 151, 153, 154.
Лапинская—д., 21.
Лачозеро, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 16, 17, 19, 21, 23, 31, 32, 34, 35, 41, 43, 44, 51, 54, 54 прим., 140, 143, 154, 156.
Ледовитый океанъ, 128.
Лекшмозеро, 51.
Лельма—приходъ, 49.
Лепша—приходъ, 49.
Ливійскій берегъ, 144.
Липовская—ст., 39.
Литва, 53 прим., 135.
Лифляндія, 10.
Ловзанга—р., 12.
Лодейнопольскій у., 53, 54 прим.
Лопари, 52 прим.
Лопатица—д., 149.
Лопь, 52, 52 прим.
Лубенскій у., 113.
Лужандозеро, 4.

Львиный курганъ, 56, 57, 58, 59, 60, 61 74, 81, 82, 83, 91, 102.

Малая Шалга—приходъ, 39.
Малый Окуловъ—холмъ, 84.
Мамонтова пещ., 104.
Маріинскій каналъ, 26.
Масельга—д., 51.
Мегорское—оз., 52.
Мегра, 53, 54 прим.
Медвѣжій о-въ, 50.
Модозеро, 44.
Москва, 26, 55, 90.
Моша, 41, 45, 46, 47.
Моша—р., 41, 43, 44, 44 прим., 47, 48, 49.
Мошинская волость, 44, 44 прим., 53 прим.
Мошинскій погостъ, 44 прим.
Мошинскій приходъ, 44, 53.
Мошинское—оз., 33, 41, 42, 43, 44, 44 прим., 45, 47, 48.
Мурма, 52 прим.
Мурмское (Муромское)—оз., 51, 52, 54.
Муромскій монастырь, 52.
Мурома (народъ), 81.
Муромскіе лѣса, 106, 120, 155.
Муромъ—г., 67, 69, 76, 80, 81, 82, 83, 84, 98, 101, 113, 114, 117, 119, 122, 123.
Мэнденсъ (Mandans)—д., 66.

Нагашкино—с., 108.
Надпорожское селеніе, 5, 8.
Нахичеванскія соляныя копи, 66.
Нева—р., 112, 141, 143.
Немятова—д., 149.
Нижегородская желѣзная дорога, 57.
Нижегородская ярмарка, 24.
Нижній Новгородъ, 55, 83.
Нилова пустынь, 132.
Нилъ—р., 144.
Нименскій приходъ, 40, 44.
Нименское оз., 39, 41, 44 при.
Новая Мексика, 66.
Новгородская губ., 27, 54.
Ново-Ладожскій у., 156, 157 прим.
Новые Ельцы—д., 133.
Новое Курмево—д., 129.
Ноккола—д., 19.
Нокколъскій погостъ, 5, 15, 16, 23.

Обская губа, 103.
Объ—р., 37 прим., 128, 135.
Овселукъ—оз., 133, 135.
Ока—р., 35, 36, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 65, 67, 68, 70, 71, 73, 74, 75, 78, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 91, 106, 113, 114, 120, 121, 125, 130, 133, 134, 150, 154, 155.
Олонецкая губ., 11, 18, 19, 20, 27, 34, 35, 36, 37, 38, 47, 53, 54 прим., 67, 73, 75, 92, 101, 102, 123, 125, 126, 134, 140, 143, 150, 156.
Ольга—р., 12, 15, 16, 17, 19, 21, 22, 23, 31, 34, 143.
Ольгскій мысъ, 12, 13, 15.
Онега—г., 48.
Онега—р., 4, 5, 8, 9, 11, 13, 15, 28, 38, 44 прим., 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53 прим.
Онего—оз., 143.
Онежскій каналъ, 3, 4.
Онежскій у., 28.
Онежское оз., 3, 4, 14, 35, 50, 51, 52 прим., 65, 140.
Орьма—с., 48.
Осташковъ—г., 125, 126, 131.
Острица—зал., 131.
Остроботнія, 36, 37.
Остяки, 37 прим., 79, 103, 104, 118, 128.
Отаити—о-ва, 98.
Ошта—р., 3, 34.
627Оштинскій погостъ, 3.
Оять—р., 54 прим.

Павлово—с., 55, 57, 74, 77, 91.
Паша—р., 157 прим., 158 прим.
Палтага—д., 3.
Першлахта—д., 50, 52.
Петербургская сторона, 111.
Петрозаводскъ—г., 54.
Плехановскіе холмы, 85.
Плехановъ боръ, 60, 61, 63, 64, 65, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 81, 82, 83, 84, 85, 91, 93, 100, 102, 105, 120—131, 150.
По—р., 145.
Подольскъ—г., 153.
Полтавская губ., 113.
Польша, 104, 113.
Полѣсье, 69.
Поляностный ручей, 9.
Поморье, 47.
Поповскій—о-въ, 7.
Порма—р., 50.
Пормскій—о-въ, 34, 35, 36, 50.
Прибалтійскій край, 19, 140.
Приладожье, 141, 143, 145, 150, 154, 155, 156.
Пудожскій у., 28.
Пудожъ—г., 50, 51.

Раменье—д., 54.
Рига—г., 20.
Ровдручей, 50, 52.
Рожковская слобода, 131.
Розетта—г., 144.
Ронда, 52.
Россія, 7, 8, 64, 65, 72, 73, 89, 90, 91, 102, 104, 110, 110 прим., 118, 119, 123, 124, 126, 136, 137, 138, 139, 142, 153.

Ростовско-Суздальская земля, 158.
Русскіе, 74, 119, 153.
Рянусова—д., 49, 50.
Рыбинско-Бологовская ж. д., 136.

Савроматы, 156 прим.
С.-Петербургъ, 3, 21, 25, 39, 47, 48, 54, 69, 72, 110, 111.
С.-Петербургская губ., 27.
Самоѣды, 103, 104, 118, 128.
Самоядь, 52, 52 прим.
Сапунъ—ст., 58.
Свидь—р., 12, 23.
Свирь—р., 3, 147, 151.
Свіяга—р., 108.
Селигеръ — оз., 130, 131, 132, 133, 135, 136.
Сибирь, 104, 107, 109, 118, 119, 135.
Сигъ—оз. 126, 127, 128, 135, 136.
Сидоровская—д., 19, 21.
Симбирскъ, 108.
Сингапуръ, 20.
Ситъ-Сари—о-въ, 146.
Сіонъ гора, 57.
Скандинавія, 19, 66, 98.
Сканія, 98.
Славяне, 106, 154.
Смоленская губ., 90.
Ставрополь—г., 110.
Ставропольскій округъ, 110.
Степаньково—с., 63, 64, 67, 73.
Стержъ—оз., 133.
Стермянъ—оз., 135.
Стокгольмскій музей, 138.
Суворощъ—р., 57, 58.
Суджа—г., 153.
Сухое—оз., 51.
Сѣверная Америка, 68.
Сясь — р., 138, 143, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153.
Сясьскіе Рядки, 147.
Сясьскій каналъ (новый), 137, 140, 141, 143, 146, 147, 149, 151, 153.

Татары, 53 прим.
Телицина—д., 50.
Тёша—р., 82.
Тихманга—р., 5, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 19, 23, 54 прим., 143.
Тихмангскій приходъ, 54 прим.
Тобольская губ., 65.
Троецкая волость, 53 прим.
Троицкій погостъ, 50.
Тудозеро, 4, 6, 35, 52, 126, 143, 150.
Тудозерскій валъ, 7.
Тудозерскій погостъ, 50.
Тулица—р., 135.
Тульская губ. 33.
Тульскій у., 135.
Тунка—р. 56.
Тункинскіе холмы, 61.
Турчасово, 53 прим.

Угольнова—д., 84.
Удай—р., 113, 142.
Уніойа —фортъ, 79.
Усть-Моша—с., 49.
Устьмошинскій погостъ, 44 прим.
Устмошская волость, 53 прим.
Усть-мошскій станъ, 53 прим.
Усть-Рыбижна—д., 157 прим.
Уткино-Іевлево—д., 128, 129, 136.
Ухта—р., 5, 12, 23, 54.
Ушна—р., 83.

Фатьяново—с. 37, 63, 88.
Фатьяновская волость, 30.
Финляндія, 19, 34, 35, 36, 37, 123, 142.
Финны, 153, 155, 156 прим.
Финскій зал., 112, 141.
Франція, 31, 97, 98, 103.

Хотеновскій погостъ, 43.
Хрѣновскіе холмы, 74, 77, 80, 91, 93.

Чарондское оз., 12.
Часовенская—р., 158 прим.
Челекса—р., 3.
Черкасы—народъ, 53 прим.
Чернослободскій погостъ, 5.
Чудинъ, 153.
Чудское (Финское) племя, 53, 158.
Чудь, 52, 52 прим. 53, 54 прим.
Чулково—с., 55, 57, 58.
Чуца—р., 58.

Шагласъ—р., 54 прим.
Шалекушка—селеніе, 43, 48, 49, 53.
Шалекушскій погостъ, 44 прим.
Швеція, 97, 98, 138.
Шенкурскій трактъ, 38.
Шимозеро, 54, 54 прим.
Ширковъ погостъ, 130, 133, 134.
Шубинъ—о-въ, 42.
Шунгская ярмарка, 24.

Щучья тоня, 6.

Эскимосы, 96.

Юхновсій—у., 90.

Японія, 20.
Ярославская губ., 37, 63, 88.
Ясенское—с., 136.

Важнѣйшія опечатки.

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
44	18 сверху	Модзера	Модозера
73	2 снизу	Biber	Biber
86	15 снизу	селу	деревнѣ
144	5 снизу	Лавійскомъ	Ливійскомъ

Оглавление.

I.

Южная часть Олонецкой губерніи.

1. Юго-восточное прибрежье Онежскаго озера и сѣверо-западное прибрежье озера Лача. — Стран.

Дюны Онежскаго озера и дюнныя озера.—Путь въ Каргополь.—Остатки каменнаго вѣка на Тудозерѣ и на берегахъ озера Лача, при устьѣ рѣки Тихманги и при истокѣ рѣки Онеги. — Остатки каменныхъ и костяныхъ орудій около ручья Поллностнаго.—Кости и орудія при устьѣ Тихманги и предполагаемыя физико-географическія измѣненія на сѣверо-западномъ побережьѣ озера Лача со временъ каменнаго вѣка. . 3 — 11

2. Восточное прибрежье озера Лача.

Характеръ озеръ въ зависимости отъ топографіи ихъ окрестностей. — Озеро Лача: его размѣры, глубина, вода и характеръ береговъ.—Остатки каменнаго вѣка на восточномъ берегу озера и происходящее здѣсь подмываніе берега.—Дельта р. Ковжи.—Залеганіе орудій каменнаго вѣка въ почвѣ и вѣроятное распредѣленіе жителей этого періода; заселеніе мѣстности Славянами. — Характеръ современныхъ жителей и рыболовство на озерѣ Лачѣ. — Бѣличій промыселъ.—Артели на сплавахъ.—Компанія Онежскаго лѣснаго торга.—Очеркъ найденныхъ каменныхъ орудій: кремневые топоры, наконечники копій и стрѣлъ; ножи и скребки; точеныя орудія: топоры, тесла, молотки и костяныя издѣлія . . . . 11 — 38

Путь къ озеру Мошинскому изъ Каргополя. — Озеро Мошинское.—Воезеро и его окрестности.—Каменный вѣкъ около озера Мошинскаго.—Современное населеніе около озера Мошинскаго и Воезера.—Путь по р. Мошѣ къ р. Онегѣ.— Поѣздка на Кенозеро. — Естественное водное соединеніе Балтійскаго и Бѣломорскаго бассейновъ.—Озеро Муромское и преданія о Чуди . . . . 38 — 54

II.

Долина Оки.

1. Львиный курганъ и Плехановъ боръ. Стран.

Путь въ имѣніе князя Л. С. Голицына въ долинѣ Оки и холмъ Львиный курганъ; видъ на окрестность.—Низина, озерно-рѣчныя отложенія и отношеніе ихъ къ каменному вѣку.—Песчаные холмы, какъ мѣсто поселенія до-исторических жителей.—Плехановъ боръ, его строеніе и остатки каменнаго вѣка.—Описаніе орудій, найденныхъ въ холмахъ Плеханова бора.—Глиняная и другая посуда.—Пища. — Бобровыя постройки.—Складъ этихъ построекъ.—Постройки были возведены въ каменный вѣкъ; онѣ предохраняли холмы отъ разрушенія.—Вѣроятность, что человѣкъ покровительствовалъ бобру.—Бобръ донынѣ въ Америкѣ является у Краснокожихъ Индѣйцевъ почти какъ домашнее животное. — Наконечники стрѣлъ съ Хрѣновскихъ холмовъ . . . . 55 — 80

2. Окрестности Волосова.

Мой пріѣздъ въ Карачарово и первыя экскурсіи.—Вѣроятное происхожденіе песчаныхъ холмовъ, служившихъ мѣстопребываніемъ жителямъ каменнаго вѣка около Мурома.—Вѣроятная одновременность происхожденія этихъ холмовъ съ Плехановымъ боромъ.—Волосово какъ пунктъ самый богатый остатками каменнаго вѣка.—Могилы каменнаго вѣка.—Человѣкъ на основаніи его череповъ, вырытыхъ изъ могилъ.—Шлифованныя орудія изъ камня.—Копья и стрѣлы.—Скребки, шилья и пилы.—Костяныя орудія и глиняная посуда.—Костяныя орудія, характеризующія нравственную сторону жителей каменнаго вѣка.—Растительность и животныя, окружавшія человѣка каменнаго періода позднѣйшей эпохи . . 80 — 107

3. Карачарово.

Мнѣніе Лепехина объ археологическомъ значеніи мамонтовыхъ костей и кости слона, вырытыя недавно въ Петербургѣ.—Человѣкъ жилъ одновременно съ мамонтомъ. — Доказательство тому найдено около Карачарова. — Вѣроятный способъ охоты на мамонта и его спутниковъ.—Отдаленность эпохи, когда человѣкъ жилъ вмѣстѣ съ мамонтомъ. — Предполагаемыя измѣненія въ характерѣ природы, происшедшія съ того времени, когда человѣкъ жилъ вмѣстѣ съ мамонтомъ. . 107 — 125

III.

Верховья Волги.

Стран.

Мое пребываніе въ верховьяхъ Волги.—Остатки каменнаго вѣка на озерѣ Сигѣ: на сѣверо-восточной его сторонѣ и на мысахъ Коровкѣ и Бѣлкѣ.—Остатки каменнаго вѣка на берегахъ Селигера: около Осташкова, слободы Рожковской, Ниловой пустыни и селенія Новыхъ Ельцовъ.—Орудія изъ долины Волги, около озеръ Стержа и Овселука.—Городища въ долинѣ Волги и на берегу озера Глубокаго.—Дальнѣйшій путь . . . . 125 — 136

IV.

Новый Сясьскій каналъ.

Изслѣдованія профессора А. А. Иностранцева.—Оцѣнка значенія каменныхъ орудій для исторіи человѣчества и находка ихъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія на Ладожскомъ каналѣ.—Каменныя орудія, найденныя на Ладожскомъ побережьѣ, какъ въ прошломъ вѣкѣ, такъ и нынѣ, относятся къ неолитическому періоду.—Сравнительная отдаленность палеолитическаго періода, эпохи мамонта.—Физико-географическія условія нахожденія до-историческихъ остатковъ на новомъ Сясьскомъ каналѣ.—Дельты Нила и другихъ большихъ рѣкъ.—Почему нельзя приписывать большую геологическую древность остаткамъ, найденнымъ на Сясьскомъ каналѣ. — Дюнный характеръ побережья. — Предполагаемый островъ, гдѣ жилъ человѣкъ.—Каналъ за Сясью.—Обитатели каменнаго вѣка относятся, вѣроятно, къ Финскому племени; животныя, ихъ окружавшія; растенія; орудія.—Заключеніе . 136 — 159

Алфавитный указатель географическихъ названій . . 160 — 163

Примѣчанія Л. Н. Майкова:

О заселеніи береговъ р. Моши 44

О преп. Лазарѣ Муромскомъ 52

О панахъ въ Мошинскомъ краѣ 53

О Чуди въ Олонецкой губерніи 54

Извѣстія Тацита и Павсанія о костяныхъ орудіяхъ . . . 156

О раскопкахъ Н. Е. Брандербурга въ Ново-Ладожскомъ уѣздѣ . . . . 157 — 159

